

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ПРАВА**

Сборник научных статей

ББК 67.08
А 43

Волгоград 2004

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Актуальные проблемы философии и социологии права:
А 43 Сб. науч. ст. – Волгоград: ВА МВД России, 2004. – 188 с.,
150 экз.

ISBN 5-7899-0319-3

Предлагаемый вниманию читателя сборник включает в себя научные работы, подготовленные участниками межвузовской научной конференции «Актуальные проблемы философии и социологии права». Помещенные в сборнике статьи касаются широкого круга проблем, стоящих перед современными гуманитарными науками в связи с необходимостью анализа правовой жизни общества.

ББК 67.08

Редакционная коллегия: *Попович А. Н.* (отв. редактор),
Матвиенко Е. А. (отв. секретарь), *Никонов А. В.*

ISBN 5-7899-0319-3

© Волгоградская академия МВД России, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понятие права с точки зрения философии выглядит достаточно просто и основательно. Еще с древних времен философию интересовала правовая сторона человеческой природы, поскольку от способности руководителей (будь то вождь, император, царь и т. д.) мыслить и действовать в соответствии с правовыми нормами зависела жизнедеятельность всей общности, которой он управлял.

Право, в самом общем виде, совокупность этических общностных ценностей (справедливость, порядок, нравственность, правдивость, верность, надежность и т. д.), первоначально покоившихся на идее равенства: равным обязанностям должны соответствовать равные права.

Христианство, что общепринято, требует равного права для всех, так как перед Богом – источником и хранителем правовой идеи – различия между людьми не имеют никакого значения.

Позитивное право, в этом смысле, формулирует исконные права человека (например, право на жизнь и право на все то, что необходимо для сохранения и продления жизни) и широко разветвляющиеся, вытекающие из него права. Позитивное право одновременно указывает на то, что должно происходить, если сталкиваются права нескольких личностей; оно становится совокупностью правил, регулирующих человеческие отношения.

Позитивное право налагает на индивида нравственные обязательства лишь постольку, поскольку оно соответствует его чувству ценности (правовому чувству). Задача, с одной стороны, законодательства, а с другой – воспитания заключается в том, чтобы устанавливать и поддерживать соответствие между позитивным правом и правовым чувством как можно большего числа граждан государства. Принудительность права, осуществляемая государственной властью, является по своим возможностям весьма ограниченной. Применение власти может, конечно, препятствовать человеческим деяниям (например, посредством ограничения свободы), но нет никаких оснований для того, чтобы это совершалось с применением средств, противоречащих исконному человеческому праву (террор, жестокость, пытки и т. д.). Как известно, восемь заповедей из десяти являются запретами, но соответствующими моральным принципам и устоям человеческой общности, правда, живущей по законам христианства.

Философия права – философско-понятийное осмысление сущности права, его возникновения, связи с другими явлениями объек-

тивного духа, осмысления соизмеримости сформулированных и кодифицированных правовых положений с лежащими в их основе идеями и нравственными целями. В частности, философия права рассматривает право с логической, гносеологической, психологической, социологической и этической точек зрения. Разнообразные по содержанию направления философии права объясняются различиями в мировоззрении, лежащем в их основе, и в том историческом состоянии права, с которым связано его философское осмысление.

Представленные в настоящем сборнике указанные аспекты философии и социологии права свидетельствуют о том, что одним из надежнейших способов организации социального порядка является последовательное применение именно такого установленного государством права, которое обусловлено этнокультурными традициями, всей историей общества.

«Жизненная практика» при этом осуществляется в различных социальных контекстах. Характер социальных норм, будучи обусловленным и, в свою очередь, обуславливающий правовые нормы, задает список принципов, неких универсальных регулятивов, реализация которых и есть повседневная практика социума.

Объем предлагаемой коллективной работы, перечень рассматриваемых проблем, глубина анализа отнюдь не исчерпывают необъятную проблематику философии и социологии права. В этом контексте особый интерес представляет русская философская традиция в части, относящейся к философии и социологии права. В ряде работ сборника предложен подход, сохраняющий традиционную философскую стилистику, но неожиданно приведший к весьма оригинальным выводам, дающим повод к особенно внимательному прочтению трудов русских философов. Традиции, упомянутые нами, составляют канву социума и могут быть поняты, интерпретированы в философском контексте лишь с позиций вечных русских вопросов – «Кто мы?» и «Что делать?».

В сборнике нашло отражение и вечное стремление решить известные философские проблемы: «что есть Я», независимо от норм, обуславливающих положение индивида внутри социума? Нельзя ли «очистить» правовую норму от моральных наслоений? Не превращается ли в данном случае поиск «должного» и «допустимого» в задачу оправдания данного устройства наличного бытия? Призвана ли философия права оправдывать данное устройство социума?

В известном смысле философия права – некий универсальный инструмент, препарирующий общество на предмет поиска ответа на вопрос: «Почему общество таково, а не иное». В самом деле, право не является неким независимым условием общественного порядка, оно – право – есть начало реализации идей и ценностей, признаваемых в качестве социальных ориентиров. Эти идеи и ценности имеют метафизическую природу. Средства философии оказываются в этом случае необходимыми и достаточными, чтобы исследовать их (ценности и ориентиры) и культивировать. Прошедшая конференция (первая в нашем регионе по данной проблематике) обнаружила глубокий интерес исследователей и актуальность философского анализа права. Настоящей работой мы открываем цикл дискуссионных исследований по насущным проблемам современного российского общества.

Раздел I. ПРАВО КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

А. Н. Попович, Г. В. Попович

ЛОГИКА НОРМ

Исследование нормативных высказываний, являющихся элементами логической структуры права, – условие выявления специфики природы права и имеет, как представляется, важное значение в выработке практических решений процесса правоприменения.

Стремительное развитие социальной действительности предполагает изменение правовых регулятивов. В этом плане анализ логической структуры правовых теорий является необходимым в решении проблем адекватности правовых норм общественным отношениям.

В настоящее время логика норм представлена целым рядом различных логических систем. Различие подходов во многом определяется неоднозначным пониманием исходных категорий деонтической логики, а также разночтением в истолковании природы, структуры и видов нормативных высказываний.

В литературе понятие нормы нередко отождествляется с предписанием либо описывается путем указания на наличие в высказывании модальных деонтических операторов – «обязательно», «запрещено», «разрешено». При таком подходе в класс норм включаются значительно отличающиеся друг от друга выражения – нормы права и команды, приказы и нормы морали, технические нормы и правила грамматики, правила игры и обычаи и т. д.

Сопоставление различных фрагментов естественного языка позволяет выделить ряд сходных моментов употребления термина «норма».

Во-первых, грамматической формой нормативного высказывания, как правило, выступает императивное предложение, представляющее собой предписание, т. е. повеление, предшествующее выполнению или воздержанию от выполнения определенного действия. Характерный для нормативных высказываний элемент повеления (императив) позволяет отличать нормы от высказыва-

ний, содержащих просьбы, советы, рекомендации, пожелания и иные типы побуждений. Вместе с тем нормы могут быть представлены в форме индикативных предложений.

Очевидно, что предписывающий характер норм зависит не только от грамматической формы высказывания, но и определяется также контекстом и реальной ситуацией.

К нормам относят такие предписания, которые имеют регулятивно-всеобщий характер. В этом случае норма предполагает повторяемость или регулярную применяемость в однотипных ситуациях. Это обеспечивается тем, что нормативное предписание имплицитно содержит определенный стандарт, выполняющий функцию регулятора в социальной среде и указывающий на конкретные способы поведения или действия, обеспечивающие достижение социально приемлемых или желательных результатов.

Нормативными являются предписания, нарушение которых всегда приводит к неблагоприятным последствиям (урон, ущерб, ухудшение состояния дел) и включается в понятие «санкция». Тип санкции, сопровождающий нарушение норм, определяется главным образом спецификой самих регулируемых отношений. Так, правовые санкции могут носить имущественный характер (возмещение вреда, штраф, конфискация) или выражаться в форме воздействия на личность нарушителя норм (лишение свободы). Нарушение моральных норм ведет к санкциям в виде общественного порицания или осуждения.

В качестве особого вида последствий следует отметить объективную, не зависящую от воли и желания личности невозможность выполнить предписания, регулирующие некоторые виды отношений и деятельности. Например, нарушение правил грамматики разрушает или искажает информацию, а нарушение правил игры делает ее бессмысленной или некорректной, в лучшем случае меняет ее статус.

Отмеченные три признака: 1) прескриптивный характер высказывания, 2) наличие общего правила поведения и 3) эксплицитно (либо имплицитно) подразумеваемая санкция, – составляют ядро или основное содержание любого нормативного высказывания и служат достаточно четким критериям для отличия норм от всех иных побудительно-регулятивных предписаний (команд, решений, приказов и т. д.).

По существу, санкция аналитически связана с прескриптивным характером нормативного высказывания. Вне санкции теряет смысл

сама идея предписания, или прескриптивности, точно так же, как двусмысленным выглядит любой необеспеченный конкретными гарантиями императив.

Не обеспеченная санкцией прескрипция по языковой форме будет выглядеть предписанием, а по своей логической функции означать нечто иное – совет, рекомендацию либо выражение неких эмоций.

Трехэлементная структура нормативного высказывания может служить исходной базой для анализа норм права. При этом под нормами права будем понимать предписанное официальным органом и направленное на защиту господствующих социальных интересов общеобязательное правило поведения, регулирующее взаимоотношения между людьми, организациями и органами власти, неисполнение которых влечет санкции, предусмотренные юридическими нормами.

Согласно указанному подходу нормы права, помимо элементов ядра, включают ряд новых атрибутов.

Прежде всего, норма права выступает регулятором особого рода общественных отношений, именуемых правоотношениями.

Правоотношения – это возникающие в социальной среде и регулируемые нормами права отношения между людьми, организациями и органами власти.

Разумно предполагать, что правоотношения «праву» всегда корреспондируют «обязанность». Всякое право предполагает обязанность, и наоборот – всякой обязанности соответствует определенное право. Так, конституционному праву на труд соответствует обязанность представления работы. Распространяется ли эта взаимосвязь на все нормы права?

Еще Д. С. Милль обратил внимание на различие между совершенным и несовершенным долгом. Под совершенным долгом (обязанностью) будем понимать долг, благодаря которому некоторый субъект или субъекты обладают соответствующим этому долгу правом.

Несовершенный долг не порождает какого-либо права. При этом подходе изменяется и смысл понятия «санкция». Например, норма, обязывающая заботиться о родителях, выполняема лишь при наличии родителей и не распространяется на все субъекты. В каком тогда смысле санкция имплицитно содержится в норме?

Актуальной, в этом плане, представляется общая задача – классификации норм. Реализация этой задачи потребует использова-

ния средств деонтической логики. Остановимся здесь лишь на некоторых аспектах и результатах классификации.

Логика норм, опирающаяся на теорию взаимодействия, позволяет выделить несколько типов обязанностей и прав:

- обязанность предоставить право предоставить;
- обязанность причинить или навязать право не причинять;
- обязанность не причинять право не требовать;
- обязанность требовать право принять.

Следует подчеркнуть, что возможность типизировать обязанности и права в значительной степени расширяют рациональные принципы познания специфических объектов, каковыми являются нормы права.

Зададим список аксиом и правил вывода логики норм (запишем их средствами естественного языка):

A1: Обязанность выполнить (субъектом правоотношений) перечень действий эквивалентна обязанности выполнить каждое из действий.

A2: Право выполнить (субъектом правоотношений) список альтернатив эквивалентно праву выполнить хотя бы одну из альтернатив.

A3: Обязанность выполнить (субъектом правоотношений) некоторое действие влечет право выполнить это действие.

A4: Обязанность выполнить (субъектом правоотношений) некоторое действие эквивалентна отсутствию права не выполнять это действие.

A5: Обязанность субъекта X предоставить субъекту Y некоторое положение дел эквивалентна праву субъекта Y требовать от субъекта X выполнить некоторое положение дел.

A6: Обязанность субъекта X принять от субъекта Y некоторое положение дел эквивалентна праву субъекта Y причинить субъекту X некоторое положение дел.

Правило 1: Некоторое действие запрещено, если и только если существует обязанность не выполнять это действие.

Правило 2: Некоторое действие не обусловлено предписаниями, если не предусмотрена обязанность выполнить это действие и не предусмотрена обязанность не выполнять это действие.

Аксиомы A1 – A4 являются теоремами абсолютной деонтической логики. Аксиома A4 эквивалентна в данной системе конъюнкции принципов деонтической непротиворечивости и полноты. Используемая здесь система, таким образом, является полной.

Построенная таким образом логика норм позволяет реализовать взаимную определяемость деонтических операторов.

Аксиома А5 устанавливает связь обязанности предоставить с правом требовать. Согласно ей один субъект обязан предоставить другому некоторое состояние только в том случае, когда второй субъект имеет право требовать от первого реализации этого состояния. Например, если должностные лица обязаны в установленные сроки рассматривать предложения и заявления граждан, то каждый гражданин имеет право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, и наоборот, когда гражданин вправе вносить, обязанность должностных лиц – в установленные сроки рассматривать.

Аксиомой А6 устанавливается связь между обязанностью принять и правом причинить или навязать: если один субъект обязан принять что-то от другого, то второй имеет право навязать это первому; и наоборот, если некоторый субъект вправе навязать что-то другому, то другой обязан это принять.

Например, если следователь обязан принять к сведению изменение показаний подследственного, то подследственный вправе изложить эти новые показания, и если подследственный вправе изменить показания, следователь обязан принять эти показания.

Из аксиомы А5 и А6 следует:

1. Обязанность субъекта Х не требовать от субъекта Y реализации какого либо состояния эквивалентна праву Y не предоставлять субъекту Х это состояние. Например, обязанность следователя не требовать от подследственного Y ложных показаний означает право подследственного не давать ложных показаний; и наоборот, если подследственный вправе не лгать, то следователь обязан не требовать дачу ложных показаний.

2. Обязанность не навязывать эквивалентна праву не принимать. Например, обязанность не навязывать подследственному желаемой версии эквивалентна праву подследственного не принимать эту версию; и наоборот, право не принимать версию эквивалентно обязанности ее не навязывать.

Следующие следствия из аксиом А5 и А6 имеют силу теорем в логике норм:

1. Право субъекта Х требовать от субъекта Y выполнить некоторое действие влечет обязанность субъекта Y предоставить субъекту Х выполнение этого действия.

2. Право субъекта X требовать от субъекта Y выполнить некоторое действие влечет запрещение не предоставлять это положение дел.

3. Право причинять субъектом X субъекту Y что-либо влечет запрещение не принимать субъектом Y от субъекта X что-либо.

4. Запрещение требовать влечет право не предоставлять.

5. Право не предоставлять влечет обязанность не требовать.

6. Обязанность причинить влечет отсутствие права не принимать.

Использование аппарата деонтической логики на базе логики взаимодействия позволяет с существенно иных позиций подходить к проблеме классификации норм и взаимосвязи обязанностей и прав.

Всякая норма связывает пару¹ субъектов, один из которых может быть назван относительно активным, а другой – относительно пассивным. При этом выделение активного и пассивного зависит от формулировки нормы. Как активный, так и пассивный субъекты могут быть индивидом либо группой лиц.

В зависимости от характера субъектов могут быть выделены следующие типы норм:

- индивидуально-индивидуальные (И-И);
- индивидуально-групповые (И-Г);
- индивидуально-всеобщие (И-В);
- всеобще-индивидуальные (В-И);
- всеобще-групповые (В-Г).

Важно подчеркнуть, что классификация таких специфических норм, как нормы права, определяется не произволом, удобством, предпочтениями, а исходными социокультурными, мировоззренческими предпосылками, лежащими в основе правовой теории. Вместе с тем система правовых норм базируется на определенной логической основе, обеспечивающей функциональную взаимосвязь всех норм. Выявление функциональной значимости той или иной нормы, т. е. обеспеченности ее всей системой права, с необходимостью предполагает исследование логической структуры, лежащей в основе права.

По существу, это путь выявления рациональных основ правовой установки в рамках наличной правовой теории.

¹ Каждый из элементов этой пары может быть и n-кой.

Представляется продуктивным в этой связи обратиться к классификации норм, предложенной русским ученым Л. И. Петражицким еще в 1900 году¹.

Интересен этот подход как с точки зрения логики, так и с точки зрения права, и прежде всего в связи с вопросом о статусе нормы.

В соответствии с подходом Л. И. Петражицкого, «все объекты императива могут быть сведены, как к простейшим элементам, к 1) отдельным положительным действиям, 2) воздержаниям и 3) терпениям; а все объекты атрибутива, все получения в общем смысле, могут быть сведены к соответственным 1) положительным получениям, или получениям в тесном смысле, 2) непретерпеваниям известных воздействий, свободам от таковых; «неприконовенностям, охранностям», 3) терпимым со стороны обязанных действиям, положительным свободам, свободам, свобододействиям»².

В соответствии с тремя типами взаимодействий все правовые нормы могут быть разделены на три вида:

- 1) положительно-притязательные или предоставительные;
- 2) отрицательно-притязательные или охранительные;
- 3) уполномочивающие.

Таким образом, следует считать эквивалентными следующие обязанности и права:

- обязанность сделать и право притязать;
- обязанность не делать и право не терпеть;
- обязанность терпеть и право сделать.

По мысли Л. И. Петражицкого, одну и ту же правовую норму можно сформулировать и как обязывающую и как предоставляющую право. При этом статус пассивного и активного субъектов меняется в зависимости от формулировки.

Классификация правовых норм в зависимости от типа взаимодействия, регулируемого ими, вызвала и вызывает критику. Таковым является понятие «терпение», вводимое наряду с понятиями «действие» и «воздействие».

Важно (с позиций завершенности, полноты классификации) отметить, что многие виды норм имплицитно содержатся в предложенных Л. И. Петражицким. Он устанавливает следующие эквивалентности между обязанностями:

- обязанность предоставить эквивалента праву притязать;

¹ См.: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1900. Т. II.

² *Петражицкий Л. И.* Указ. соч.

– обязанность не предоставлять эквивалентна праву не требовать;

– обязанность требовать эквивалентна праву предоставлять.

В терминах данных обязанностей и прав могут быть определены: «право сделать», «обязанность не притязать», «право воздержаться», «обязанность терпеть».

За пределами классификации, очевидно, остаются «обязанность притязать» и «право не притязать», «обязанность не терпеть» и «право терпеть». Дело в том, что эти нормы проблематичны в классификации Петражицкого. Более того, двусмысленным является использование термина «сделать». В выражении «обязан сделать в отношении» в одном случае означает «выполнить» в пользу другого субъекта определенное действие, на которое он вправе претендовать, в другом – навязать другому субъекту, независимо от притязаний, определенное состояние, которое этот субъект должен принять. Примечательно поэтому, что из естественных эквивалентностей Л. И. Петражицкого выводимо странное, на первый взгляд, следствие: «право одного субъекта притязать на определенное действие второго влечет обязанность первого терпеть это действие второго», ставшее, однако, едва ли не фундаментальным принципом процесса правоприменения сегодня.

Последний вывод возвращает нас к проблеме корреляции обязанностей и прав, которую мы наметили выше.

Будем говорить, что обязанность и право находятся в отношении корреляции, только если они эквивалентны, и активный субъект обязанности является пассивным субъектом права, а пассивный ее субъект – активным субъектом права.

Право, с которым рассматриваемая обязанность находится в отношении корреляции, будем называть коррелятивным правом данной обязанности, а саму обязанность – коррелятивной обязанностью этого права.

Использование этой терминологии позволяет определить как обязанность, имеющую коррелятивное право, и право, для которого есть коррелятивная обязанность.

Существуют ли несовершенные права и обязанности? Да!

В рамках современных деонтических логик совершенными являются обязанности предоставить, не причинять, принимать, не требовать и права причинять, не принимать, требовать, не предоставлять.

Несовершенны в ней «обязанность причинить», «обязанность требовать», «обязанность не предоставлять», «обязанность не принимать», «право не причинять», «право не требовать», «право предоставить» и «право принять».

В этом плане, очевидно, не реализуется принцип «нет прав без обязанностей». Например, право субъекта не требовать положение дел от субъекта X несовершенно в том смысле, что с ним не связана коррелятивная обязанность Y выполнить определенное действие в отношении X. Но с этим правом связана обязанность всякого иного субъекта не навязывать субъекту X требуемое положение дел от субъекта Y.

В заключение отметим, что предлагаемый подход отнюдь не претендует на исчерпывающую всесторонность. Так, за пределами нашего анализа остались гипотетические нормы, работа с которыми требует иного логического аппарата. Всякое изменение правовых реалий, соответственно способов их описания, требует и модификации логических средств анализа. В то же время результаты логического анализа вносят коррективы в процессы формирования правовых норм.

В этом смысле логический анализ правовых норм дает возможность не только реконструировать правовые контексты, но и проследивать эволюцию норм, зависимость их от наличных социальных реалий.

Становление научного мировоззрения правоведа необходимо предполагает овладение научными методами анализа, каркасом которого является логика.

В. Н. Гуляихин

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ

По мнению многих русских философов, культурологов, историков, та форма социокультурных отношений, которая сложилась в конце XV – начале XVI веков, в той или иной степени сохранилась и в наше время. Ее называют по-разному: И. Солоневич – народной монархией, М. Шахматов – государством правды, Н. Бердяев – тоталитарным государством, некоторые марксисты – своеобразной параформацией азиатского способа производства. При этом типе отношений права были только у государственной власти, а поддан-

ные имели одни обязанности, но мирились с этим, поскольку обладали двумя свойствами социально-психологического национального характера. Во-первых, чувством изолированности, вызванным психологией осажденной крепости. Во-вторых, связанным с чувством изолированности мессианизмом. При этом «русская душа оставалась неосвобожденной; она не признавала каких-либо пределов и простиралась беспрестанно. Она требует всего или ничего, ее настроение бывает либо апокалипсическим, либо нигилистическим»¹.

Менталитет определяет не только поведение и опыт отдельного человека, но и социальных групп в целом. Исследования такого рода априорных инвариантных форм сознания позволили сделать заключение, что именно эти глубинные слои во многом устанавливают и осознанное поведение, и рефлексивные акты, и отношение к действующим правовым установкам. Понятие «менталитет» слабо обосновано с методологической точки зрения, и поэтому не стоит преувеличивать его научный статус. Под менталитетом, на наш взгляд, следует понимать некий исторический опыт нации, своеобразную народную память, которая определяет действия людей, верных своему исторически сложившемуся «генетическому» коду поведения в любых даже экстремальных ситуациях, в том числе и в правовой сфере. В этой связи интересна мысль Б. Гройса: «...у России не может быть подсознания, потому что она сама есть подсознание»².

В зависимости от политических взглядов характерные черты русского менталитета определяют совершенно по-разному. Так, правые идеологи усматривают его основные черты в самодержавии, соборности и православии, т. е. в тех ценностях, которые они выдвигают в качестве политических приоритетов и которые они считают неотъемлемыми свойствами русской нации. Левые заявляют об антиавторитарности и антирелигиозности русского характера. Представители этих идеологических направлений не учитывают амбивалентности сознания, его противоречивости и двойственности. «Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковыми основаниями можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 2003. С. 150.

² Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. С. 245.

необычайно человеческий, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный»¹.

Противоречивость и двойственность присущи и правосознанию русского человека, которые проявляются в том, что он в зависимости от окружающих условий может взять на себя социальную роль как правового нигилиста, так и правового идеалиста. А в качестве промежуточного звена у него может проявиться такое свойство, как правовой инфантилизм. При этом, как отмечал З. Фрейд, «эти русские как вода, которая наполняет любой сосуд, но не сохраняет форму ни одного из них»². Наряду с генетическим кодом (природным инвариантом) существуют и долговременные ценностные структуры (культурные инварианты). К последним относится, например, естественное право. Как любой взрослый человек имеет определенные рамки поведения, за которые ему достаточно трудно выйти и которые, по З. Фрейду, являются неосознанным инфантильным опытом, так и любой этнос имеет стереотипы национального поведения, которые сформировались под воздействием ключевых событий этногенеза. Видимо, З. Фрейд опирался на пословицу «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – прощен не будешь», когда утверждал: «Русская душа отважилась сделать вывод, что грех – необходимая ступенька к наслаждению всем блаженством божественной милости, т. е. в принципе богоугодное дело»³.

Большинство русских людей слабо представляют границу между полномочиями государства и свободами гражданского общества. Поэтому они не имеют правильных понятий о правах и свободах. На протяжении веков желания людей, чтобы правительство управляло ими для них, а не против них, так и остаются только мечтами. В архетипах российского сознания идея справедливости занимает особое доминирующее положение, поскольку она детерминируется своеобразным компенсаторным механизмом произволу и авторитаризму, царящему в нашем обществе. Справедливость понимается нами как производное от слова правда, которая не только истина, поскольку она всегда выстрадана, за нее живота не жалеют. Правда – это еще определенное возвышенное эмоциональное состояние.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 15.

² Цит. по: Эткин А. М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993. С. 270.

³ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С. 48.

«Закон и право в народном сознании не были самоценностью. Закон лишь тогда выступает ценностью, когда определяется как «справедливый». Справедливый закон я выполнять буду, а не справедливый – не буду. В западной традиции справедливость и право соединены более органично. Там есть установки сознания, что если закон не выполняешь, то, значит, и несправедливо живешь»¹.

В. А. Калачев

Л. Н. ТОЛСТОЙ О СУЩНОСТИ ПРАВА

Право как важный фактор общественной жизни всегда интересовало великого писателя и мыслителя, который еще в юности стремился найти объяснение тому, что ему «казалось странным и неясным в устройстве жизни людей». Он становится студентом юридического факультета Казанского университета. Однако довольно быстро разочаровывается в преподаваемой «официальной мудрости» и начинает усиленно заниматься самообразованием². Толстой читает труды античных мыслителей, сочинения французских просветителей XVIII века. С особым пристрастием изучает он произведения одного из самых радикальных философов французского Просвещения – Жан-Жака Руссо. «Я очень рано стал много читать философских книг, – вспоминал впоследствии писатель, – Руссо первый увлек меня; я перечитывал его по нескольку раз, и он имел на меня большое влияние»³. Идеи этого мыслителя о естественном равенстве всех людей, о превосходстве «естественного состояния» над «цивилизованным», осуждение им лжи и фальши «цивилизации» оказали существенное влияние на формирование общественно-политических взглядов Толстого в рассматриваемый период и намного вперед предопределили их развитие.

В студенческой работе, посвященной сравнению «Наказа» Екатерины II с «Духом законов» Ш. Монтескье, Л. Толстой делает важ-

¹ Степин В. С. Гражданское общество, правовое государство и право (Круглый стол журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 24–25.

² См.: Емельянова И. А. Лев Толстой на юридическом факультете Казанского университета // Советское государство и право. 1979. № 11.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 23. М., 1957. С. 496 (в дальнейшем все ссылки на сочинения Толстого даются в тексте статьи по этому изданию с указанием тома и страницы).

ный вывод: «Закон положительный, чтобы быть совершен, должен быть тождественен закону нравственному».

Толстой оставил юридический факультет, главная причина состояла в том, что казенная наука не давала пытливому юноше ответов на многие из мучивших его морально-философских вопросов, а примеров того, что закон положительный расходится с законом нравственным, было множество. Сформулированный в студенческие годы нравственно-правовой постулат прошел через всю жизнь великого искателя правды. С меркой «нравственного закона», с точки зрения «вечных начал нравственности» судил Толстой и о юридической действительности своего времени.

Как известно, в конце 70-х – начале 80-х гг. в мировоззрении великого писателя произошли коренные сдвиги. Он приходит к решительному осуждению всего правящего класса, к окончательному разрыву со своим классом. «Со мной случился переворот, который давно готовился во мне, – писал он в своей «Исповеди». – Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, ученых – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его» (23, 40).

Порвав со всеми привычными взглядами и традициями дворянской среды, провозгласив своим идеалом «жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей» (23, 40), Толстой всецело переходит на идейные позиции русского патриархального крестьянства. С этого момента защита его экономических и политических интересов становится основным содержанием его многогранной деятельности.

Подняв в своих произведениях, написанных в 80-х – начале 90-х годах, многие вопросы современного ему общественного и политического устройства, Толстой со всей остротой поставил и вопрос о сущности и назначении права.

Следует отметить, что в своих рассуждениях о праве писатель в большинстве случаев избегал употреблять этот термин, с которым у него ассоциировалось только «высшее», «естественное», т. е. действительно справедливое, право. Поэтому чаще всего он говорил о законах, об «узаконениях», «...одинаково несовершенных, а часто и явно ложных и несправедливых во всех государствах» (28, 95).

Общей чертой всех существующих в обществе «узаконений», с точки зрения Толстого, является то, что они поддерживаются наси-

лием. Причем это насилие, отмечал писатель, не простое насилие, иногда употребляемое людьми друг против друга, а насилие организованное, под которым он понимал государство со всем его аппаратом принуждения. Сущность же законов в том, что есть люди, которые их устанавливают с выгодой для себя и, распоряжаясь организованным насилием, имеют возможность заставлять других исполнять свою волю (см. 34, 181).

Мысль о том, что в праве находят свое выражение только интересы власть имущих, Толстой развивает во многих своих произведениях. В «Письме студенту о праве» он подвергает резкой критике психологическую теорию права Л. И. Петражицкого, согласно которой право, имея своим источником психику человека, определялось как результат общечеловеческих эмоций и переживаний. Если, пишет Толстой, рассуждать не по «науке», а с позиций здравого смысла, то ответ на вопрос о том, что в действительности скрывается за словом «право», будет простым и ясным: «Правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей делать то, что им – властвующим – выгодно; для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено» (38, 55).

Отмечая, что существуют различные отрасли права: государственное, гражданское, уголовное и другие, Толстой писал, что все они предназначены для решения одной и той же задачи – для защиты права частной собственности. Все они имеют своей главной целью «охранение богатств крупных земельных собственников, фабрикантов, капиталистов, наживающих свои богатства захватом земли, естественно долженствующей быть общей, или ограблением трудов рабочих, поставленных вследствие отнятия земли в полную зависимость от капиталистов» (38, 58).

Что, например, представляет собой так называемое государственное право, спрашивал мыслитель и отвечал, что «оно является, по сути дела, правом власть имущих отбирать у людей произведения их труда и посылать их на войну» (38, 55). Гражданское право есть право одних «на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владения орудиями труда», для тех же, кто лишен имущества, это право «продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землею и капиталами» (38, 55). Уголовное право для одних составляет право ссылатъ, заточать, вешать всех тех, кого они считают нужным подвергать этому; для других же – только право не подвергаться репрессиям до тех пор, пока это допускают власть имущие (см. 38, 55). Междуна-

родное право означает для тех или иных стран право сохранять независимость, «но только до тех пор, пока люди, распоряжающиеся большими количествами войска, не решат иначе» (38, 56).

Как уже отмечалось, для Толстого понятие права неотделимо от справедливости, заключающейся, по его убеждению, в удовлетворении насущных интересов трудящихся масс – громадного большинства людей. С этих позиций он и оценивал как современное ему полуфеодальное право царской России, так и право буржуазных государств Западной Европы, доказывая, что ни о какой якобы присущей праву справедливости не может быть и речи ни в том ни в другом случае¹.

С возмущением пишет Толстой о том, что право в условиях России, являясь «орудием откровенного грабежа трудового народа богатыми классами», в то же время служило цели сокрытия этого грабежа, придания ему видимости охраны собственности и прав граждан. «Вы, – обращается писатель к господствующим классам и правительству, – со своими законами о земельной собственности не ограждаете земельную собственность, а отнимаете ее у тех, кто работает. Вы говорите, что ограждаете за всяким человеком произведения его труда, а между тем делаете как раз обратное: все люди, производящие ценные предметы, благодаря вашему мнимому ограждению, поставлены в такое положение, что никогда не только не могут получать стоимость своего труда, но вся жизнь их находится в полной зависимости и власти неработающих людей» (34, 183).

С не меньшей резкостью отзываясь мыслитель о буржуазном праве западноевропейских государств, отмечая, что оно также узаконивает угнетение и эксплуатацию трудящихся масс господствующими классами. В статье «Разрушение ада и восстановление его» он едко высмеял всю фальшь и лицемерие принципа формального равенства, из которого исходит буржуазное право: «...равенство это перед законом состоит только в том, что грабителям удобно продолжать грабить» (34, 110).

Классовый, эксплуататорский характер буржуазного права Толстой раскрывал на примере права США. Он не раз отмечал, что законы этой страны всецело зависят от воли стоящих у власти крупных собственников, будь то банкиры, капиталисты или землевладельцы, и что поэтому они и дают им возможность «наживать и сохранять свои миллиарды в ущерб интересам массы народа» (36, 270).

¹ См.: Куприяц Н. Я. Некоторые вопросы государства и права в произведениях Л. Толстого // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1978. № 5.

С нескрываемой иронией Толстой относился к попыткам буржуазных ученых представить право капиталистического общества воплощением идеалов свободы и равенства. Придуманно, писал он, много разных конституций, по которым люди должны верить, что все узаконения, вводимые в их государствах, устанавливаются по воле их самих. «Но все знают, что не только в деспотических, но и в самых мнимо свободных государствах: Англии, Франции, Америке и других, узаконения устанавливаются не по воле всех, а только по воле тех, которые имеют власть, и потому всегда и везде бывают только такие, какие выгодны тем, кто имеет власть» (34, 180).

Резкой критике подвергает Толстой и науку о праве, главная задача которой состоит, по его мнению, единственно в том, чтобы «скрыть от людей то положение угнетения и рабства, в котором они находятся» (25, 28). Ученые-юристы пишут множество книг о гражданском, уголовном, политическом, церковном, финансовом праве, спорят на эти темы, совершенно уверенные, что делают не только полезное, но и очень важное дело. «На вопрос же о том, почему люди, будучи по существу равными, могут одни судить, принуждать, обирать, казнить других, не только не отвечают, но не признают его существования» (25, 29). В статье «Рабство нашего времени» Толстой писал, что существует целая наука, более древняя и более лживая и туманная, чем политическая экономия, – наука о праве, и цель этой науки заключается в том, «чтобы доказать, что то, что есть, то и должно быть» (34, 179). Находясь на службе господствующих классов и ставя перед собой «вполне определенную цель удержать большинство людей в рабстве меньшинства» (38, 142), буржуазная правовая наука, указывал Толстой, употребляет для этого всякого рода софизмы, лжеистолкования, не гнушается прямыми обманами и мошенничеством.

За формализм, схоластику, слабую связь с реальной жизнью мыслитель беспощадно критикует не только всю корпорацию ученых юристов, но и отдельных ее крупных представителей. Например, мощь толстовского сарказма обрушивается на голову К. А. Неволина: «Я понемногу убеждался, что кто-то из нас двух должен быть очень глуп: или Неволин, автор энциклопедии права, которую я изучал, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки». В уже упоминавшемся «Письме студенту о праве» он приходит к выводу, что «так называемая наука о праве есть, в сущности, величайшая чепуха», придуманная и распространяемая «с очень определенной и очень нехорошей целью: оправдать дур-

ные поступки, постоянно совершаемые людьми нерабочих сословий» (38, 57). Ученые-правоведы обманывают тысячи молодых людей, изучающих «глупости и гадости, на которых строится грубый и отвратительный обман» (38, 57).

Итак, оценивая в целом отношение Толстого к праву, приходится констатировать его крайне негативный характер. Н. А. Бердяев в «Русской идее» писал, что «Л. Толстой с небывалым радикализмом восстает против неправды и лжи истории, цивилизации, основ государства и общества... Если отрицание социального неравенства, обличение неправды господствующих классов есть очень существенный русский мотив, то у Толстого он доходит до предельного религиозного выражения»¹. Неслучайно многие исследователи указывают на этический максимализм писателя, его «панморализм». «Это была настоящая тирания одного духовного начала в отношении ко всем иным сферам жизни»², – отмечает В. В. Зеньковский в своей «Истории русской философии». Ранее уже отмечалось, что и о юридической действительности своего времени Толстой судил с точки зрения «вечных начал нравственности».

Можно по-разному относиться к религиозно-философским и общественно-политическим идеям великого писателя, но его моральные искания вызывают глубокое уважение. «Его проповедь, – подчеркивает В. В. Зеньковский, – потрясала весь мир, влекла к себе, конечно, не в силу самих идей (которые редко кем разделялись), не в силу исключительной искренности и редкой выразительности его писаний, а в силу того обаяния, которое исходило от его морального пафоса, от той жажды подлинного и безусловного добра, которая ни в ком не выступала с такой глубиной, как у Толстого»³.

Е. А. Матвиенко

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ АСПЕКТОВ ПРАВОВОСОЗНАНИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Интенсивно протекающие в современном мире процессы урбанизации делают все более актуальной проблему обеспечения безо-

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 149.

² Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 201.

³ Зеньковский В. В. Указ. соч.

пасности жизнедеятельности в крупных городах. Одним из ее важнейших аспектов выступает эффективная защита горожан от преступных посягательств.

Исследователи подчеркивают, что современный мегаполис характеризуется множеством криминогенных факторов¹. Это невыгодно отличает его от небольших городов и (тем более) сельских поселений. К числу таких факторов можно, в частности, отнести: 1) колоссальную «скученность» населения на сравнительно небольшой по площади территории, затрудняющую выявление и своевременную помощь лицам, ведущим антиобщественный образ жизни; 2) сравнительно низкую плотность социальных связей, обратно пропорциональную размерам поселения. Человек ежедневно видит тысячи людей, но «не замечает» их и сам остается «незамеченным»; 3) вопиющую разницу в уровне жизни, соседство роскоши и нищеты, неизбежно порождающее зависть, ненависть, агрессивность; 4) массу соблазнов, широчайший выбор товаров и услуг, требующий значительных расходов; 5) прогрессирующую аномию, девальвацию социальных регуляторов (морали, религии, традиций, права), закономерно вытекающих из атомизации социума, стремительно происходящей в городских условиях распада устойчивых социальных групп (этнических, поселенческих, конфессиональных, профессиональных и т. д.); 6) огромное количество жизненных ситуаций, создающих объективную возможность для совершения преступления.

Названные причины роста преступности носят всеобщий характер, с ними сталкиваются граждане подавляющего большинства современных государств. В условиях современной России они дополняются рядом специфических обстоятельств, усиливающих негативное воздействие универсальных факторов: ослабление контролирующей деятельности государства при неразвитости соответствующих общественных механизмов; значительный приток мигрантов из стран ближнего зарубежья, оседающих в основном в крупных городах; экономический кризис, фактически уничтоживший целые отрасли промышленности и резко понизивший уровень жизни большинства горожан (лишенных возможности, подобно жителям села, перейти к «натуральному» хозяйству); крушение коммунистической идеологии, приведшее к до сих пор не заполненному духов-

¹ См., например: Криминология // Под ред. А. И. Долгова. М., 2002. С. 127; Поздняков Э. А. Философия преступления. М., 2001. С. 374–392; Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микрокриминология). М., 2001. С. 218–219.

ному вакууму, отсутствию общепризнанной системы социальных ориентиров.

Кроме того, следует учитывать, что большим своеобразием отличается правовая культура России и вызревающий на ее почве тип правосознания. Под последним мы понимаем отражение в общественном и индивидуальном сознании наличной правовой действительности в форме правовых знаний, оценок и установок и выработку на этой основе идеала, в соответствии с которым должно осуществлять изменение этой действительности.

Мы считаем, что наиболее важным сегодня является совершенствование оценочного и теснейшим образом с ним связанного установочного компонентов правосознания. Разумеется, знание правовых норм также чрезвычайно важно, и при его отсутствии вряд ли возможно формирование адекватных оценок и установок. Но корреляция между знанием права и правомерным поведением является куда менее жесткой, чем между правомерным поведением и высокой оценкой права, сопряженной с соответствующими установками¹. Анализ состояния оценочной и установочной сфер правосознания позволяет выделить следующие его типы: 1) проправовой (признание самостоятельной ценности права и устойчивая сознательная установка на безусловное соблюдение его норм); 2) контрправовой (сознательное отрицание социальной ценности права в сочетании с готовностью (не обязательно реализуемой) нарушения его норм); 3) аправовой (фактическое отсутствие у индивида какой бы то ни было осознанной оценки права. Деятельность личности в этом случае по преимуществу непосредственно регулируется неправовыми нормами, ее совпадение или расхождение с нормами права является в значительной степени случайным).

Выделение аправового типа правосознания индивида может показаться не вполне оправданным, так как сегодня правовым регулированием охвачены практически все сферы жизни общества. Однако нормы права сплошь и рядом дублируются совпадающими с ними по содержанию иными социальными нормами (прежде всего нравственными). Поэтому человек может долгое время (иногда на протяжении всей жизни) «обходиться без права». Прибегнуть к его помощи заставляют лишь ситуации, которые не могут быть разрешены без использования собственно правовых механизмов.

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Нормы права как социальная информация. М., 1980. С. 41, 47.

Мы осмелимся утверждать, что в современной России преобладает именно аправовое сознание. По отношению к праву оно нейтрально и даже, пожалуй, объективно способствует соблюдению его норм. Но опасность здесь заключается в том, что аправовое сознание потенциально с одинаковой легкостью превращается как в проправовое, так и в контрправовое. Современная же российская действительность объективно подталкивает аправовое сознание к преобразованию по второму, нежелательному варианту.

И особенно интенсивно этот процесс идет именно в мегаполисах. Первичный социальный контроль здесь ослаблен или вовсе сведен на нет, традиция прервана, религия превращается в своего рода товар среди других «духовных» товаров. Моральные нормы трансформируются таким образом, что важнейшим мерилom человеческой личности становится успех (измеряемый, как правило, деньгами или властью), пути же его достижения моральной оценке не подвергаются. А поскольку собственно правовые регуляторы на аправовой тип сознания практически не действуют, личность легко перешагивает через требования закона. Это создает питательную почву для формирования у широких слоев горожан контрправового сознания.

Разумеется, в условиях его широкого распространения невозможно обеспечить приемлемый уровень безопасности личности. И противопоставить его распространению нужно, с одной стороны, совершенствование самого правового бытия (а тем самым – опосредованно – его отражения). С другой стороны, необходимо активнейшее воздействие на «не определившиеся» пока слои городского населения с целью формирования у них проправового сознания.

Думается, что это второе средство сейчас может быть использовано с большей эффективностью. Необходимо всеми возможными способами утверждать в обществе идею ценности права, необходимости следовать его нормам, сознание их приоритета перед любыми другими социальными нормами. Акцент в соответствующем воздействии на правосознание следует сделать на разъяснении гражданам значения права как средства, способного помочь им в реализации их собственных целей, в реальной защите их прав. Только если такое понимание будет достигнуто, право станет реальной ценностью в глазах россиян и сможет эффективно охранять интересы государства, общества и личности.

В заключение еще раз подчеркнем: на наш взгляд, только совершенствование ценностных компонентов правового сознания жителей крупных городов в принципе способно решить проблему об-

щего предупреждения преступности, создать условия для специальной и индивидуальной превенции, а тем самым обеспечить приемлемый уровень безопасности городской жизни.

Л. В. Медведецкова

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В условиях формирования правовой государственности охрана правопорядка, укрепление законности и обеспечение прав и свобод человека и гражданина объективно выходят на первое место и должны рассматриваться в качестве главнейших направлений деятельности государства. Идея единства этих трех величайших общечеловеческих ценностей закреплена в п. 2 Документа Копенгагенского совещания, в котором записано: «Правовое государство означает не просто формальную законность, которая обеспечивает регулярность и последовательность в достижении и поддержании демократического порядка, но и справедливость, основанную на признании и полном принятии высшей ценности – человеческой личности»¹. Права человека и их защита – это обязательные спутники правового государства. Поэтому правовое государство не мыслится без полного признания прав человека, обеспечения его свобод и эффективно организованной их защиты.

Каждой ступени в историческом развитии свободы и права была присуща своя юридическая концепция человека как субъекта права и соответствующие представления о его правах, обязанностях и ответственности.

Концепция естественных прав человека в России нашла свое отражение в Конституции РФ 1993 года. В ст. 17 и 18 Основного Закона провозглашен новый правовой идеал, закрепивший верховенство основных прав и свобод человека и гражданина.

В то же время реализовывать и защищать эти конституционные права сегодня все еще крайне трудно. По данным социологических исследований Центра изучения социокультурных изменений при Институте философии РАН, к 2002 году «существенного продвижения в осуществлении провозглашенных Конституцией прав и свобод

¹ Документ Копенгагенского совещания // Международные акты о правах человека: Сб. документов. М., 2000. С. 653.

человека не произошло... Причем, чем более значимо для граждан право, тем чаще оно нарушается»¹.

Высокий уровень правового нигилизма граждан и низкий уровень авторитета государственной власти в современном обществе отражают две стороны одного процесса – прогрессирующего разрыва между реальной жизнью и писаным правом. По-видимому, следует признать, что нормативистская теория права, как и политика наведения порядка и укрепления законности, переживает кризис. Очевидно, что сегодня уже не работает формула «власть на страхе», но еще не работает формула «власть на законе». Сегодня нужны не только новые законы и новые правовые нормы с использованием юридических фикций, позволяющих найти точные приемы в регулировании новых отношений, но и новые подходы, обеспечивающие интерес и ответственность граждан и общества при установлении и поддержании правопорядка в стране в интересах безопасности развития человека и сохранения целостности государства.

Если сохранение целостности общества и государства для безопасного развития признать в качестве главной цели, то в качестве такого правила можно предложить поиск и выделение общего, как в признаках современного государства, так и в его сегодняшних функциях, как в содержании, так и в форме государственного устройства.

Но общим может быть как положительное, в борьбе за достижение которого объединяются, так и нечто отрицательное, против которого происходит объединение. Пример первого рода мы находим в работе Платона, который в своем известном диалоге «Государство», говоря об идеале справедливого государства, выделил три добродетели: мудрость для правителей, мужество для стражей (воинов), умеренность для земледельцев и ремесленников. Эти три сословия существуют не изолированно, а в едином общественном организме. Ради этой целостности все три сословия объединяются на основе четвертой общей добродетели – справедливости (когда каждый делает только то дело, к которому он способен по природе). При всем своеобразии платоновского понимания справедливости для нас важен здесь именно подход – выделение общих добродетелей и достижение на этой основе целостности.

¹ Лопатин В. Н. Права и свободы человека как источник права в современной России // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. / Под ред. В. Н. Лопатина. СПб., 2003. С. 76.

Позднее этот принцип использовали Кумберленд, Локк и Спиноза в теории разумного сочетания общественных и частных интересов для поддержания главного естественно-правового принципа – закона самосохранения, Ж.-Ж. Руссо в своей концепции общественного договора, а также Кант, Гегель, А. Н. Радищев, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин и др.

Примером второго подхода может служить формула Гоббса, который в своем «Левиафане...» выделил в природе человека три основных причины войны: соперничество, недоверие, жажда власти. «При отсутствии гражданского состояния имеется война всех против всех.... Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в состоянии войны всех против всех». Здесь для нас важен вывод, что как средство против войны нужна общая власть, держащая всех в страхе.

В прошлом России, независимо от формы государственного устройства и типа политического режима, в государственном строительстве преобладал принцип «объединения против», что изначально не могло вести к сохранению целостности государства в интересах устойчивого и безопасного развития общества.

Решение задач преодоления кризиса правопонимания и правосознания, равно как и установление соответствия правового идеала политическому и общественному на долгосрочную перспективу, возможно при реализации принципа «объединение за», обеспечивающего интерес и ответственность граждан и общества в установлении и поддержании правопорядка в нашей стране. Таким объединяющим началом могут и должны быть права и свободы человека и гражданина как высшая ценность общества и государства.

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО

Известная мудрость гласит: человек воспитывается всей жизнью. «Воспитывает каждая минута жизни и каждый уголок земли, каждый человек, с которым формирующаяся личность соприкасается подчас как бы случайно, мимолетно», – отмечал выдающийся отечественный педагог В. А. Сухомлинский. Все окружающее человека оказывает на него образовательное, воспитывающее, обучающее и развивающее воздействие и влияние. Эти воздействия и влияния называют социально-педагогическими.

В юридической науке наряду с собственно юридическим, нормативным подходом к праву, дополнившимся психологическим («психологическая школа права»), имеется и «социологический» подход, признающий приоритет человеческой личности, ее интересов и потребностей, социальных групп во всех правовых решениях и действиях.

Между тем когда речь идет о личности и связанных с ней социальных факторах, говорят о «регулятивном воздействии», о «мотивации», о «внутренних (моральных) началах», о «влиянии на поведение», об «обеспечении правомерного характера деятельности» и т. п. Все они представляют собой поведенческо-деятельностные характеристики личности и групп, являющиеся результатом педагогического воздействия.

Педагогические особенности людей имеют немаловажное значение в юридической практике. Образованность граждан, их воспитанность, обученность и развитость, соответствующие педагогические системы, существующие в обществе, напрямую связанные с социальными факторами, оказывают непосредственное влияние на правовую действительность.

Рассмотрим основные точки соприкосновения педагогики и права.

Общеизвестно, что вся сфера права, все составляющие действия права, прежде чем оказать какое-то влияние на общественные отношения и формировать их, неизбежно должны пройти через сознание людей, общественное и индивидуальное сознание. Если бы правовая норма сама по себе обеспечивала достижение законности и правопорядка, то давно бы уже не было преступлений, а правоохранительные органы вообще были бы не нужны.

К особенностям, присущим общественному и индивидуальному сознанию, наряду с социальными и психологическими, относятся и

педагогические, такие как: образование и образованность, обучение и обученность, воспитание и воспитанность, развитие и развитость граждан и их общностей. А это значит, что **педагогические составляющие находятся между правовыми нормами и реальным состоянием законности и правопорядка**, объективно выступают промежуточным звеном между правом и объективной правовой действительностью. Действие права, его реальное регулирующее влияние, выполнение им своего предназначения в деятельности государства и жизни общества определяются спецификой этого звена, его качественным своеобразием и состоянием.

Правовые нормы – некий образец, пример должного поведения граждан. Только оказав педагогическое воздействие на личность и общность людей, только достигнув нужного образовательного, обучающего, воспитательного или развивающего результата, они достигают своей цели.

И это уже не теоретический вопрос, а вопрос практики правотворчества и правоприменения, вопрос должного обеспечения законности и правопорядка.

Главным источником силы права является интегративность его свойств, к основным из которых относят собственно правовое, психологическое и социальное.

Правовое регулирование предполагает закрепление прав и обязанностей участников общественных отношений, установление правовых запретов, обеспеченность действия права мерами государственного принуждения. Оно ориентировано и на мотивирующее, психологически регулирующее воздействие на людей. Психологичность и социальная действенность права определяется его указательным, дозволительным, принудительным и карательным характером.

Вместе с тем **существует и педагогическое свойство права**. Оно незримо присутствует в регулирующих влияниях и эффектах правовых норм, системы законодательства и практики правоприменения, обнаруживается всегда и везде в жизни, во влиянии на правовую образованность, обученность, воспитанность и развитость граждан и их общностей и, как следствие, на их правомерное или правонарушающее поведение.

Говорить о правовом регулировании, игнорируя или не понимая педагогическое свойство, можно лишь занимаясь кабинетной абстракцией, а не практическим делом укрепления законности и правопорядка.

Педагогическое свойство может повышать или снижать силу права. Положительный или отрицательный характер действия права определяется тем, каковы качественные педагогические особенности данной правовой нормы, какой педагогический смысл вкладывает в него законодатель или правоприменитель. **Качество права зависит и от качественной определенности его педагогического свойства.**

Любой нормативно-правовой акт будет исполняться и что-то изменит к лучшему, если он рассматривается не только как чисто правовое орудие, но по своему содержанию и оформлению обеспечивает как минимум воспитывающее и обучающее воздействие на людей, которым он адресован.

Наряду с собственно правовыми, социальными и психологическими механизмами права **существуют и педагогические механизмы.**

В цепочке «норма права – ее знание гражданином – ее понимание – ее внутреннее одобрение – желание вести себя в соответствии с ней – умение вести себя в соответствии с ней – привычка вести себя в соответствии с ней – активность в соблюдении ее другими гражданами» под влиянием целенаправленных, систематических, последовательных и компетентных педагогических воздействий происходят педагогические превращения на пути от исходной педагогической позиции (педагогической цели, задачи, ситуации, качественного состояния) к требуемому педагогическому результату, ведущему в конечном счете к возникновению правовой культуры граждан.

Без понимания таких механизмов, без учета их при выборе способов последовательных воздействий правовое регулирование, скорее всего, окажется на уровне формального нормотворчества.

Норма права – это всегда общее правило поведения. Она рассчитана не на однократное, а на массовое применение и не адресуется конкретным людям. Но в конкретных условиях, обозначенных в гипотезе, у конкретных лиц возникают правоотношения, которые всегда индивидуализированы. Значительная часть норм права допускает совершение неодинаковых действий и выбор способов, не противоречащих нормам. Такая их особенность рассчитана на способность человека оценивать правомерность избираемых действий, ориентироваться в границах дозволенного, не переступать запреты.

Способность граждан жить и действовать в соответствии с нормами права – это не простое подчинение им, а осмысленное правовое поведение, основанное на правильных правовых оценках, выборах, решениях, умениях, желаниях, которые зависят от общей и правовой образованности, обученности, воспитанности и развитости граждан, а также от всех мер взаимосвязанного правового и педагогического воздействия.

Применение нормы права и **достижение правового результата нуждаются в педагогическом сопровождении.** Необходимо правовое информирование населения, достижение понимания, одобрения, внутреннего принятия правовых установлений, норм и требований, формирование убежденности в их необходимости и справедливости, согласия и желания следовать им.

И в этом смысле установление некоторого интервала между официальным опубликованием нормативного акта и введением его в действие имеет большой практический смысл, предполагающий не только технические, но и педагогические действия в государственном масштабе и на местах.

Таким образом, развитие практики педагогического сопровождения применения правовых норм является актуальной мерой на пути укрепления законности и правопорядка, повышения правовой культуры населения.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что педагогическая реальность имеет отношение ко всем блокам права: праву как нормативному образованию, механизму правового регулирования, правотворчеству, правоисполнению и правоприменению.

Усиление человеческого начала в праве, увеличение его реального влияния на социальные процессы возможно лишь при полноценном учете социально-педагогических закономерностей и механизмов, уровня образованности и культуры, правовой компетентности и воспитанности населения, т. е. при его педагогическом усилении. Без этого право неизбежно в чем-то неполноценно. Это особенно важно сегодня для оценки развитости, гуманности и демократичности правовой системы государства.

В. В. Шевченко

О ВОЗМОЖНОСТИ УЧЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Судьбы реформ в России не назовешь легкими. Начиная с XVII века, ознаменовавшегося рождением представлений о возможности «исправления» государства как творения рук человеческих, практически любое сознательное вмешательство в процесс трансформации социальных институтов не достигало в полной мере тех задач, которые ставились. Это обстоятельство (особенно со второй половины 80-х годов XX века) стимулировало общественно-политический и исследовательский интерес к проблемам реформ, включая попытки преобразования правовой системы¹, ибо лежащее в основе гражданского общества понятие «гражданин» является прежде всего юридическим. Правовая культура узаконивает гражданское общество теоретически, так же как политические идеи и действия создают возможность его воплощения на практике. Заимствовавший у А. Фергюсона понятие «гражданское общество» Г. Гегель включал в число его моментов наличие *правосудия* как средства защиты собственности².

Одной из ключевых методологических проблем остается вопрос о границах и эффективности использования социального опыта как инструмента модификации всей системы социальных отношений (включая правовые).

Накапливаемый в процессе функционирования того или иного конкретно-исторического общества социальный опыт, который рефлексировается и анализируется в процессе интеллектуальной обработки, проверяется и корректируется в ходе социальной практики, транслируется с помощью коммуникативных связей между людьми, безусловно, является основной компонентой культуры³. Механизм выбора обществом того или иного желательного варианта своего исторического пути неизбежно включает в себя процедуру анализа социально-исторического опыта. Опыта, по-видимому, не только и не столько собственного, но и транслированного иными социальными системами.

С первым типом рефлексии и анализа отчужденного от субъекта опыта связано прежде всего контрфактическое моделирование, т. е. попытка представить, как развивались бы события, если бы побежденная

¹ См.: Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987; МIRONENKO С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; Судьбы реформ в России: Материалы научной дискуссии. М., 1997; Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. М., 2002 и др.

² См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 233.

³ См.: Флиер А. Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 176.

в действительности и нереализованная альтернатива, одержав воображаемую победу, получила бы возможность реализоваться. При изменившихся условиях отвергнутые ранее варианты развития событий могут вторично обрести онтологический статус и еще раз получить в реальном пространстве и реальном времени исторический шанс для реализации¹. К данному типу влияния прежде всего можно отнести проекты государственных преобразований, которым не было суждено вообще воплотиться в жизнь или воплощение которых было прервано (в этом смысле, например, интерес представляют в равной степени как конституционные проекты Сперанского или Новосильцева, так и предложения, выработанные декабристами).

Позитивному отношению к собственному опыту мешает то обстоятельство, что состояние, в котором находится субъект в момент выбора, есть результат именно предыдущей эволюции. Рассматривая эволюцию как «процесс, посредством которого во времени происходит структурная реорганизация, рано или поздно создающая такую форму или структуру, которая качественно отличается от предыдущей формы»², мы должны будем признать, что выбор варианта непосредственно связан с созданием этой формы или структуры, то есть с переходом в новое состояние, отрицающее предыдущие.

Это приводит к тому, что исключительное, порой гипертрофированное значение придается второму типу влияния – опыту других народов, государств и т. д. Желание устранить недостатки имеющейся модели естественным образом стимулирует обращение к опыту обществ, эти недостатки уже преодолевших или избежавших их возникновения. Фактор кажущегося наличия иных, более успешных вариантов становится решающим элементом механизма выбора. Система выбирает модернизацию догоняющего типа. Процедура учета «внешнего» исторического опыта, предполагающая, как правило, активность главным образом принимающей стороны, сводится к рефлексии, интерпретации, адаптации и усвоению иных реалий. Положительная сторона обращения к этому типу социального опыта кроется в очевидной возможности избежать предсказуемых трудностей, использовать уже апробированные варианты правовых институтов.

¹ См.: *Экштут С. А.* Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 79–87.

² *Voget F. W.* A History of Ethnology. N.Y., 1975. P. 862.

Наличие соответствующим образом интерпретированного исторического опыта других народов в значительной мере облегчает элите, ответственной за принятие решения, транслирование этого решения в массы. Значительно уменьшается необходимость теоретического обоснования выбранного пути, иногда достаточными становятся лишь ссылки на здравый смысл общества и положительный пример. Исходные условия, стартовые позиции в этой «гонке за цивилизованностью» отходят на второй план, появляется искушение пренебречь ими. Как следствие – появление программ, видимой генетической связи с предыдущим развитием данного социума не имеющих.

В случае с характерным для петровской эпохи механическим переносом институтов, выработанных в процессе эволюции иных субъектов, то есть копированием системы общественных связей, мы имеем дело с попытками ускорить, обмануть время. Эксперты фонда ИНДЕМ связывают взлет коррупции при Петре I с тем, что именно он перенес на российскую землю наибольшее число чужих законов и обычаев. «Соответственно, нынешний всплеск коррупции может быть связан с тем, что в начале 90-х годов в Россию импортировали законы, выработанные не в России и не россиянами, и не для российских условий. Народ был поставлен перед фактом: вот вам закон, исполняйте. Проблема же состоит в том, что народ этот закон справедливым не считает... и не исполняет...»¹. Но дело не только в справедливости законов. Изменения делают для значительной части населения непонятными принципы функционирования существующей системы. Как реакция появляются «теневые» механизмы решения проблем, понятные и достаточно эффективные. В свою очередь, неопределенность правил регламентации деятельности, к примеру, предпринимателей становится ресурсом власти².

Другим аспектом проблемы является готовность широких масс принять реформы. Особенно с учетом того, что, говоря словами К. Хендли, «все правовые системы имеют «дыры», более или менее серьезные, чем в России, но они не до такой степени заражены безразличием и сомнением в отношении закона, как это повсемест-

¹ Комсомольская правда. 2003. 7 мая.

² См.: Хлопин А. Закон в социальных представлениях «новых русских», или где проходит грань преступления? // Pro et contra. 2001. Т. 6. № 3.

но наблюдается в России»¹. Между тем «право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его»². Реформирование правовых институтов без соответствующей коррекции массового сознания (правосознания) заведомо обречено на неудачу. Возможности же подобной коррекции ограничены формальными рамками, снижающими ее эффективность. Видимая индифферентность основной части общества, отсутствие явного массового противостояния предлагаемому сценарию принимается элитой если не за поддержку, то, по крайней мере, за готовность не препятствовать реализации предлагаемого варианта. Тот факт, что мотивом этой видимой нейтральности может выступать именно несоответствие умозрительной оценки и предлагаемых сценариев всему комплексу реально существующих сложнейших взаимосвязей и зависимостей различных компонентов системы, отсутствию заинтересованности значительных масс населения в коренной ломке сложившихся отношений, способен лишь утешить реформаторов, но отнюдь не облегчить их задачу. Необходимость выбора и, следовательно, предлагаемые рецепты не осознаются народом, а значит, субъект выбора отсутствует. Элита, интеллектуальная и политическая, и народ попадают в своеобразный диссонанс.

Вопрос, почему заимствование не всегда дает желаемый результат, естественным образом влечет за собой следующий – каковы ограничения в использовании чужого опыта, как и почему они возникают?

Наиболее простым и естественным выглядит предположение о решающей роли различий в исходных посылах, в типах и структуре системных связей, не позволяющих в полной мере использовать социально-исторический опыт других народов. Это подчеркивает значимость проблемы учета различий и ограничений для возможной нейтрализации элементов «несовместимости» еще на стадии выработки варианта, когда и происходит рефлексия социального опыта, его анализ и систематизация. Так, по мнению ряда исследователей, представления россиян о праве обладают поразительной устойчивостью, но в них вряд ли можно усмотреть какие-либо из

¹ Хендли К. Переписывая правила игры в России: спрос на право – забытый вопрос // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 1 (30).

² Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 253.

признаков *правового нигилизма*¹. Их характеризует не отсутствие знания юридических норм, не отрицание их ценности, как таковой, а *обыденное*, весьма своеобразное понимание того, *что есть норма*. «Закон есть предел – вот ядро концепта «Закон» в русском сознании»². Для других же народов закон есть прежде всего *правило*.

Роль и ответственность интеллектуальной элиты общества на первых этапах процесса реформ исключительно велики. Чем больше величина ошибки (а она неизбежна) в предшествующем анализе, тем менее вероятным становится шанс внести соответствующие коррективы в процессе воплощения избранной модели в жизнь.

Еще один фактор, препятствующий реализации избранного пути реформ, – несоответствие (превышение) количества моделей объективно возможным альтернативам, что стимулирует идейно-политическую борьбу элит вокруг них и провоцирует кризисные явления³.

Что касается трансляции опыта «со стороны» и связанных с этим попыток легитимизировать модернизационные процессы, инициатором и источником которых выступает сила, внешняя по отношению к данной системе⁴, то страны Запада рассматривают свой социальный опыт как универсальный, подчеркивая, что вполне осознают свою ответственность, в том числе и перед народами стран, подвергающихся модернизации. Это привело к изменению характера войн, легитимизирующим фактором которых отныне все чаще выступает желание избавить от пороков общество-реципиент, наделить его чертами, которые полагаются положительными.

Ю. Ю. Ветютнев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ

¹ См., например: *Варламова Н.* Правовой нигилизм: прошлое, настоящее и будущее России? // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 1 (30).

² *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997. С. 427.

³ См.: *Шелохаев В. В.* Российские реформы как теоретико-методологическая проблема // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 50.

⁴ В качестве примера достаточно успешных действий по глубокой трансформации целых общественных систем можно привести демократизацию послевоенных Германии и Японии. В настоящий момент мы наблюдаем попытки реализовать схожие сценарии в Сербии и Черногории, Афганистане и Ираке. В отношении России реализация подобного сценария представляется маловероятной.

ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ В ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)¹

Правотворчество в отечественной юридической науке традиционно рассматривается в связи с использованием государственно-правовых закономерностей. Принято считать, что на субъектов правотворчества возложена обязанность отражать в издаваемых правовых нормах закономерности, динамику социума². Иногда утверждается даже, что правотворчество – это «приведение общественных отношений в соответствие с объективными закономерностями их развития»³. С философско-правовой точки зрения такое мнение несколько парадоксально, ведь любое явление автоматически соответствует закономерностям своего развития – трудно представить себе обратное, если только под видом закономерностей не скрывается нечто иное, например, идеологические требования.

Более обоснован другой подход: «каждая правовая норма должна иметь свой логический фундамент, содержание которого детерминировано закономерностями общественного развития, его реальными потребностями»⁴. Здесь хорошо видны два основных фактора правообразования: с одной стороны, объективные социальные закономерности, с другой – интересы членов общества. Законодатель обязан изучать объективные закономерности не с той целью, чтобы прямоком перенести их в содержание закона, а с тем, чтобы на основании этих закономерностей найти рациональные способы удовлетворения нужд и потребностей общества.

Устанавливая общеобязательные правила поведения в какой-либо сфере общественных отношений, субъект правотворчества, по-видимому, должен иметь представление о том, какие правила там уже существуют в качестве объективных закономерностей; «чтобы выявить существенное, типическое, объективно необходи-

¹ При поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 03-03-00589а/В).

² См.: *Леушин В. И.* Правотворческая практика как форма познания социальных закономерностей // Теоретические проблемы юридической практики. Тарту, 1990. С. 5–17.

³ *Шабалин В. А.* Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 123.

⁴ *Кененов А. А., Чернобель Г. Т.* Логические основы законотворческого процесса // Правоведение. 1991. № 6. С. 71.

мое и, следовательно, оказать правильное нормативное воздействие на те или иные стороны общественной жизни, право должно «знать» все проявления этой жизни в их общей связи и взаимозависимости»¹. В частности, для целей правотворчества следует изучить социально-экономические закономерности, действующие в конкретной области, чтобы определить, нуждается ли она вообще в правовом регулировании. Далее, большое значение для правотворчества имеют те закономерности, которые обуславливают реакцию индивидов и социальных групп на правовое воздействие. Например, при установлении мер ответственности за противоправные социально вредные деяния необходимо иметь в виду следующую закономерность: «неощутимые (незначительные, привычные) санкции могут и не оказать заметного влияния на поведение личности. В то же время усиление ответственности за пределами какого-то критического интервала (порога ощущений) либо теряет всякий смысл и также перестает ощущаться адресатами, либо вызывает у них реакции, прямо противоположные ожидаемым»². Следует руководствоваться объективными закономерностями правового регулирования в ситуациях выбора: например, при создании системы административной юстиции важно иметь в виду ту закономерность, что создание нового государственного, в том числе судебного органа обычно ведет к серьезному перераспределению полномочий и к временной дезорганизации всей системы. С учетом этого более предпочтительным, видимо, следует считать не учреждение особых административных судов, а введение в общих судах специализации судей по административным делам³.

Наконец, законодатель должен помнить о внутренних закономерностях построения системы права. Так, для процессуального права характерна особо тесная взаимосвязь норм, поэтому при внесении изменений в одну норму, как правило, требуется изменять и ряд других статей. Неиспользование этой закономерности приводит к тому, что в результате поправок в гражданском процессуаль-

¹ Чернобель Г. Т. Проблемы истинности и научной достоверности в правоведении // Методологические проблемы советской юридической науки / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1980. С. 106.

² Никитинский В. И., Глазырин В. В. Общие законы управления и правовое регулирование // Советское государство и право. 1978. № 9. С. 45.

³ См.: Бахрах Д. Н. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 11.

ном законодательстве возникают довольно серьезные противоречия¹.

По мнению В. М. Сырых, правотворческий орган «непосредственно не проводит научных исследований по выявлению объективных закономерностей. Он оперирует имеющимися наличными знаниями...»². Но в какой форме происходит это оперирование, как добиться от составителей законопроектов овладения имеющимися теоретическими знаниями? Это оказывается проблематичным, поскольку законодатель не может владеть по каждому вопросу полным объемом имеющихся научных знаний, особенно при теперешнем масштабе и тематическом разнообразии правотворчества.

По-видимому, если законодатель ожидает реальной пользы от прикладных исследований, то он должен сам инициировать их проведение. Это возможно в форме своеобразного «социального заказа», когда законодатель поручает проведение соответствующих исследований квалифицированным специалистам из независимых научно-исследовательских учреждений. Данные о закономерностях, использованных при подготовке закона, а также обоснование целей и средств правового регулирования, избранных на основании этих закономерностей, должны стать обязательной составной частью концепции законопроекта³.

Именно в этом видится единственный способ для перехода к эффективному правотворчеству на федеральном и региональном уровне, где уже сейчас существует реальная возможность обращаться к услугам высокопрофессиональных специалистов.

Д. В. Евдокимцев

МЕТОДЫ КУЛЬТИВИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В РАМКАХ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Феномен юридической этики может быть рассмотрен как вариация профессиональной этики, отражающая нравы носителей профессио-

¹ См.: Жуйков В. М. ГПК РФ: порядок введения в действие // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 3.

² Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1. М., 2000. С. 318.

³ См.: Баранов В. М. Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 82–133.

нальной субкультуры, членов профессиональных сообществ, профиль которых связан с правоприменительной или законотворческой деятельностью. С этой точки зрения юридическая этика может быть осмыслена сквозь призму представлений, выработанных в последнее время соответствующими экспертными сообществами, объединяемыми интересом к области управления.

Современный интерес к науке управления свидетельствует о переходе к новой парадигме духовного и материального производства, в основе которой лежит не столько определяемое рамками законодательства администрирование, сколько формирование достаточно высокой степени мотивированности отношений работодателя и работника. Феноменология такого рода метаправовых отношений в рамках профессиональных сообществ получила название «корпоративной (организационной) культуры». Многие знают, насколько неоднозначными могут быть вариации профессиональных отношений, как искусственно культивируемые, так и складывающиеся спонтанно: это и хаос, и навязчивый корпоративный тоталитаризм, и внятный свод «правил игры», отражающих грамотное использование производственных ресурсов во благо сотрудников. В настоящее время сфера корпоративной культуры становится объектом пристального изучения рекрутированных из различных областей экспертов, приковывает к себе их внимание, тем самым концентрирует вокруг себя серьезный интеллектуальный потенциал.

В этой связи совершенно по-новому могут быть осмыслены методы метаправового нормирования и нормотворчества, проблемы профессионально-этических отклонений, их диагностика и разработка мер по коррекции, санации, модернизации или оптимизации корпоративной культуры. Не претендуя на всеохватность, сформулируем лишь общую систему координат, в которой может вестись аналитическая работа такого рода.

Общим местом в различных описаниях структуры корпоративной культуры является выделение таких трех коррелирующих друг с другом элементов, как ценности, лидеры и церемонии.

Корпоративные ценности проявляются в корпоративной идеологии, включающей в себя архетипические структуры, профессиональную самоидентификацию, мотивацию сотрудников. Если первый элемент глубоко укоренен в их сознании, то второй и третий достаточно диффузны, и в большей степени поддаются влиянию. В данном случае речь идет не о декларируемой идеологии трудового коллектива, а о реальной системе мотиваций, умонастроений и ощущений сотрудников, которыми они руководствуются в повседневной трудовой деятельности. Реальная корпо-

ративная идеология в той или иной степени неоднородна и включает в себя различные субидеологии или идеологемы, которые могут быть конструктивными, деструктивными и нейтральными. Одним из высших проявлений конструктивной идеологии является социальная миссия организации, то есть представление о том, как производимые профессиональным сообществом продукт или услуга влияют на стиль, качество, уровень и образ жизни потребителя. Примером нейтральной идеологемы является утилитарная мотивация, которая в сочетании с конструктивными установками может быть использована для стимулирования сотрудника, а в отдельности, в гипертрофированной форме может превратиться в разрушительную силу.

В этом смысле работа эксперта или менеджера по корпоративной культуре – это в значительной степени мастерство идеолога, умение концептуализовать, то есть внятно сформулировать, «внутренние» «правила игры» во взаимоотношениях между администрацией и персоналом, между самими сотрудниками различных подразделений, между членами корпорации и «внешними» субъектами (потребителями услуг, клиентами, конкурентами, партнерами, смежниками). Таким образом, менеджер должен научиться сознательно культивировать созидательные мотивации, подавлять и ограничивать разрушительные, использовать нейтральные мотивации в связке с конструктивными. Тем самым мы переходим ко второму элементу структуры корпоративной культуры.

Лидеры являются носителями определенных профессиональных ценностей, их «персонификаторами». Успех проекта оздоровления, модернизации, оптимизации корпоративной культуры зависит в огромной степени от того, насколько инициатор, лидер и его команда олицетворяют эти ценности в стиле деятельности, управления, отношений с подчиненными и руководителями, в личной жизни. Эту закономерность можно назвать «золотым правилом управления». Из этого следует, что инициатива развития профессиональной этики обречена на провал, если сам инициатор не соответствует заявляемым им стандартам. Тайна успешной интерактивной трансляции импульсов влияния в значительной степени объясняется метамеханизмом «мимезиса» (подражания, аналогии, повторения), эффективность которого в передаче социального опыта подчеркивали еще Аристотель и А. Тойнби. Импульсы влияния лидера помимо олицетворения в стиле жизнедеятельности также проявляются в вербализации корпоративных приоритетов, в идеологическом содержании управленческих решений. В случае, если лидер в своей реальной деятельности не соответствует этим ценностям, он может использовать

только обедненный ресурс: будь то методы администрирования либо манипуляции, потенциал которых не может привести к долгосрочным серьезным изменениям.

Третий элемент – *церемонии*. Это культивирование организационных ценностей в ритуалах, в которых может проводиться морально-психологическая настройка на искомые, желаемые ориентиры, воодушевление ими. Примерами такого рода процедур могут быть ритуалы служебного (делового) этикета, национальных и профессиональных праздников, встреч администрации и персонала, награждения, внутренних или открытых обучающих семинаров, совещаний и т. д.

Эти представления в самом общем виде определяют условные рамки для поиска рецептов развития профессиональной этики, организационной культуры.

И. Н. Фалалеева

ПСЕВДОПРАВОВЫЕ ПОРЯДКИ В РАКУРСЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Юридическая антропология как наука о юридическом измерении человека находится в стадии определения границ своего интереса. Хотелось бы начать с методологического обоснования включения проблемы псевдоправовых порядков в сферу юридической антропологии или, иначе, антропологии права.

Современная антропология права изучает его ранние формы, в частности обычное право. При этом юридическая антропология не ограничивает сферу обычного права эпохой первобытности, а его проявления в современной жизни – «пережитками» этой эпохи. По мнению специалистов, современная ситуация характеризуется возрождением обычного права различных этносов. Однако параллельно заново формируются типологически схожие регулятивные системы (прежде всего на периферии Большого общества). Добавим к этому, что актуализация обычно-правовой ментальности и, как следствие, воспроизводство типов правоотношений, типологически подобных ранним стадиям социогенеза, наблюдаются в период переходных эпох, когда в обществе доминируют дезинтеграционные процессы, связанные с разрушением старых ценностей, в том числе правовых. В такие времена всегда наблюдается «архаизация» общества, а следовательно, и его права.

Поэтому проблемы возрождения архаического сознания в экстремальных жизненных ситуациях и в закрытых культурных средах

должны стать объектом внимания не только этноантропологов и социологов, но и юристов.

Проблема, однако, состоит в том, что для представителей всех названных профессий целый ряд терминов является омонимами. Социологи и этнологи легче находят общий язык с теми теоретиками права, которые придерживаются его «широкого» понимания. Это и понятно: им самим присущ социологический и естественно-правовой подход к исследованию правовых явлений. Однако, как представляется, юристам следует отстаивать собственную территорию в системе социальных норм: нормативных порядков может быть много, а право – одно. Следует заметить, что так называемое узкое понимание права вовсе не предполагает отсутствия иных социальных регуляторов за исключением нормативно-правовых актов. Единственное, что неприемлемо в рамках данного подхода, – обозначение понятием права нормативных комплексов, имеющих своим источником не государство. Исходя из сказанного, под псевдоправовыми порядками мы будем понимать порядки, функционально и типологически схожие с правовыми, но все же ложные по своей сути.

Следующий термин, обсуживающий данную проблему, – «субкультура». Его мы предлагаем толковать расширительно, включая сюда и так называемую контркультуру. Правда, при таком подходе «государственническая позиция» не видит здесь своего предмета: контркультуру объединяют корпоративные нормы, следовательно, это не есть право. В то же время ведущие юристы-теоретики «широкого» понимания права, в частности В. М. Баранов, настаивают на том, что особую форму неправа (он предлагает называть ее «теневым правом») следует включать в область юридической антропологии. Среди его аргументов упомянем то, что «именно неофициальное право является глубинной основой официального права. Именно оно оказывает влияние на содержание, толкование, применение и разрушение официального права, руководствуясь требованиями правовой совести»¹.

Возможно ли примирить позитивистский подход с социологическим и естественно-правовым? На наш взгляд, да, если взглянуть на проблему иначе: рассматривая само право как явление культуры, как подсистему культурной мегасистемы. Аксеологический подход к определению правовой культуры, из которого и следует разграничение суб- и контркультуры, дополним культурологическим.

¹ Баранов В. М. О теневом праве // Новая правовая мысль. 2002. № 1. С. 17.

В самом деле, ценностный подход подразумевает, что правовая культура – это не «все», а лишь участок на фоне «не-культуры», островок порядка в море хаоса. Такой подход исключает возможность самой постановки вопроса о связи официального и теневого сообществ со своим псевдоправом, поскольку придает им непримиримо противоположные, качественно разные значения социального и асоциального, нормального и анормального. В эту модель, однако, совершенно не укладывается практика современных переходных обществ, в том числе и действительность постсоветской России.

Сегодня мы наблюдаем скорее не противостояние официальной и неофициальной культуры, а их постоянное взаимодействие, которое следует рассматривать как целостную культурную ситуацию (в смысле тотальности и объективности процесса – нравится нам это или нет).

Если учитывать методологический подход В. М. Баранова, то правовая контркультура должна изучаться в контексте официальной правовой культуры как компонент, входящий в систему, хотя и с обратным знаком, т. е. как наиболее нестабильную часть правовой субкультуры. Периферию или антагониста официальной культуры – это уже второй вопрос.

Сегодня налицо перманентная конкуренция правовых и корпоративных норм в сфере регуляции поведения лиц, которую в результате плохой работы госаппарата выигрывают корпоративные нормы, находящиеся ближе к объекту контроля. Позитивисты возразят: собственно правовые нормы не перестают быть таковыми, даже если они не реализуются, а корпоративные не становятся правовыми, даже если их регулятивные функции эффективнее, чем у последних.

На наш взгляд, примирить позиции «широкого» и нормативного понимания права призвано понятие не «теневое право», а «псевдо-правовые порядки». Оно подразумевает, что корпоративные нормы в переходном обществе претендуют стать всеобъемлющими, подменить собой действующее право, пользуясь типологическим сходством с ним.

Таким образом, антропологию права особо должны интересовать параметры псевдоправовых порядков, а также механизмы их трансформации.

Возможность изучать правогенез в условиях, близких к лабораторным, – еще одна причина интереса юридической антропологии к закрытым культурным средам, в частности, криминальной и армей-

ской субкультуре. В литературе их именуют кликами, экстремальными группами с доминантными отношениями, тоталитарными сообществами. Культурологи и этнографы первыми обратили внимание на то, что механизмы структурирования преступного мира и его культура являют собой почти чистую кальку предгосударственного существования человека, сферу глубочайшей архаики. Преступный, а в некоторых случаях и армейский миры самоорганизуются в иерархически жесткие структуры со своими нормативными системами, в которых угадываются черты регулирования, типологически и функционально схожего с обычноправовым. В первую очередь следует отметить четкое распределение прав и обязанностей каждой из страт снизу вверх (в армии – *духи, молодые, черепа, деды, дембеля*; в тюрьме – *обиженные, мужики, бойцы, блатные*). Характерно, что утверждение в социально-правовом статусе, особенно для самых высших и низших групп, закрепляется особыми ритуалами. В целом названные сообщества постоянно продуцируют архаические по своей природе ритуалы, систему табу и предписаний, которые регламентируют всю жизнь как солдата-призывника, так и заключенного. Отсюда их обозначение в литературе как сообщества тоталитарные. С так называемыми закрытыми средами связан интересный элемент архаической культуры – специализированные знаковые системы: татуировки с определенной семантикой, особые способы ношения формы, собственный «тайный язык» – сленг, которым сегодня буквально пронизан язык обыденный.

В заключение хочется подчеркнуть, что псевдоправовые практики не могут исчезнуть по простому указу «сверху». Но нет оснований и для другой крайности – целиком объяснять их закономерностями переходного периода. В переходных обществах всегда важна степень, мера. У юриста со здоровым правосознанием должна быть очень четкая позиция в оценке псевдоправовых практик: их следует изучать, а не заигрывать с ними. В противном случае мы утверждали бы противоправное поведение как норму, что совершенно недопустимо.

М. М. Копелян

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В РОССИИ

Что такое русская философия права? Это не есть школа в академическом смысле, но и не есть просто нейтральное обозначение типа немецкая, британская или австрийская философия права. Это нечто большее, чем просто указание на национальность автора. Русская философия права – это особый культурно-исторический феномен. Она внезапно возникает, стремительно разворачивает свои возможности и исчезает в результате революционной катастрофы.

С самого начала бросается в глаза амбивалентность этого феномена. Во-первых, совершенно очевидно, что русская философия права – это одна из европейских ветвей философско-правовой мысли: практически отсутствует дистанция, научная и культурная, по отношению к Европе (есть понимание своеобразия России, но нет противопоставления России Европе); проблематика, методологические подходы, уровень (качество) профессионального владения предметной областью неотличимы от европейского; некоторые новые идеи высказаны независимо или параллельно с Европой, например возрождение естественного права. Иногда можно говорить и об опережении – это проблема социального правового государства (В. Соловьев – П. Новгородцев – Б. Кистяковский – С. Гессен.). Последний, как известно, позже принял участие в подготовке Всеобщей декларации прав человека. Во-вторых, русская философия права не имеет русских корней. Это спрессованный в полсотни лет опыт европейского развития. Поэтому, с одной стороны, русская философия права несет в себе черты европейской философии права «большого стиля», т. е. того, что относится к концу XVIII – началу XIX веков. С другой стороны, в отличие от Европы, где право – понятие само собой разумеющееся, непосредственно данное, это обобщение длительной легистской традиции, для России идея права открывается заново, с чистого листа, это буквально *idea novum*.

В Европе философия права возникает как поздний продукт живой правовой традиции, причем научно обработанной. К моменту появления философии права уже существовала развитая правовая догматика, позитивное право кодифицировано, систематизировано, описано. Потребность в философии права вытекает из стремления осмыслить, оправдать право, найти сверхпозитивный источник, твердую почву, критический масштаб для оценки юридических установлений. Появляется доктрина естественного права (Альтузий, Томазий, Кр. Вольф и Кант). Кант – это рождение общеевропейской философии права. Он не первый, но он максимально прозрачен как

философ права, далек от юридической догматики. Не надо забывать, что в широком смысле в западной традиции права это третье рождение философии права. Первое – античность (софисты, Аристотель, стоики), второе – средневековая теология права (Фома, Дунс, Скотт).

У России все это отсутствует. Даже в бытовом смысле понятие права не могло утвердиться. Самодержавие и западный абсолютизм – разные вещи. В России не было противостояния Империи и Церкви, вассалитета, долго не были фиксированы сословия, не было аристократии, даже крепостное право не было четко определено законами. В России власть ничем и никем не ограничивалась. Как отмечал А. И. Герцен, закон нарушали все и всегда, когда это можно было сделать безнаказанно. Само деспотическое государство нарушало и не принимало закон во внимание.

Множество Уложений, Судебников, Русская Правда и др. ничего не меняли. Заимствование правовых идей во многом случайно. Результаты же бывали прямо противоположны (так, взятый за образец у шведов Петром I «Табель о рангах» скорее упразднил сословия, определив положение только государственной службой).

Русская философия права возникает и вопреки менталитету образованных слоев, для которых право – это путь внешней правды, это отсутствие веры, солидарности, братства, это квазиценность. Отсюда задача оправдать право, обосновать его значимость, его высшую ценность (насколько трудно это было сделать внутренне, видно из вступления к статье Б. Кистяковского «В защиту права». Он как бы извиняется, мол, право – это, конечно, ценность относительная, но без него нельзя обойтись). Тем значительнее вклад, который внесли в развитие философии права в России Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин, Н. Н. Алексеев, Л. И. Петражицкий, Б. А. Кистяковский и др. К сожалению, эта блестящая плеяда оказалась в России без наследников.

С. М. Иванов

РЕЛИГИОЗНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ – ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Теснейшая связь между институтами религии и права, религии и политики, религии и поведения человека отмечается многими специалистами во всех областях наук. Вне зависимости от своего ми-

ровоззрения, большинство из них видят в религии специфическую ценностно-ориентационную и нормативную систему. Так, например, Г. Спенсер считал, что религия образует «добавочную регулятивную систему, кооперирующую с политической системой»¹. Р. Смит высказывал мнение, что «... у всех древних народов мораль и закон ... идентичны... и у всех народов закон и обычаи являются частью религии...»². Об этом говорил и Гегель: «... эти законы нравственности суть вечные и неизменные правила, регулирующие поведение людей, что они произвольны, но будут существовать, пока существует религия»³. Соглашался с идеей переплетенности данных двух установлений и Э. Дюркгейм: «На протяжении многих веков нравственность и религия были тесно связаны и полностью перемешаны друг с другом... Таким образом, мы наблюдаем нравственность в религии и религию в нравственности»⁴.

Как же происходит генезис правовых норм, и в каких взаимосвязях с религией он может находиться? Первые зачатки правового, политического, научного и иного знания содержатся в мифах. Мифы являются духовным воспроизведением действительности в виде сообщения, повествования, персонажи и события которого признаются объективно существовавшими или существующими и выступают образцом, регламентирующим поведение человека. Непрерывный круговорот, цикличность и взаимосвязанность всего в природе, опора на прецедент – вот важные черты этого сознания, повлиявшие на становление многих социальных институтов.

Социологи, рассматривая проблему формирования социальных структур первобытного строя, отмечают параллельное присутствие в нем двух символов власти – вождя и шамана. Первый ассоциируется с властью исполнительной, а второй – с нормативной, причем оба типа взаимодействуют не как конкуренты, а скорее как дополняющие друг друга стороны. Жизнеспособность любого социума требует наличия легитимированной свыше ценностной среды, в рамках которой и исполнительная власть становится более действенной. Этот ценностный массив, создающийся в интересах всего общества, может быть продуктом индивидуального творчества шамана или иного представителя духовной власти, результатом каких-либо духовных практик (визионерство, транс и т. п.).

¹ Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997. С. 373.

² Смит Р. Иегова и пророки // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М., 1996. С. 204.

³ Гегель Г. В. Ф. Философия религии: В 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 401–402.

⁴ Цит.по: Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М., 1997. С. 31–32.

Причем этнографы подчеркивают, что если правила «общего» кодекса не содержат указания на карающего или милующего субъекта, то связанные со сферой религии правила обязательно делают такую ссылку на гипостазированных существ (духов). Любое действие человека воспринимается им как коммуникативный акт (с другим человеком, живым или неживым объектом и духом), а следование принятым правилам поведения или их игнорирование означает сохранение или нарушение жизненного цикла.

Социальные правила и нормы рождаются в условиях общинно-родового строя стихийно, в результате совместного творчества индивидов и коллектива. В то же время человеку открывается, что содержание его речи может быть независимо от конкретной ситуации, речь способна конструировать отвлеченные объекты и программировать поведение реальных. Таким образом, моделирование становится специфической функцией мифа. С помощью воображения из индивидуально-типического (прецеденты) конструируется общая поведенческая линия, желательная для нормального развития социума. Причем поразительное сходство элементарных мыслительных форм, представленных на Земле, наряду с различиями социальных и культурных условий, отмечается всеми антропологами.

Непосредственно регулятивную функцию выполняет ценностная установка – своеобразная предваряющая программа деятельности и общения людей, в которой заложена возможность выбора их вариантов. В ней заключена социально-детерминированная predisposition человека к заранее установленному отношению к какому-либо человеку, факту, объекту и т. п. Подобные установки у верующих формируются в общении между людьми внутри коллектива, в контактах людей различных вероисповеданий или под влиянием внешней среды. Они отличаются жизнеустойчивостью и большой передаточной способностью, что ранее было связано со стабильным положением семейных и религиозных институтов в обществе. Отличие религиозной системы состоит в том, что непременным условием всех ценностных ориентаций является Бог – предписательно-оценочный элемент (для монотеистических верований) или духовные существа (в политеизме). Причем религиозные ценности являются регулятором поведения не только верующих, но и неверующих людей, так же как и светские ценности действуют на образ жизни верующих. В большинстве случаев ценности совпадают, и в современных общечеловеческих ценностях можно увидеть преобразованные в процессе секуляризации ценно-

сти религиозные. Соответствие между светскими и религиозными системами ценностей существует уже долгое время, так что построение индивидуально ориентированных систем (например, в сектах) может дестабилизировать общество. Религия регулирует поведение людей через определение приоритетов деятельности, главными из которых, на наш взгляд, являются спасение души и поиск смысла жизни. Ее важная роль заключается именно в систематизации и отборе ценностей, где, в отличие от светских, акцент делается на их идеальность. Особенность религиозных ценностей состоит и в их разнонаправленном действии: с одной стороны, устанавливается «вертикальный вектор», обуславливающий содержание ценностей отношениями человека к гипостазированным существам и предметам с атрибутированными свойствами, а с другой – утверждаются ценности и нормы, регулирующие правила взаимодействий людей между собой и с обществом («горизонтальный вектор»). Именно в зависимости от направления вектора и строится иерархия ценностей и норм – лишь при условии движения в сторону главного «вертикального вектора» межчеловеческие отношения могут приобрести нравственную ценность.

Однако в процессе выполнения религией своей регулятивной функции цепочка «идеалы – цели – мотивы» не обязательно приводит к позитивному для индивида результату. Религия должна мотивировать действия индивида так, чтобы они соответствовали задачам именно общества, служили целям его стабилизации, а сами действия могут быть дисфункциональны в сравнении с потребностями и желаниями человека и даже вредны для него.

Регулирующими возможностями наделена и нормативная система религии. Религиозные нормы как разновидность норм социальных представляют собой системы требований и правил, направленных на реализацию религиозных ценностей. В сравнении с ними иные социальные нормы обладают все же большей степенью обязательности и принудительности, во всяком случае, в современном обществе. Но и религиозные нормы продолжают действовать в качестве образца для поведения людей, эталона определенных отношений, вследствие авторитарности своего характера. Функцию нормы для религиозного опыта выполняют такие установления, как догматы. Они возможны только как оценка и ценность, прежде всего, но не абсолютно личное и сверхличное, а соединенные в единстве личное и сверхличное, свобода и авторитет, знание и вера, внутреннее и внешнее. Христианские богословы подчерки-

вают отличие религиозных норм от остальных: «Норма утрачена. Проблему «нормы» христианство ставит, конечно, иначе, чем это делает светское, секуляризованное сознание... Норма – это божественная высота. Для христианина именно рай нормален»¹. Религиозные нормы обязаны вести свое происхождение от вертикального вектора отношений человека и сверхъестественного, иметь ссылку на какой-либо сакральный текст, авторитет духовного лидера и традиции. Они символически опосредуются через ритуал, миф и религиозную идеологию. Отличие христианских норм от правовых и моральных заключается и в том, что санкции первых в основном потусторонни, а подведение итогов следования им или их отрицания переносится на момент, следующий после смерти человека, где санкции награды или наказания исходят от Личности в противовес земному безликому закону. Несмотря на долгий период своего существования, религиозные нормы объемлют сравнительно небольшую сферу жизни человека по сравнению с другими нормами. В то же время они более структурированы по принципу «доброе – злое» в отличие от более аморфных социальных норм и более универсальны, менее зависят от социального положения человека («нет ни эллина, ни иудея») в противовес правовым (в некоторой степени имеющим эту зависимость).

А. А. Радугин, пытаясь классифицировать религиозные нормы, делит их на «позитивные, обязывающие совершать те или иные действия» и «негативные, запрещающие определенные поступки, отношения и т. д.»².

Религиозный опыт активно участвует в формировании социальной доктрины общественной жизни и одухотворяет ее. Институты семьи, брака, власти и права видятся через призму базового религиозного опыта, и идеал формируется в соответствии с ним. Желательное поведение верующего также регламентируется представлением рая и ада путем системы наград и наказаний. Питирим Сорокин пишет, что «поведение каждого верующего ... чуть не все целиком регулируется этими карами и наградами... Совершение ряда актов ... вызвано было исключительно мотивационным дейст-

¹ Василевский А. В поисках утраченной нормы // Новая Европа. Международное обозрение культуры и религии. 1994. № 5. С. 122.

² Радугин А. А. Введение в религиоведение. М., 1996. С. 62.

вием указанных рычагов, исходящих от умерших предков. Не будь этой веры ... не было бы и всех указанных актов и институтов»¹.

Рассматривая проблемы мобильности, П. А. Сорокин считает религиозные организации одним из основных каналов вертикальной социальной циркуляции, а также социальным фильтром, тестирующим, селекционирующим и дистрибутивным средством². Им затрагивается и обратная роль церкви как средства для нисходящего движения, через которое прошли тысячи еретиков, язычников, преступников.

В древнем обществе мы обнаруживаем тесную переплетенность, когда, по словам Г. Зиммеля, «... моральная, религиозная и юридическая санкции еще покоятся в нерасчлененном единстве», где идет постоянное движение от «обычая – ...типичной формы регулирования социально необходимой деятельности» к праву, от «... долга гуманности к религиозной санкции», и наоборот³.

Таким образом, вера, создавая или включая в себя определенные идеи, мотивы, цели, ценности, установки стереотипов, модели, мнения, традиции, обычаи, инновации и институты, осуществляет управление деятельностью и отношениями, поведением и сознанием индивидов и коллективов. Особое значение имеет система норм (религиозного права, морали и т. п.), включающая образцы, санкции, контроль. Отличие религиозных норм от правовых и моральных состоит, как видим, в ирреальности образцов, санкций и контроля, осуществляемых свыше. Это позволяет религии безболезненно вводить в традиционалистские структуры новое, стимулирующее развитие, содержание. Регулятивная функция религии стабилизирует состояние и динамику социума, выдерживая равновесие между традициями и инновациями. Этот процесс можно наблюдать и сейчас, когда религия устраняет недостатки движения социума к глобализации путем роста малых групп и субкультур, самостоятельно формирующих свои ценности и нормы.

Н. И. Лебедев, С. О. Лебедева

¹ См.: Сорокин П. А. Общая социология // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 123–124.

² Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 395, 414.

³ Зиммель Г. Социология религии // Зиммель Г. Избранное. Т. 1: Философия культуры. М., 1996. С. 554–555.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ И РУССКИЕ ТРАДИЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Современные теоретики права считают, что римляне создали юридическую систему, не имеющую прецедентов в мире. Столь высокой оценки римское право заслуживает в силу своей универсальности и гибкости. Казалось бы, от римских юристов следует ожидать блестящих трудов по философии права. Но этого не произошло. Римляне, как это ни странно, почти ничего не внесли в теорию права. Прагматичных римлян не интересовала логическая стройность и согласованность положений действующего права. Они не любили обсуждать отдаленные социально-экономические и нравственные последствия своего правотворчества. Их интересовало лишь то, как выгоднее решить вопрос, относящийся к данному конкретному случаю.

Но римские юристы свободно черпали философско-правовой опыт у своих предшественников и современников-иностранцев. Можно сказать, что они были релятивистами в лучшем смысле этого слова, так как признавали закономерным одновременно существование и действие естественного права, присущего всему живому по его природе, а также общенародного права, искусственного по происхождению, и права, которое каждый народ вырабатывает для самого себя.

Может быть, в силу этой доктрины и жилки прагматизма римские юристы не сумели провести четкой границы между правом и нравственностью. Они привыкли превращать свои нравственные представления и понятия в правовые нормы. То, что им казалось хорошим и справедливым, возводилось в ранг права.

Русские юристы в силу исторических обстоятельств относились к праву скорее философски, нежели прагматически. За многие века от Русской Правды, содержащей запись многочисленных вариантов обычаев XI–XIV столетий, до Свода Законов 1832 г. не произошло сколько-нибудь существенной модернизации права в России. Либеральное движение за реформы развернулось только во второй половине XIX века. История и специфика русской жизни предопределили выбор отечественными юристами ориентиров: они не считали право продуктом судебной практики, предпочитая рассматривать норму права как норму поведения, т. е. необходимо в первую очередь отталкиваться от философии права и этических положений, а

затем переходить к формулировке правовых норм, которым должны руководствоваться судьи.

Комментируя картину русской жизни второй половины XIX века, известный французский специалист в области сравнительного права Рене Давид писал: «Подобно святому Августину, Лев Толстой желал исчезновения права и создания общества, основанного на христианском милосердии и любви. В этом плане марксистский идеал будущего общества и нашел благодатную почву в моральных и религиозных чувствах русского народа».

Разрыв между философией и теоретической составляющей юриспруденции очевиден и сегодня. Истоки его понятны. Долгие годы философы-марксисты говорили о «гармоничной личности», не замечая того, что происходило в реальной жизни. А в реальной жизни росла масса людей, которая озадачивала юристов все новыми и новыми проблемами, решение которых предполагало расширение лагерной системы, но не диалог с далекими от жизни философами, стоящими на страже оживших догм, называемых идеалами. В последние годы препятствия для диалога сняты, но этого мало. Необходимо переходить к единству слова и дела, пора учиться применять знание правил управления вещами к реальным делам по производству этих вещей.

Философские идеи должны служить руководящими началами юридической практики. Нельзя разумным образом установить права и обязанности лиц, не зная что такое право вообще, где его источники и какие научные требования можно предъявлять к реальной юридической практике.

Перечисленные вопросы тесно связаны с проблемой человеческой личности, являющейся центральной проблемой философии, включая философию права. Если это игнорировать и руководствоваться сугубо утилитарными мотивами, то человеческая личность как источник и основание всякого права исчезнет из поля зрения юристов, а ее место займет анонимный «клиент». Это первое важнейшее положение нравственно ориентированной доктрины русских правоведов. В то же время уважение прав и свобод личности влечет за собой признание приоритета блага всего общества, так как нравственное требование состоит именно в деятельности на пользу других, следовательно, на общую пользу. Это второе положение дает государству, власти возможность приобретать нравственный авторитет, а он есть основа для «духовной связи» между правительством и гражданами, которая составляет самую надежную опору

ру власти. Советская власть этим злоупотребила и ее крах не замедлил долго себя ждать.

Нравственный авторитет власти требует и особого подбора людей, заботящихся об общем благе, интересующихся не шкурными своими интересами, а интересами общего блага.

Однако «государственное властвование, – как отмечал Н. М. Коркунов, – не может обойтись без стеснения личной свободы. Но все дело в том, чтобы стеснение это ограничивалось пределами необходимости и было определяемо не произволом органов власти, а известными этическими началами, находящими себе выражение в праве».

В этом высказывании формулируется третий важнейший принцип, выдвинутый русскими правоведами, – о главенстве права над политикой. Право должно быть автономной сферой, независимой от государственной власти и ее политических целей, тогда как западный позитивизм ставил политическую власть выше права, тем самым открывая дорогу произволу.

А. А. Попов

ИНФОРМАЦИОННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И СВОБОДА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Современное право построено на нескольких ключевых понятиях, к которым в первую очередь относятся свобода и неразрывно связанное с ней понятие частной собственности. «Люди равны именно как свободные личности, равны в одинаковом праве на частную собственность»¹. Именно на эти правовые понятия идеологически опираются современные капиталистические рыночные отношения и демократическое правовое государство. Однако в последнее время система права, а вместе с ней и институты демократии и рынка дают все больше сбоев и уже не кажутся столь эффективными средствами решения текущих проблем как отдельного гражданина, так и целых наций. В данной статье мы постараемся разобраться, в чем кроется причина такого несоответствия вызовов реальности с существующими правовыми средствами их преодоления.

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 75.

На протяжении последних десятилетий западные хозяйственные и социальные системы претерпели значительные изменения. В ведущих экономических державах наблюдается триумф высокотехнологичных производств, которые считаются залогом благосостояния и социальной стабильности. Здесь основной продукт производится в сфере услуг и нематериального производства, наука уже стала главной производительной силой, а информация и знания – важнейшим ресурсом общества. Все это позволяет многим ученым говорить о становлении постиндустриального общества, которое начинает зарождаться, хотя и в разной степени, практически во всех хозяйствующих системах мира. Однако новые реалии пока не нашли должного отражения в праве, которое оказалось неготово к столь быстрой смене природы социальных и экономических отношений.

Право формировалось и действовало только как феномен индустриальный, а наибольшее развитие получило в капиталистическом обществе. В новых условиях оно не всегда может регулировать отношения. В постиндустриальном обществе собственность на материальные средства производства не является основным условием высокого благосостояния. Работник интересен этому обществу не как носитель абстрактной «рабочей силы», способной к мало-квалифицированному монотонному труду, а как обладатель уникальных интеллектуальных способностей, являющихся результатом обучения и творческого поиска. Но основное различие лежит в области природы собственности. «... залогом жизненного успеха становятся не *собственность, а организация, не владение, а пользование, не возможность присвоить, а способность применить* те или иные средства и условия производства»¹.

В новых условиях именно информация является объектом собственности, однако доступ к этому ресурсу и даже собственность на него не означают возможности обладать и пользоваться им. Впервые в истории условием принадлежности человека к господствующему классу становится не право владеть благом, а способность им воспользоваться. Следовательно, социальный статус человека определяется прежде всего его образовательным уровнем, способностью превращать информацию в знания, самостоятельно осуществлять продуктивную деятельность в условиях технологически совершенного хозяйства. Классовые различия в постиндустриаль-

¹ Иноземцев В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. 2000. № 12.

ном обществе обусловлены, прежде всего, различиями в образовании.

Основа для столь стремительных и глубоких перемен в обществе и экономике уже заложена технологическим прогрессом последних десятилетий, которые сделали возможным соединение работников интеллектуальной сферы со средствами труда. Интеллектуалы обладают собственностью на свои уникальные способности; более того, такая собственность неотчуждаема и не может быть присвоена в объективированной форме. Как результат, по мере того как «средства производства становятся по своему характеру в большей степени информационными, нежели материальными, контроль над ними в определенной степени переходит к работникам»¹.

Еще одной причиной изменения социальной роли собственности становится тенденция увеличения доступности средств производства, применяемые для создания информационных продуктов и самой информации. Благодаря этому экономический фактор становится менее выраженным в производственном процессе, а права собственности не являются экономическим базисом личности, не определяют отношения между индивидами, социальный статус человека или социальные различия столь непосредственно, как это делало богатство в традиционных обществах.

Вышеизложенные концепции пока не нашли отражения в праве, хотя они касаются основополагающего правового института собственности, которое явно отличается в условиях капиталистических и постиндустриальных отношений. Тем не менее следует отметить попытку отразить в праве новые процессы, которая выразилась в разработке концепций защиты интеллектуальной собственности и информации. Однако традиционные «индустриальные» подходы делают действенность данного подхода достаточно спорным, так как ставят под вопрос информационную свободу и собственность в их современном постиндустриальном значении.

Необходимость скорейшего развития правовой базы для новых отношений подтверждается уже начавшимся быстрым ростом цифрового неравенства, которое связано с различными возможностями применения информации как на глобальном уровне, так и на уровне индивидуумов. Скорее всего, это неравенство будет еще труднее преодолеть, чем материальное.

¹ См.: Crook S., Pakulski J., Waters M. Postmodernization. Change in Advanced Society. L.-Newbury Park, 1993. P. 114–115.

«Индустриальное» право ведет к развитию не постиндустриальных экономических отношений, а позднекапиталистических, в которых мощные корпорации и государства монополизируют информационные потоки, способны влиять на мировоззрение людей, лишая их тем самым главной свободы – свободы сознательного выбора.

Вышеуказанные моменты, на наш взгляд, делают вполне очевидной необходимость качественного пересмотра основных концепций современного права и поиска новых подходов к институтам свободы и собственности. Отсутствие адекватного правового регулирования в области создания, пользования и приобретения информации грозит превратить уникальную возможность обретения человечеством будущего в кошмар полного тотального информационного контроля.

С. В. Лаврентьев

ПРИНЦИПЫ ПРАВА И ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Можно согласиться с Л. Д. Воеводиным, что вопрос о принципах правового положения есть часть более общей проблемы принципов права в целом.¹ По его мнению, вследствие этого содержащиеся в нашей литературе общие представления относительно принципов права могут быть отнесены и к характеристике принципов правового статуса личности². Это касается таких вопросов, как понятия правового принципа, юридических способов его закрепления, соотношения правовых принципов и объективных закономерностей общественного развития и пр.

При этом достаточно развернутую характеристику принципов права, исходя из нормативности, дает немецкий ученый Б. Грефрат:

а) принципы — это нормы, они не являются только политико-правовыми пунктами программы или теоретико-правовыми обоб-

¹ См.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. М., 1997.

² Наиболее полно общие вопросы принципов права рассмотрены в работах: Братусь С. Н. Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1960. №1; Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. 1966. №3; Чечина Н. А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3; Коренев А. П. Принципы советского административного права // Правоведение. 1967. №9.

щениями норм;

б) принципы являются универсальными нормами. Не все общепризнанные нормы являются принципами, но все принципы могут быть только универсальными нормами;

в) основополагающие принципы отличаются от других общепризнанных норм тем, что они отражают определенные основные закономерности исторического развития;

г) принципы — императивные нормы. Это означает, что все остальные нормы должны быть приведены в соответствие с ними;

д) принципы — не только критерий правомерности других норм, они одновременно являются направляющими положениями для дальнейшего развития права, его конкретных норм, служащих раскрытию и осуществлению этих принципов.¹

В принципах права отображаются социальные закономерности двух видов: распространяющие свое действие на общество в целом и свойственные только праву как особому регулятору человеческого поведения.

Первые отражаются в содержании руководящих положений, получивших название общесоциальных (социально-политических) принципов. В них сконцентрированы существенные черты общественных отношений, являющихся предметом правового воздействия. Важнейшей особенностью этих отношений является то, что существовать и нормально развиваться они могут лишь в правовой форме (например, отношения политической власти). Общесоциальными началами современного права выступают принципы разделения властей, защиты собственности, демократизма, гуманизма и др. В них выражаются экономические, политические, нравственные устои существующего общественного строя. Именно принцип гуманизма является общепризнанным *принципом конституционного статуса личности*.

Социальные закономерности, присущие только праву, преломляются в содержании другой группы принципов, именуемых специально-юридическими. Они выражают особенности правового регулирования, показывают его отличие от иных социальных регуляторов, а потому могут быть определены как принципы правового регулирования. К ним относятся принципы свободы, справедливости, юридического равенства, единства юридических прав и обязанностей, государственной гарантированности. Именно эти

¹ См.: Грефрат Б. О месте принципов в системе современного международного права // Правоведение. 1969. № 2. - С. 109 и сл.

принципы характеризуются как *принципы конституционного статуса личности*.

Общесоциальные и специально-юридические начала права могут действовать эффективно лишь во взаимодействии друг с другом, так как только в этом случае происходит надлежащее согласование существенных свойств объекта регулирования и его регулятора.

Принципы конституционного статуса личности, как и все правовые принципы, возникают, складываются и развиваются в общественном сознании людей, т.е. в их идеологии и психологии, под воздействием всей совокупности общественных отношений, существующих на определенной ступени исторического развития. Объективно существующие отношения составляют реальное содержание принципов, вырабатываемых общественным сознанием. Каков тип общественных отношений, таков и характер соответствующих им идей, категорий, принципов, в какой бы отвлеченной форме они ни были выражены.

Научно обоснованные принципы конституционного статуса личности — идейная основа максимального использования творческих возможностей конституционного права, правового регулирования в процессе формирования конституционно-правовых отношений, конституционного регулирования основ правового положения личности.

Вместе с тем, гносеологический аспект принципов права как руководящих положений нельзя абсолютизировать, отождествляя их с понятиями науки, элементами теории. Познавательный момент подчинен в них главной функции - регулятивной, в связи с чем они обладают рядом внелогических особенностей, обусловленных общеобязательностью и иными свойствами права, фиксацией в юридических предписаниях и воплощением в правоотношениях.

Ведь общезначимое выражение правовые идеи, представленные в форме принципов, получают именно в законодательстве, в системе правовых норм. На этом уровне правовые идеи в качестве принципов права объективируются в правовой системе, но не теряют своего идеологического характера.

Все это справедливо и для принципов конституционного статуса личности. Специфическим для них является лишь то, что, формируясь под влиянием объективных факторов, принципы конституционного статуса личности лишь тогда будут эффективно осуществлять регулятивное воздействие на субъектов правоотношений, когда они получат достаточное закрепление в конституционном за-

конодательстве.

Под «достаточным закреплением принципов конституционного статуса личности» следует понимать такую форму их регламентации в тексте Конституции и федеральных законов, которая позволяет, с одной стороны, теоретически обосновать тесное взаимодействие принципов со всеми иными институтами отрасли, а с другой, использовать в полной мере их потенциал в правореализационной и правотворческой деятельности. Введение понятия «достаточное закрепление» обусловлено регламентации принципов в конституционном законодательстве и необходимостью оценки этого факта с точки зрения критерия достаточности.

При этом одни ученые считают, что принцип может быть закреплён непосредственно (легально) и косвенно (нелегально) в праве. Непосредственное закрепление имеет место в том случае, когда принцип сформулирован в норме права (норме-принципе). Косвенное (нелегальное) закрепление принципов права - это признание правовой наукой и практикой в качестве принципов таких идей и положений, которые выводятся (синтезируются) из ряда норм и существуют в законодательстве как бы в скрытом виде.

Имеет место точка зрения, согласно которой принципы существуют в форме общих руководящих идей права, будучи абстрагированными из закономерностей общественного развития; они в этом смысле значительно опережают во времени факт своего законодательного закрепления и поэтому являются категорией мировоззренческой, а не нормативной.

В связи с этим следует вновь указать на субъективность принципов конституционного статуса личности, так как они представляют собой продукт сознательной деятельности людей, формируются, проходя через их сознание, согласовываются с их волей. И поэтому принципы не могут существовать и проявляться вне сознательной, волевой и целенаправленной деятельности человека.

Принципы конституционного статуса личности не просто руководящие положения и основополагающие идеи, но и внутренняя убежденность человека, которая отражает определенный уровень его правосознания.

Следовательно, было бы неточным считать, что правовые идеи, выражаемые как принципы конституционного статуса личности, окончательно реализуются лишь в системе конституционно-правовых норм. Во-первых, принципы конституционного статуса личности, отраженные в законодательстве, несомненно, сами при-

обретают регулирующее значение.¹ Во-вторых, принципы конституционного статуса личности выступают в качестве отправных начал в целенаправленной деятельности людей при формировании с помощью конституционных норм общего правового (конституционного) статуса личности и соответствующего конституционного порядка. Поэтому принципы конституционного статуса личности преломляются при реализации норм конституционного права, воплощаются непосредственно в конституционном статусе личности, в конституционном правопорядке.

С учетом вышеизложенного представляется, что связь принципов конституционного статуса личности, конституционного права и правосознания на уровне, как отдельной личности, так и общества в целом имеет двусторонний характер. Сформировавшись в сознании законодателя и получив конституционную регламентацию, принципы конституционного статуса личности начинают самостоятельно влиять на формирование у каждого лица конституционного правосознания, лояльного к существующим в обществе конституционно-правовым ценностям и нормам.

В современных условиях эта функция является очень важной. Развитие правовой культуры в нашем обществе должно происходить в направлении, которое будет определяться на основе руководящих положений, аксиом, представляющих собой суть права. Значительный вклад в этот процесс должны вносить и принципы конституционного статуса личности.

Следовательно, функциональный аспект характеристики принципов права как отправных начал раскрывает их практическое предназначение. При этом под функциями принципов права понимаются относительно обособленные направления однородного их воздействия на субъективную и объективную реальность, в результате которых происходят определенные изменения в различных сферах общественной жизнедеятельности.

Можно констатировать наличие у принципов права, включая принципы конституционного статуса личности, двух функций: внут-

¹ См.: Социология и право. Под ред. Ю. А. Тихомирова и В. П. Казимирчука. М., «Наука», 1973. Отметим лишь один сделанный здесь вывод, являющийся итогом социально-правовых исследований: «Правовая информированность свидетельствует об относительно слабом знании правовых норм и довольно прочном знании общих принципов права. Граждане обычно знакомы и хорошо усваивают общие требования права, вошедшие в правовое сознание как социальные ценности, как социальные требования, как генеральная идея, и вместе с тем частные его предписания далеко не всегда им известны» (С. 72-73).

ренной и внешней. Внутренняя состоит в воздействии на систему юридических норм, обеспечивающем ее непротиворечивость и согласованность. Все нормативные предписания должны логически вытекать из содержания принципов и точно им соответствовать. Это позволяет осуществлять правовое регулирование на единых началах и обеспечить его максимальную эффективность. Реализуя внутреннюю функцию, руководящие положения обслуживают нормативный массив, и их воздействие на общественные отношения происходит опосредованно - через определяемые ими конкретные юридические нормы.

Одновременно с этим принципы права, в том числе и принципы конституционного статуса личности, являются индикатором того, насколько адекватно та или иная правовая система соответствует фундаментальной для права идее справедливости, содержание которой меняется в зависимости от многих объективных и субъективных факторов. Следовательно, если в социуме меняются представления о справедливом и несправедливом, то и принципы права должны претерпеть изменения. Это обусловлено тем, что принципы так или иначе корреспондируются с людьми, вовлеченными в сферу правотворчества и правореализации.

Заслуживает внимания утверждение о том, что наиболее значимые общесоциальные идеи справедливости, свободы, равенства, гуманизма через правосознание законодателя влияют на процесс конституционно-правового отображения общественно-значимого поведения и правового положения личности в целом.

Правовые принципы определяют как бы общие параметры и границы данной правовой системы. Смена одного исторического типа права другим означает смену принципов права, на которых строилась предшествующая система правовых норм.

Внешняя функция принципов права, включая принципы конституционного статуса личности, заключается в непосредственном регулировании поведения субъектов общественных отношений. Причем она не ограничивается только рамками правоприменения при пробелах в законодательстве или при противоречии отправным началам его конкретных норм. Непосредственное регулятивное воздействие проявляется и тогда, когда у субъектов имеется возможность реализовать требования принципов, не прибегая к правоприменению.

Таким образом, в функциональном аспекте принципы конституционного статуса личности выступают, с одной стороны, исходными

началами конституционно-правового регулирования статуса личности в обществе, обеспечивающими согласованность и эффективность системы конституционно-правовых норм, а с другой - непосредственными регуляторами поведения субъектов общественных отношений (отношений между государством и личностью) при ее пробельности и противоречивости.

В юридической литературе встречается различное понятие принципов права. Но при этом, как правило, под принципом права понимают правовое явление, которое, во-первых, обусловлено воздействием объективных факторов социального развития (политики, экономики, культуры), во-вторых, в его основе лежит правовая идеология, в-третьих, является основным, руководящим положением, определяющим общую направленность и характер правового регулирования, в-четвертых, отражено в тексте закона напрямую или косвенным образом.¹

В свою очередь, в современной юридической науке предложено и иное определение принципа права - это универсальное, истинное, фундаментальное нормативно-правовое предписание (начало, требование, императив и т. п.), которое определяет общую направленность правового регулирования, высокое качество и эффективность юридической практики (правотворческой, правоприменительной и т. д.).²

При этом важно отметить, что в юридической литературе попытки научного определения принципов права, не смотря на существующие расхождения в установлении характеризующих признаков, представляет собой важный этап в понимании сущности принципов права.

Одновременно с этим для конституционного права сохраняет свою значимость и актуальность исследование вопросов принципов конституционного статуса личности и их определение. Исходя из поставленных задач, можно установить следующие признаки принципов конституционного статуса личности:

1) Принципы конституционного статуса личности - идеологические категории, и как таковые они складываются в сознании людей, воплощаются в их воле. Идеологической основой принципов кон-

¹ См.: Сагандыков М. С. Конституционные принципы регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений в Российской Федерации: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2004. - С. 9.

² См.: Фролов С. Е. Принципы права (вопросы теории и методологии): Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2001.

ституционного статуса личности являются идеи конституционного права, воплощающие понимание его сущности и конституционного статуса личности.

2) Принципы конституционного статуса личности прямо или косвенно должны быть закреплены в нормативно-правовых источниках. Еще идеологи школы естественного права XVII-XVIII веков (Дж. Локк, Ф. Вальтер, Ж.Ж. Руссо, Б. Спиноза и др.) идеи свободы, безопасности и другие связывали с закреплением их в нормах позитивного права.

3) Предметная определенность принципов конституционного статуса личности означает, что объективным критерием для формулирования принципов служит специфика предмета правового регулирования, то есть природа и особенности общественных отношений, а именно отношений между государством и личностью по поводу свободы и ответственности в обществе; отношений, характеризующих основы правового положения личности.

4) Целенаправленность (целевая направленность) принципов конституционного статуса личности дает возможность выделить желаемые пути и результаты в области конституционно-правового регулирования общественных отношений, которых стремится добиться законодатель, устанавливая те или иные принципы конституционного статуса личности.

5) Принципом конституционного статуса личности может быть только истинное положение, которое верно отражает реальную действительность, закономерности развития конституционного статуса личности.

6) Универсальность - это важнейшее свойство, которое отличает принцип от правовой нормы. Оно базируется на общезначимости принципов конституционного статуса личности для правотворческой и интерпретационной, правореализующей и правосистематизирующей практики.

7) Принципы конституционного статуса личности обладают значительной устойчивостью и стабильностью, носят фундаментальный характер. На их основе формируются институты конституционного права (гражданство, основные права и свободы, основные обязанности, гарантии). Вместе с предметом и методом конституционно-правового регулирования они играют важную системообразующую роль в системе конституционного права и правовой системе общества.

Раздел II. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА

В. А. Парамонова

К ВОПРОСУ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

В научной литературе не существует единообразия по вопросу о дисциплинарной принадлежности социологии права. Однако, несмотря на разнообразие точек зрения по вопросу о природе, предмете, объекте и месте социологии права, можно выделить основные направления, в рамках которых и происходит поиск ответа на данный вопрос.

Н. Риффель¹ попытался выделить следующие направления, позволяющие определить дисциплинарный статус социологии права:

1) социология права как вспомогательная дисциплина в рамках правоведения (К. Ллевеллин);

2) социология права как разновидность общей теории права (Э. Дюркгейм, Н. Луман);

3) социология права как отрасль социологии (М. Вебер).

Однако В. В. Касьянов и В. Н. Нечипуренко² полагают, что существуют следующие три «версии»: «юридическая», «социологическая», «юридико-социологическая». Представители «юридической версии» (В. С. Нерсисянц, В. В. Лапаева, В. А. Туманов и др.)³ пытаются доказать принадлежность социологии права к юридическим дисциплинам, обосновывая свою позицию следующими положениями:

¹ См.: Riffle H. Rechtssoziologie. Eine systematische Orientierung. Nuewied Berlin (West), 1974. S. 404.

² См.: Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права. Ростов н/Д, 2001. С. 3.

³ См.: Нерсисянц В. С. Предисловие редактора // Лапаева В. В. Социология права. М., 2000; Туманов В. А. Вступительная статья // Ж. Карбонье. Юридическая социология. М., 1986.

1) социология трактуется как наука, страдающая «теоретической недостаточностью», так как является преимущественно прикладной, эмпирической наукой;

2) юриспруденция обладает огромным опытом юридического познания общественных отношений и большими знаниями о праве как общественном явлении;

3) существует тесная взаимосвязь теоретических и практических функций юриспруденции;

4) «все монографии и учебники по социологии права (как у нас, так и за рубежом) написаны юристами»¹.

Представители «социологической версии» (Э. В. Тадевосян, Ж. Карбонье и др.)² придерживаются противоположной точки зрения по данной проблеме, утверждая что:

– при определении дисциплинарной принадлежности науки следует исходить из объективно обусловленного предмета и содержания научных знаний, но не из «значительности» вклада тех или иных специалистов (философов, социологов, юристов);

– необходимо учитывать также и специфику исторической ситуации в России XX века, когда социология была объявлена «буржуазной лженаукой», в связи с чем разработки по социологии права осуществлялись в нашей стране исключительно в рамках юриспруденции;

– социология права является отраслью общей социологии, так же как экономическая социология, социология религии, социология духовной жизни, социология образования, социология управления.

Представители версии о «двойственном» (юридико-социологическом)³ характере социологии права полагают, что данная наука является междисциплинарной наукой, мотивируя это следующим:

1) социология права имеет двойственную природу, так как ее развитие происходит на стыке социологии и юриспруденции;

2) объект и предмет социологии права понимается предельно широко, что позволяет включать в социологию права «все социаль-

¹ См.: Лапаева В. В. Социология права как юридическая дисциплина? // Социс. 1999. № 7. С. 47.

² См.: Карбонье Ж. Социология права. М., 1986; Тадевосян Э. В. К вопросу о социологии права // Социс. 1997. № 9; Тадевосян Э. В. Социология права как специфическая отрасль социологии // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 2.

³ См.: Варчук В. В. Социология права – отрасль социологии // Социс. 1996. № 10; Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981.

ные явления, в которых присутствует правовой элемент, даже если этот элемент не в чистом виде, а переплетен с другим»¹;

3) социология права есть «чисто эмпирическая наука» и, следовательно, не обладает в полной мере теоретическим потенциалом.

Таким образом, несмотря на все многообразие понимания природы, предмета, объекта социологии права, существуют в целом только две основные позиции: социология права рассматривается либо как социологическая, либо как юридическая дисциплина. Представители обоих направлений достаточно обоснованно доказывают свою позицию. Однако социология права, на наш взгляд, все же является отраслью общей социологии, так как объектом социологии права является «не правовое и социальное, взятые сами по себе, а именно их непосредственная взаимосвязь и взаимодействие», предметом социологии права выступают «социальные законы и закономерности утверждения, функционирования и развития права, пути, формы и методы (механизм) их реализации в поведении и деятельности личности, социальных групп, институтов, организаций и общества в целом»².

Ю. В. Нижегородова, Н. В. Дулина, В. В. Токарев

МИГРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА АДАПТАЦИЮ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДА)

Миграция, являясь массовым в количественном и сложным в структурном отношении социально-демографическим процессом, представляет собой один из наиболее динамичных способов реагирования населения на быстро меняющуюся социально-экономическую и социально-политическую ситуацию. Миграция во многом является «социальным зеркалом» тех реальных процессов, которые протекают в обществе. Она предопределяет не только наличие отношений на личностном, групповом и массовом уровнях, но и оказывает значительное влияние на формирование структуры населения региона, на функционирование социальной системы в целом, на процессы взаимопроникновения различных типов культур. Известно, что, например, процентное соотношение коренных жителей и мигрантов влияет на показатели социального самочувст-

¹ Варчук В. В. Указ. соч. С. 64; Кульчар К. Указ. соч. С. 118–119.

² Варчук В. В. Указ. соч. С. 64.

вия населения. Миграционные процессы часто влекут за собой правовые, экономические, социальные, этнокультурные, психологические, религиозные и иного рода проблемы.

Интерес к эмпирическим данным, отражающим миграционные процессы в регионе (в частности в Волгограде), по нашему мнению, вполне оправдан, поскольку, с одной стороны, Волгоград является одним из тех городов России, социальные (в том числе и экономические, и политические) условия жизни в которых привлекают значительные потоки мигрирующего населения, а с другой стороны, как свидетельствуют данные завершённых социологических исследований, экономическая и социальная ситуация в самом городе во многом определяется характером миграционных процессов.

Миграционная мобильность населения Волгограда¹ оценивалась при помощи данных, полученных в результате обработки ответов респондентов на вопросы о месте рождения (стране, республике, области, населённом пункте) и времени переезда в Волгоград. На сегодняшний день лишь немногим более половины жителей Волгограда (около 56 %) являются уроженцами города. Остальные (44 %) приехали в Волгоград в разное время, начиная с 1928 года. Большинство мигрантов ранее проживали на территории Российской Федерации (вне Волгоградской области) – 20 % от числа опрошенных; из различных населённых пунктов Волгоградской области в областной центр «переехали» 14 % участников опроса; в одной из республик (стран) на территории бывшего СССР проживали 9 % респондентов. Официальные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что основной приток мигрантов на территорию области действительно направляется из различных регионов России. Приток мигрантов с территории Волгоградской области менее значим в общем потоке мигрирующих, при этом число убывших в область часто превышает число прибывших из области, поэтому сальдо внутриобластной миграции по Волгоградской области часто имеет отрицательное значение.

Уникальность Волгограда не только в том, что за время, прошедшее после завершения Великой Отечественной войны, он был восстановлен как крупный промышленный, транспортный и куль-

¹ Эмпирический материал приводится по завершённому исследованию «Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия» (компонент «Качество жизни населения»), проведённому по заказу Администрации города НП ЦСМИ «Аналитик». Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотирование проводилось по полу, возрасту, образованию, району проживания. N=1719, максимальная статистическая погрешность выборки при доверительном уровне 0,95 равна 2,36 %.

турный центр. Население Волгограда – это сложный конгломерат национальностей, культурных традиций, образов жизни (как свидетельствует статистика, на территории области проживает более 100 национальностей и народностей, у большинства переписью отмечен рост численности населения). Сегодняшний волгоградец (особенно волгоградец старшего возраста) – это, как правило, горожанин в первом или втором поколении, приехавший в город из сельской местности в послевоенный период, во время строительства Волжской ГЭС или после распада СССР. Следует признать, что влияние сельской культуры (и образа мышления) в городе заметно.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о двух «пиках» миграции. Первый приходится на периоды «оттепели» и «раннего застоя» и связан с крупными стройками (в том числе со строительством Волжской ГЭС). Второй начинается с 1985 года и связан с притоком мигрантов из «неблагополучных» регионов России и стран ближнего зарубежья. Характерным является также значительное снижение доли русских мигрантов в общем потоке мигрировавшего населения.

Представляет интерес анализ особенностей адаптации мигрантов разных волн (первого «пика» и второго) к условиям проживания в Волгограде. В социологическом анализе принято выделять добровольную (прогрессивную) и вынужденную (регрессивную) адаптацию. Добровольная адаптация опирается на согласованные в процессе соотнесения личности со средой или не подлежащие никакому согласованию новые ценности и способы действия, которые предлагает новая социальная среда и которые не противоречат скорректированной или прежней системе ценностных ориентаций. Добровольная адаптация возможна, если декларируемые принципы и нормы социального бытия вписываются в систему самых значимых интересов и потребностей человека и создают более благоприятные условия для их осуществления; если ценностные ориентации, ранее свойственные индивиду, изменяются в новых условиях без особого напряжения и сопротивления с его стороны. Вынужденная адаптация происходит тогда, когда направления и методы преобразований не соответствуют, противоречат представлениям и установкам индивида, который не может не считаться с ними, не содействовать их реализации, чтобы удовлетворить свои жизненно важные цели.

Мы предположили, что модель «добровольной адаптации» свойственна мигрантам первой волны (1950–1974 гг.), а «вынужденная адаптация» (и вследствие этого более низкая «социальная

успешность») характерна для «постсоветских» мигрантов. Мигранты первой волны понимали, зачем они едут в город, от своего нового географического и социального положения ожидали позитивного стабильного развития. Возможность принять участие в «стройках века», обосноваться на берегах Волги, получить квартиру в городе-герое, перспективное строительство, перспективный город-новостройка, новые возможности – все это закономерно приводит к положительной модальности. Следовательно, оценка и отношение к городу формировались скорее положительные, нежели отрицательные.

Отрицательную модальность, по преимуществу, имеет миграционная активность периода 1991–2002 гг., в которой превалирует принудительная мотивация. Следствием этого может быть низкая самооценка, трудности идентификации с социальными группами и социальный пессимизм. Можно было ожидать, что люди, вынужденные покинуть свои насиженные места в связи с экстремальными обстоятельствами, труднее адаптируются в новых условиях и, соответственно, относятся к новому месту обитания менее благожелательно.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии двух дополняющих друг друга тенденциях: мигранты второй волны склонны значительно более высоко оценивать уровень своего материального благосостояния, и в то же время именно они в первую очередь стремятся покинуть Волгоград в силу различных обстоятельств, в том числе связанных и со спецификой самого города.

А. Н. Калашников, Т. А. Морозова

ДЕФЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ И АФФЕКТИВНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Анализируя социально-психологические причины преступного поведения человека, один из основоположников отечественной юридической психологии А. В. Дулов предложил объяснять противоправные поступки людей теми возможными дефектами социализации личности, которые закладываются и формируются в процессе ее развития. По мнению Дулова, в сложном многоаспектном процессе социализации личности возможно формирование отдельных ее качеств, которые не в полной мере отвечают требованиям,

предъявляемым обществом к своим членам, т. е. имеют место дефекты социализации личности. Наиболее важными являются дефекты:

- выполнения социальных ролей;
- социального опыта;
- структуры общений (связей);
- социального контроля.

Нам представляется заслуживающим внимания влияние названных дефектов социализации личности на поведение человека в экстремальных ситуациях. Для установления зависимости поведенческих реакций, в частности агрессивных действий человека, от имеющихся у него дефектов социализации личности мы анализировали конфликтные ситуации, завершавшиеся агрессивными действиями обеих или одной из сторон конфликта. Исследовались экстремальные ситуации, завершившиеся, как правило, причинением убийства или тяжкого вреда здоровью одному из участников конфликта. Для анализа использованы материалы реальных уголовных дел, по которым проводились судебно-психологические экспертизы.

Авторы применяли для выявления дефектов социализации личности метод обобщения независимых характеристик. В качестве источников использовались только те, которые позволяли рассматривать формирование личности в ретроспективе. Настоящая работа не претендует на бесспорность выводов, но тем не менее позволяет обозначить заслуживающие внимания зависимости, полученные в процессе анализа данных практики.

Поскольку исследовались психологические характеристики лиц, участников криминальных событий, по которым возбуждались уголовные дела, назначались судебно-психологические экспертизы, авторы изучали дефекты социализации личности и потерпевшего, и посягателя. Как известно, аффективное состояние, наличие (отсутствие) которого необходимо выявить в процессе экспертного исследования, заключается в возникновении острой психотравмирующей (аффектогенной) ситуации, аффективного взрыва и постаффектной реакции. Обязательным условием ситуации, для квалификации ее как аффектогенной, должно быть инициирование конфликта потерпевшим. Исследовались ситуация конфликта, его причина, динамика, действия инициатора, особенности его личности, в частности возможные дефекты социализации его личности¹.

¹ Проанализировано 180 заключений судебно-психологических экспертиз (140 – подэкспертные мужчины, 40 – женщины), потерпевшие в основном (91 %) мужчины.

Выявлено, что наиболее часто у инициаторов конфликта¹ встречается дефект социального опыта (63 %). Причем речь идет об опыте агрессивного поведения, насилия над окружающими, как правило, более слабыми, не умеющими проявить защитную реактивную агрессию. Этот опыт начинает формироваться в детстве и, не подвергаясь коррекции со стороны или по инициативе самого человека, ведет к закреплению стратегии поведения в конфликте, получившей название давления. На этой основе развиваются такие индивидуально-психологические особенности личности, как низкая эмоциональная устойчивость, недостаточная управляемость собственными эмоциональными состояниями и поведением, повышенная агрессивность, категоричность, непримиримость, повышенная обидчивость, несдержанность и вспыльчивость, подверженность внезапным вспышкам гнева. Показательно, что стремление доминировать, подавлять другого в процессе столкновения интересов проявляется в детстве, формируется и развивается в юности, закрепляется в молодости (для мужчин часто во время службы в армии), становится характерной чертой личности в зрелом возрасте.

Дефекты выполнения социальных ролей встречаются в 37 % случаев². Здесь речь может идти либо об отсутствии достаточных знаний о сущности данной социальной роли, либо о собственном толковании этой социальной роли. Тогда поведение человека, выступающего в какой-то социальной роли, неадекватно ей, оно нередко неожиданно и непрогнозируемо³. В частности, это могут быть завышенные, необоснованные требования, предъявляемые к другим людям, вербальная, физическая, опосредованная агрессия, признание за собой права безапелляционной оценки поведения, ценностных ориентаций близких и совершенно посторонних людей. Такое поведение человека может восприниматься окружающими как вызов, угроза жизни, здоровью, тяжкое оскорбление. Это поведение может стать исходным импульсом, пусковым механизмом, основой

¹ Речь идет о конфликте, инициированном потерпевшим, приведшем к аффективному взрыву у посягателя, убийству или причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

² Часто в экстремальных ситуациях проявляются не один, а сочетание дефектов социализации личности, определяющих поведение человека. Дефекты структуры общения (связей) в изученных материалах встретились значительно реже, чем дефекты выполнения социальных ролей, дефекты социального опыта, дефекты социального контроля.

³ Здесь речь идет о виктимных либо выполняющих их роль формах поведения человека.

развития аффективной реакции в первую очередь для лиц с дефектами психической саморегуляции.

Дефект социального контроля диагностирован в 23 % случаев. Наличие эффективно действующей системы социального контроля призвано корректировать поведение человека в различных ситуациях, чтобы он не только выполнял требования общества, но и осознавал их, понимал их справедливость и целесообразность, мог видеть те свои качества, которые не принимаются обществом и которые он должен подавлять и изживать. Несовершенный социальный контроль не только не обуславливает адекватной самооценки личности, не формирует готовность к критическому анализу своих поступков, но и порождает убеждение в безнаказанности подавления прав, достоинства другого, в возможности пренебрегать требованиями общества.

Таким образом, анализ материалов 180 уголовных дел, по которым назначалась судебно-психологическая экспертиза, позволил выявить обусловленность наиболее часто встречающихся причин виктимного поведения потерпевшего дефектами социализации его личности. Авторы не претендуют на фундаментальность исследования и глобальность выводов, однако полученные данные могут быть использованы следователем для юридической оценки деяния, прогнозирования поведения подозреваемого (обвиняемого) при проведении следственных действий, установления психологического контакта, стимулирования выбора подозреваемым стратегии поведения в форме сотрудничества либо компромисса со следствием.

О. В. Кони́на, Н. В. Ду́лина, В. В. Тока́рев

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ В ОЦЕНКАХ
И МНЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДА
(по материалам конкретного социологического исследования)**

Основополагающим механизмом функционирования современной демократии является общественное участие, низкий уровень или неразвитость которого может стать потенциальной угрозой демократичности государства. Общественное участие предполагает наличие свободы мысли, слова, убеждений и выражения мнений, поскольку в конечном итоге выражение мнений ведет к свободе действий. Конституция России (чч. 1 и 2 ст. 29) закрепляет эти свободы, одни из самых первых и старейших на планете. «Скажите,

удовлетворены ли Вы тем, как реализуются и защищаются государством Ваши основные права и свободы, гарантированные Вам Конституцией как гражданину Российской Федерации?» – этот вопрос среди прочих был задан жителям города в ходе проведения социологического исследования, выполненного по заказу Администрации Волгограда¹. Прежде всего следует отметить относительно невысокую долю нерезультативных ответов – число респондентов, затруднившихся с ответом, составляет в среднем 13 % от общего числа опрошенных.

Реализация практически всех конституционных прав, по мнению населения Волгограда, обеспечена государством в достаточной мере. Это касается, прежде всего, таких прав и свобод, как право на пользование родным языком и на свободный выбор языка общения, свобода совести и вероисповедания, право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (см. табл.).

Таблица

**Распределение ответов респондентов на вопрос
об их удовлетворенности степенью реализации
конституционных прав, %**

Скажите, удовлетворены ли Вы тем, как реализуются и защищаются государством Ваши основные права и свободы, гарантированные Вам Конституцией как гражданину Российской Федерации?	1	2	3	4	5
Право на жизнь	37.7 2	26.89	13.03	12.75	9.60
Право на сохранение достоинства личности	27.0 3	26.36	19.14	15.69	11.7 8
Право на свободу и личную неприкосновенность	26.8 0	24.72	21.37	16.44	10.6 7
Право на неприкосновенность част-	30.2	27.89	16.99	12.19	12.7

¹ Исследование «Концепция устойчивого развития Волгограда. Стартовые условия» (компонент «Качество жизни населения») проводилось летом 2002 года. Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотирование проводилось по полу, возрасту, образованию, району проживания. N=1719, максимальная статистическая погрешность выборки при доверительном уровне 0,95 равна 2,36 %.

ной жизни, личную и семейную тайну	1				1
Право на защиту своей чести и доброго имени	29.08	24.44	19.52	13.72	13.24
Право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения	66.02	19.07	4.44	2.14	8.32
Право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства	49.78	25.75	9.62	5.46	9.39
Свобода совести и вероисповедания	60.88	21.32	5.15	2.92	9.73
Свобода мысли и слова	46.21	25.59	13.15	5.11	9.94

Продолжение таблицы

	1	2	3	4	5
Право на получение и распространение информации	36.15	27.28	15.28	6.37	14.92
Право на выражение своего мнения	35.93	26.42	17.35	8.13	12.17
Право избирать и быть избранным в органы государственной власти	30.44	23.88	15.98	10.44	19.26
Право на ведение предпринимательской деятельности	27.67	21.09	15.03	9.55	26.67
Право частной собственности на землю и имущество	29.29	24.63	16.50	9.64	19.94
Право на свободный и безопасный труд	24.52	25.09	20.89	16.39	13.10
Право на отдых	41.17	26.19	12.85	10.16	9.62
Право на социальное обеспечение	19.79	17.04	24.46	28.43	10.28
Право на жилище	28.16	26.12	18.78	18.34	8.59
Право на охрану здоровья и медицинскую помощь	17.42	20.18	22.02	32.86	7.52
Право на благоприятную окружающую среду	12.92	15.26	24.77	37.92	9.12
Право на образование	22.1	23.48	20.61	19.89	13.8

	3				8
Право на участие в культурной жизни	32.3 0	26.85	13.45	7.48	19.9 2
Право на получение юридической помощи	22.5 3	21.18	18.12	16.58	21.5 9

Примечание: Шкала оценок: «1» – удовлетворен, «2» – скорее удовлетворен, «3» – скорее не удовлетворен, «4» – не удовлетворен, «5» – не знаю, отказ).

Интересно отметить, что большую неудовлетворенность демонстрируют жители в возрасте от 45 до 54 лет, наименьшую – молодые люди от 18 до 24 лет. Реже других затруднялись с оценкой респонденты в возрасте от 25 до 34 лет, и они же проявляют высокую степень недовольства тем, как реализуются их права.

В целом же «цифры», казалось бы, вполне благополучные, жители города в основном удовлетворены тем, как государство обеспечивает их права и свободы. Однако при проведении полного анализа полученных данных становится очевидным, что гарантированные Конституцией РФ права и свободы не воспринимаются жителями Волгограда как неременный атрибут их жизни и необходимое условие демократического общества. Довольно высокая удовлетворенность реализацией конституционных прав на самом деле может означать некоторое непонимание конкретного содержания того или иного права, а также того, в какой форме это право может быть реализовано. Кроме того, наибольшее число отрицательных оценок получили права, связанные с социальными гарантиями. По всей видимости, в тех случаях, когда респонденты заявляют о своей неудовлетворенности степенью реализации прав, они выражают неудовлетворенность объектом права, а не тем, как это право реализуется (например, недовольство реализацией права на социальное обеспечение означает недовольство социальным обеспечением как таковым). Очень похоже на то, что, по мнению некоторых респондентов, слово «демократия» в нашей жизни означает не что иное, как периодически повторяемый ритуал выборов.

Е. Р. Мкртчян

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ

В условиях социально-экономической и политической трансформации России и становления демократического правового государства возникла необходимость подготовки нового поколения юристов, владеющих не только современными правовыми знаниями, но и знающих и понимающих общество, то есть мыслящих социологически, что является важной составляющей правовой реформы.

Правовая система как часть социальной использует правовые механизмы управления обществом. Однако прежде чем решать вопрос о том, как управлять, необходимо знать, чем управлять. Поэтому необходима социологическая подготовка юридических кадров, не только знающих юридические законы, но и чувствующих общество, знающих тенденции, законы его функционирования.

Г. Спенсер писал, что бедствия, причиненные невежественными законодателями, многочисленнее трагических случаев из-за невежества врачей, а главной причиной различных видов злодеяний законодателей является ошибочный взгляд на общество. Многие законодатели считают, что можно как угодно экспериментировать над целыми группами людей, и законодателю не обязательно знать больше того, что он может узнать в ходе парламентских дебатов, но это абсурд, когда речь идет о принятии того или иного закона, влияющего на жизнь целого народа¹.

С 2002 года в Волгоградской академии государственной службы на юридическом факультете началось преподавание курса «Социология права» в объеме 36 часов, который студенты слушают после 52-часового курса «Социология».

В рамках курса «Социология права» будущие юристы приобретают комплекс умений по практическому применению социологического материала. Они учатся понимать, что такое общество, как оно функционирует, что необходимо учитывать в ходе законодательной и правоприменительной деятельности, как можно использовать общественное мнение для повышения эффективности правовой системы.

Здесь же они получают практические навыки использования методических, технических и технологических возможностей социологии в решении правовых проблем общества, вырабатывают навыки

¹ См.: Спенсер Г. Грехи законодателей // Социс. 1992. № 2.

самостоятельного социологического анализа правовых фактов, событий, процессов.

Выработка образовательной и воспитательной стратегии социологической подготовки юристов идет на основе учета реального состояния их правосознания, позволяющего им не только осознавать свои обязанности перед обществом и другими людьми, отстаивать собственные права, но и признавать их за другими людьми.

В связи с этим особый интерес представляют результаты социологических исследований правосознания будущих юристов, которое определяет мотивацию, установки и ценностные ориентации их дальнейшей профессиональной деятельности.

Исследования были проведены в 2002 и 2003 годах с участием самих студентов юридического факультета. В опросе участвовали 72 человека в 2002 году и 78 респондентов в 2003 году, среди них соответственно 32,7 % мужчин, 67,3 % женщин в 2002 году, 42,9 % мужчин и 57,1 % женщин в 2003 году, возраст опрошенных от 17 до 24 лет.

Рассматривая правосознание как совокупность знаний, представлений, отношений и оценок по поводу права, его применения и форм проявления, в анкете были заложены вопросы по их измерению.

Анализ результатов опроса показал, что большинство студентов-юристов (74,5 % в 2002 г. и 56,6 % в 2003 г.) уверены, что Россию нельзя считать правовым государством. Естественно, каждый человек делает вывод о правовом статусе государства, исходя из личного опыта правовых отношений, который индивидуален и разнообразен, но в результате они дают некоторое общее оценочное суждение, которое в данном случае негативно.

Однако суждения о «правовом статусе» государства основаны не только на личном опыте, но и на их представлении о модели правового государства и правовом принципе, который должен в нем доминировать.

В сознании студентов доминируют два критерия правового государства: всеобщее соблюдение закона гражданами, организациями и органами власти (34,2 % в 2003 г., 50,9 % в 2002 г.) и соблюдение властью основных прав и свобод граждан (36,4 % в 2002 г. и 39,5 % в 2003 г.). Практически недооценивается независимость судов (5,5 % в 2002 г. и 6,6 % в 2003 г.), принцип законотворчества (соответственно 5,5 % и 5,3 %) и неприкосновенности частной собственности (0 % и 3,9 %), не придается никакой значимости презумпции невиновности (соответственно 1,8 % и 0 %).

Таким образом, даже для будущих юристов частная собственность не является предметом идентичности личности, хотя всего за один год процент тех, кто связывает правовое государство с неприкосновенностью частной собственности, возрос до 4 %. Поскольку сомнению подвергается реальность самого правового государства, то презумпция невиновности пока не является ценностью вообще.

Большинство студентов среди функций права, которые имеют для общества первостепенное значение, выбрали следующие: регулирование взаимоотношений между гражданами и государством (67,3 % в 2002 г. и 82,8 % в 2003 г.), гарантия прав и свобод граждан (соответственно 54,5 % и 67,8 %), защита собственности граждан и регулирование имущественных отношений (18 % и 31,5 %), защита граждан от произвола бюрократии (15 % и 19,7 %). То есть студентами выделяются регулирующие, защитные и гарантирующие функции, а контролирующим функциям, доминирующим в социалистической системе, придается меньшее значение.

Анализ установок студентов на соблюдение законов показал, что для студентов, опрошенных в 2002 году, они обусловлены принципом: если представители власти будут соблюдать законы, то этому последуют и граждане (31 %), 29 % затруднились ответить, 20 % считают, что всегда и во всем надо соблюдать закон, даже если он устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям, 11 % ориентированы на поступки по принципу «справедливости» и 9 % считают, что законы надо соблюдать лишь тогда, когда они не мешают реализации личных интересов.

Через год ответы распределились следующим образом: большинство опрошенных студентов (26,3 %) считают, что всегда и во всем надо соблюдать закон, даже если он устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям; столько же затруднились ответить; 23,7 % связывают соблюдение законов с поведением представителей власти; 17,1 % ориентированы на поступки по принципу «справедливости»; 6,6 % считают, что законы надо соблюдать лишь тогда, когда они не мешают реализации личных интересов.

Если отвлечься от нюансов и суммировать всех, кто склонен к соблюдению законов, то можно заметить, что за год она выросла с 62 % до 67 %.

Изучение поведенческого уровня правосознания показывает, что в целом соблюдают законы 38 % опрошенных в 2002 году и 47 % в 2003 году, законы соблюдают всегда соответственно 20 % и 30 %, соблюдают законы по необходимости по 14,4 %, соблюдают, если

они не затрагивают личные интересы, 15 % опрошенных в 2002 году и 17 % в 2003 году. Склонность к девиации практически не прослеживается.

Правовые установки и правовое поведение во многом определяются правовым опытом личности. Среди опрошенных 78,2 % студентов в 2002 году и 69 % в 2003 году имеют опыт обращения в правовые учреждения. Основные учреждения, в которые обращались опрошенные, – нотариальная контора (соответственно 45,5 % и 52 %), милиция (40 % и 32,5 %), местные власти (23,6 % и 29,9 %), налоговая инспекция (16,4 % и 20,8 %). Итоги своего обращения респонденты оценили следующим образом: решить свою проблему смогли 72,7 % опрошенных в 2002 году и 63,7 % в 2003 году, не смогли решить по причине несовершенства законов и бюрократической волокиты соответственно 27,3 % и 37,3 %.

Трудности, с которыми пришлось столкнуться при обращении в правовые учреждения, носили либо бюрократический характер (волокита, невнимание и грубость), что отметили 74,5 % респондентов в 2002 году и 94 % в 2003 году, либо были следствием недостаточной правовой грамотности обратившихся (соответственно 7,3 % и 26 %), требовали взятку у 2 % респондентов в 2002 году и 3 % – в 2003 году.

Преодолевались трудности следующим образом: помогли личные знакомые и связи (54,5 % опрошенных в 2002 г. и 65 % опрошенных в 2003 г.), дали взятку (соответственно 7,3 % и 18,2 %), использовали силовые методы (соответственно 7,3 % и 16,9 %), обратились в органы власти (соответственно 1,8 % и 2,6 %), через СМИ решали свои проблемы только опрошенные в 2003 году (6,5 %).

Несмотря на частные неудачи, все же подавляющее большинство опрошенных склонны и в будущем обращаться в правовые учреждения (соответственно 87,2 % и 81,9 %), однако среди будущих юристов есть и такие, кто не намерен обращаться в правовые учреждения (12,7 % и 18,2 %), что свидетельствует о снижении доверия к ним в течение года и, что особенно важно, внутри одной возрастной группы, профессионально связывающей себя с юриспруденцией.

Важнейшим индикатором уровня либерализации и социологизации мышления будущих юристов является их отношение к использованию в России альтернативных способов разрешения правовых споров, в частности суда присяжных, являющегося новым для российской судебной практики.

Результаты опросов свидетельствуют, что в 2002 году против введения суда присяжных высказалось больше половины опрошенных (55 %), за – 38 %, продемонстрировали безразличие к данной проблеме – 7 %, а в 2003 году картина получилась прямо противоположной: за – 55 %, против – 39 % и 6 % никак не смогли проявить свое отношение.

Среди причин отрицательного отношения к суду присяжных были отмечены следующие: это будет мешать суду принимать обоснованные решения (24 % в 2002 г. и 27 % в 2003 г.), российские граждане не готовы к введению суда присяжных (соответственно 22 % и 8 %), они не вписываются в российские правовые традиции (соответственно 4 % и 11 %), это приведет к росту конфликтности в обществе (9 % и 3 %), это приведет к росту агрессивности в обществе (6 % и 3 %), и только несколько респондентов согласились с тем, что введение суда присяжных неприемлемо из-за неготовности самих судей работать в новом режиме (2 % и 3 %).

Таким образом, сравнительный анализ правосознания студентов свидетельствует о качественном его изменении. Совершенно очевидно, что вуз готовит новое поколение юристов, хотя в правосознании студентов наблюдаются некоторые «перекося» и отрицательные тенденции. Социология права позволяет выявить тенденции, определить причины, условия, ведущие к такой деформации правосознания, скорректировать образовательные и воспитательные программы и помочь будущим юристам осознать необходимость более глобального подхода к данной профессиональной деятельности в динамично развивающемся социальном пространстве.

Рассматривая правосознание в качестве внутреннего и индивидуального регулятора общественных отношений, фильтра, через который молодежь пропускает все факторы, влияющие на ее поведение, очень важно в рамках социологической подготовки будущих юристов помочь им осознать, что их профессиональная подготовка требует не только знания и умения ориентироваться в законодательстве. Создавать законы для народа и следить за их исполнением – это наука и искусство одновременно. Люди, занимающиеся этим, должны сами иметь определенный уровень правосознания, соответствующего требованиям гражданского и правового общества.

Прежде чем брать на себя ответственность за подготовку и применение законов в обществе, необходимо понимание сущности, законов и тенденций развития общества, знание того, что поле юридического права постоянно пересекается с полем фактического

права, которые можно изучать, в том числе социологическими методами. Умение учитывать и использовать общественное мнение в своей практической деятельности поможет юристам более эффективно выполнять свои профессиональные обязанности, совершенствовать правовую систему.

А. Ф. Московцев

ТЕНЕВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Перестроечные процессы, длительное время происходившие в СССР под знаменем управленческих реформ, привели к «необходимости радикальной переделки всего нашего общественного здания – от экономического фундамента до надстройки» (М. С. Горбачев)¹. Подобная «переделка» потребовала столь же радикальных изменений в образе жизни миллионов людей, в их взглядах на окружающий мир, на самих себя, свое место в обществе, на прошедшую историю страны и ее перспективы.

Происходит, и уже во многом произошла переделка мировоззрения людей. То, что еще недавно в представлении большинства казалось незыблемым, скроенным на века, уже разрушилось или рушится сегодня на глазах. Это создает у многих ощущение потери основы, точки опоры, ясности в видении окружающей действительности.

Разрушение «единомыслия» и появление альтернативных мировоззрений как раз и не позволяет точно диагностировать происходящие общественные процессы. Вся действительность может представляться в данной ситуации теневой – непонятной, непрозрачной, негативной.

В реальной человеческой жизни значительная часть явлений общественного мира всегда была и будет оставаться для индивида непрозрачной, затемненной. Есть мир повседневной жизни, который человек знает как свой и ориентируется в нем, – это мир, находящийся в его собственной власти. И есть миры «общества» и «государства», удаленные от повседневности, в которых индивиду трудно и даже невозможно судить самостоятельно. Эти миры могут

¹ Правда. 1989. 26. нояб. С. 1.

казаться индивиду почти сплошным темным фоном. Ориентироваться в них ему позволяют оценочные шкалы в виде норм, выработанных государством и обществом. Индивид делегирует им свои полномочия провести границу между «светом» и «тенью» для основных социальных процессов. Поэтому в условиях доверия к институтам общества и государства «тьень знает свое место» и находится на периферии общественной жизни. Теневые явления воспринимаются как случайные, временные, не связанные с основным общественным устройством. Их наличие можно рассматривать как реакцию на некоторые «временные трудности» в протекании основных процессов. Так, например, в качестве причины теневизации социально-экономических процессов чаще всего называют дефицит, инфляцию, гнет налогов и т. п. Хотя названные причины могут воспроизводиться и подпитывать протекание теневых процессов (спекуляция, мелкое воровство, неуплата налогов и др.), сами по себе рассматриваемые процессы неспособны сформировать самостоятельную и альтернативную социальную реальность, а выступают в качестве дополнения основных, «светлых», официальных общественных структур.

Основная общественная структура приобретает особую ясность и прочность при наличии господствующей идеологии, которая позволяет применить к любой жизненной ситуации «твердый» принцип, исходящий из абсолютного знания «чистых» и «нечистых», «здоровых» и «больных», «своих» и «чужих». Пользуясь идеологическим зеркалом, возможно провести самую отчетливую границу — сюда можно, а туда нельзя, здесь свет, а там тень.

Классические уроки умелого включения идеологического освещения дает история биологической науки и практики и ее художественное отражение в произведении В. Дудинцева «Белые одежды». Известный персонаж этого произведения тем и занимался, что ловко переводил картофельные вопросы, по его собственному определению, в «идеологическую плоскость», успешно прибегая при этом к помощи НКВД, для собственного блага и для преуспеяния своего клана.

Гораздо меньшие возможности для размежевания общественной жизни на «здоровую» и «больную» части дает использование в качестве зеркала политики, политического подхода. Она более осторожна, различает полутона, конъюнктурна. Хотя и здесь есть варианты обострения, манипулирования позициями — ярлыками «новаторов» и «консерваторов». Политический срез социальной

реальности позволяет наблюдать ее специфическую картину, представить ее в виде противоречивого взаимодействия многообразных социальных интересов и сил.

Другой способ оценки характера протекания общественных процессов – их сопоставление с правовыми нормами, регулирующими эти процессы. Вся совокупность подобных норм может быть названа в узком смысле слова нормативной системой общества. Правовая оценка социальных явлений в современных условиях становится универсальным и достаточно гибким инструментом, когда утратили свое господствующее значение идеология и политика.

Какое бы содержание ни вкладывалось в правовую норму, как бы оно ни трактовалось, за нормами, нормативами, инструкциями и т. д. стоит определенная модель, идеал нормального протекания общественных процессов и поведения людей, отказ от следования которым и нарушение соответствующей нормы приводит к отрицательным для общества и государства последствиям. И поэтому подобные нарушения получают отрицательную правовую (уголовную, административную и др.) оценку. Именно на пересечении фактически складывающейся общественной реальности и нормативной системы возникают такие явления, которые современность все более устойчиво квалифицирует как теневые.

Способность права давать в идеале самостоятельную и точную оценку нормальности протекания общественных процессов не вызывает сомнений. Однако она нуждается в более глубоком осмыслении, чем на уровне эмпирических фактов и обыкновенных деклараций.

Прежде всего, обращает на себя внимание распространившееся в современной публицистике, учебной и даже научной литературе жесткое противопоставление экономики, права, идеологии, политики, морали, культуры. Каждая из названных сфер играет самостоятельную роль в общественной жизни. Именно на этой самостоятельности и основаны их различие среди всех общественных явлений и выделение в самостоятельные рубрики, сферы. Разумеется, человеческая жизнь едина, целостна, в ней не существуют сами по себе «чистая экономика», «чистая мораль», «чистое право» и т. д. Лишь специально созданные людьми учреждения обслуживают самостоятельное, обособленно выделенное функционирование названных сфер. Подобная тенденция к корпоратизации, замкнутости различных социальных институтов превратилась в серьезную болезнь, которой надо уметь противостоять.

Речь здесь вовсе не идет об отрицании необходимости рубрикации сложной общественной жизни, ее анатомирования. Мы только стремимся подчеркнуть всю относительность, условность подобного подхода. Иначе сами рубрики, абстракции, начнут закрывать от познания и понимания действительную общественную реальность. И вся ученая премудрость будет сведена к исчислению терминов, манипулированию ими, вместо того чтобы служить формой для развертывания познавательных процессов.

Отсюда право и др. рубрики имеют ценность для понимания общественных процессов не сами по себе, как таковые, а вместе с выражаемыми ими основами.

Нормативное предписание, устанавливаемое государством, должно быть принято участниками общественных отношений, стать действующей, «живой» нормой в их практике. Другой возможный исход в ее жизненном процессе – превращение в формальность, «пустую» оболочку, которая или совсем не воспроизводится реальной практической деятельностью, или если и воспроизводится, то исключительно благодаря силе власти с бесчисленными затруднениями и нарушениями.

Законодательное творчество тогда только может рассчитывать на успех, когда ориентируется на уже устоявшиеся общественные факты. И в этом смысле оно сводится к юридическому оформлению и закреплению, созданию условий для нормального воспроизводства имеющихся в самой реальности или, во всяком случае, складывающихся норм, стандартов поведения.

Особенно большой притягательной силой в качестве ориентира для нормотворчества обладают многолетние традиции, обычаи, культурные ценности, моральные нормы и т. п., которые устоялись, отложились в реальности, приобрели силу непреложного факта, воспроизводящегося в жизни с известной степенью автоматизма.

Изначальная однородность права с другими формами общественной жизни вытекает из наличия у них одного и того же источника – живой объективной реальности общества. И поэтому в пределах единства, целостности только и могут иметь самостоятельность право и другие институты.

Инструментальная роль права – это вовсе не заблуждение законодателя и субъекта правоприменения и не отклонение от некоей идеальной, истинной сущности данного института. Здесь как раз проявляется фундаментальная целостность той общественной реальности, в которой функционирует это право.

Существует полная преемственность между идеологией, политикой, моралью и правом. Одно является продолжением другого. Те социально-экономические явления, которые негативно оцениваются господствующими идеологией, политикой и моралью, получают точно такую же административную, гражданско-правовую, уголовную и др. оценки. И тем самым конкретизируются, переводятся на определенный и точный язык права, дифференцируются и классифицируются по степени наносимого вреда, измеряются количественно. Таким образом, с помощью права явлению полагается полная мера сделанных в «высшей» сфере выводов о происходящих событиях.

Изменить основание правовой нормы путем вывода ее из-под опеки идеологии и политики – это иллюзия, за которой стоит непонимание действительной роли последних в обществе. Точно так же иллюзорны требования полной деидеологизации и деполитизации, например, хозяйственной жизни. Действительным содержанием подобных лозунгов может быть лишь смена господствующих идеологии и политики, отрицание претензии одной из их форм на единственную правильность.

Специфическая функция идеологии состоит в том, что она задает общественный идеал, высшую ценность, которой руководствуется как своей стратегической целью определенная общественная группа людей. Этот идеал выступает одновременно как своеобразная наиболее общая норма – образ современных общественных отношений, взятых в их совокупности. В СССР – это утвердившиеся представления о социализме; в современной России на эту роль претендуют ценности демократии.

В соответствии с идеалом строятся и все остальные – «частные» – нормы поведения (политические, правовые, моральные и т. д.) и стереотипы мышления, спланированные в определенную систему, которая была определена выше как нормативная система. Последняя в широком смысле охватывает все виды норм, регулирующих общественную жизнь, независимо от того, оформлены ли они юридически или нет, воспроизводятся самим реальным общественным процессом или с помощью надстроечных учреждений, зафиксированы в общественном сознании или нет, признаны или не признаны официально.

Особенно большое количество неявных норм поведения, лишь частично зафиксированных в праве, удастся выявить в виде сте-

реотипов поведения и мышления в сфере повседневной жизнедеятельности людей.

В любой норме человеческое поведение выглядит как унифицированное, стандартизированное, шаблонное и тем самым достигается контролируемость, управляемость социальных процессов. Если норма нарушается, а за этим не следует санкция в виде юридической, моральной, экономической и иной ответственности, то соответствующее общественное отношение разрушается.

Но столь же естественной является, как и необходимость соблюдения нормы, индивидуальность человеческого поведения, его известная спонтанность и стихийность, изменчивость от случая к случаю, от индивида к индивиду. Поэтому существуют известные объективные границы для нормативного предписания. Если оно сведется к утверждению единственно правильного способа действия, жесткой его схеме, то подобное требование встретит на своем пути массовое противодействие, наиболее вероятными следствиями которого при настоятельном проведении нормы в жизнь явятся торможение инноваций, застой и огромное количество нарушений. Самые наглядные результаты рассматриваемого способа действия власти из советского опыта жизни – массовые спекуляции и нарушения, связанные с хозяйственной инициативой. Поскольку любая норма обречена идти рука об руку с процессами, ее нарушающими, постольку справиться с этими процессами, внести их в контролируемое русло возможно лишь при ее определенной гибкости, учете вариантности поведения людей. Поэтому мера нормативной требовательности может колебаться от одного полюса к другому: от норм, отклонение от которых недопустимо (техника безопасности, охрана труда и др.), до норм, которые построены по типу «разрешено все, что не запрещено законом».

Таким образом, теневой сектор общественной жизни невозможно определить, если не задана основная, «светлая» общественная структура. Роль последней естественным образом закрепляется за нормативной системой. Поэтому и основным теневым феноменом в общественной жизни является нарушение нормы. С позиций отдельных ее элементов (моральных, политических, правовых и др.) «тень» может приобретать различные контуры и масштабы.

В развитии состоянии общества эти элементы становятся согласованными, а сама система – сплоченной, монолитной по отношению к индивиду. Уже сама по себе ее «массивная» объективность как бы принуждает индивида чуть ли не автоматически следовать

стандартам нормативного поведения. Этот автоматизм нормально-го поведения проявляется в следовании при обычных условиях большинством людей одобряемым обществом формам поведения. Причем подобное происходит независимо от существующих специальных механизмов социального контроля.

В социологии и криминологии феномен нарушения социальной нормы имеет специальное название девиантного или отклоняющегося поведения. В широком смысле данный термин охватывает любые отклонения от принятых в обществе социальных норм, начиная от самых незначительных проступков и заканчивая самыми серьезными преступлениями. При этом признается, что в общественной жизни отклонение от нормы столь же естественно, как и следование им.

В теоретической модели девиантного поведения, построенной Р. Кевин и получившей широкое признание, все многообразие типов человеческого поведения представлено в виде кривой нормального распределения Гаусса. Согласно гауссовскому распределению, в зоны полностью одобряемого и поощряемого поведения попадает 70–80 % вариантов поведения.

В то же время 20–30 % человеческих поступков войдут в число не вполне одобряемых и неодобряемых типов поведения. Они и составят весь теневой континуум – теневой сектор общественной жизни.

Сам термин «отклоняющееся поведение» является собирательным и охватывает, по меньшей мере, три формы – девиантное, делинквентное и криминальное поведение, представляющие собой по нарастающей шкале применяемых санкций три степени нарушения социальных норм.

Этот теневой континент как целое остается малоисследованным. И чаще всего о нем судят по отдельным его наиболее заметным проявлениям – уголовным преступлениям, наркомании, самоубийствам, алкоголизму.

Особое место среди теневых феноменов занимают делинквенты – совокупность противоправных поступков. Их значение вытекает из той роли, которую играет право в нормативной системе. С помощью правового закрепления нормы, правила, формы поведения приобретают всеобщее значение, получают печать государственно признанных образцов. В едином универсальном правовом пространстве «тень» как нарушение правовой нормы возможно наиболее точно фиксировать, диагностировать и анализировать. Кроме того, в правовой норме находят выражение

все другие элементы нормативной системы. С ее помощью устанавливаются наиболее значимые моральные, культурные, политические, экономические и другие социальные нормы. Поэтому феномен «нарушение правовой нормы» имеет синтетический характер и одновременно несет в себе нарушение и других норм, а не только правовых. По нему возможно судить о целостном феномене «нарушение нормы» и о состоянии всех слоев общественной жизни.

Выше нормативная система рассматривалась преимущественно со стороны своей самодостаточности и самостоятельности по отношению к индивиду. Но индивид не только агент, функционер, персонификация общественно заданных форм деятельности. Он производит и воспроизводит в формах своей жизнедеятельности все существующие общественные структуры. И как только он перестанет их воспроизводить, все эти «объективные» элементы социальной жизни утратят свое значение и исчезнут.

Именно в процессе постоянного возобновления общественных стандартов жизнедеятельности находится первоисточник тенеобразования и теневизации социальной жизни. Ретрансляция во времени и пространстве этих стандартов индивидами неизбежно происходит с погрешностями, порождает «теневой шум» – естественно складывающийся теневой сектор, совокупность отклонений от нормативных требований, связанных с индивидуальными их трактовками. Главный вклад в «естественную тень» вносит сама социально-биологическая природа человечества, которая при нормальном развитии общества порождает, например, 5 % преступников-злодеев; в то время как людей, совершающих тяжелые преступления непреднамеренно и готовых встать на путь исправления, не должно быть более 15 %.

Рассматриваемая дистанция, зазор между индивидуальным и общественным не может быть преодолен ни при каком развитии человечества и в теории описывается с помощью категорий «фетишизм» и «отчуждение»¹. Поэтому принятая ранее предпосылка об абсолютном доверии индивида к обществу и государству должна быть уточнена.

На процесс естественной теневизации накладывается вторичная теневизация, возникающая в ситуации, когда под влиянием некоторых фундаментальных факторов возникают устойчивые расхождения в оценках действительности индивидом, государством и обще-

¹ См.: *Пигалев А. М.* Призрачная реальность культуры. Волгоград, 2003. С. 354.

ством. Подобного рода расхождения делают неустойчивыми и неопределенными границы между «светом» и «тенью» и создают условия для многократного увеличения масштабов теневизации и изменений в ее характере.

В позднесоветские времена (1960–1980-е гг.) многие позитивные явления в жизни общества, прежде всего разнообразные формы хозяйственной инициативы, оценивались государством негативно; в то же время такие негативные явления, как брак и потери, мелкое воровство, приписки, спекуляция и др., хотя и преследовались по закону, однако в глазах большей части общества получали моральную поддержку и приносили ощутимую материальную выгоду. Легитимация нарушений сделала их по сути легальными, так как они происходили большей частью на виду, открыто и при участии населения. Правоохранительная система, поскольку не была в состоянии справиться с массовыми нарушениями, реагировала только на отдельные случаи.

Рассматриваемый характер протекания теневых процессов свидетельствует о том, что они приобрели систематический, воспроизводимый, длящийся, закономерный и структурный характер. Теневое поведение превратилось в альтернативный нормативный элемент общественной жизни. Любой процесс, протекающий в обществе, обрастал вторым измерением и наряду с одобряемой официальной формой имел диссидентскую, контркультурную, двойную моральную и др. формы.

Первоначально в общественном сознании существование теневого сектора как структурного элемента современной социальной жизни было отчетливо зафиксировано применительно к экономике. И до сих пор теневая экономика остается удобной моделью для исследования теневых феноменов вообще. Так, именно для теневой экономики впервые формулировались такие ее признаки, которые, как оказалось впоследствии, можно считать характерными для современной теневизации вообще¹: негативный характер – нарушение установленных государством норм или их «обход»; легальность – большая часть нарушений происходит в рамках легальной деятельности, которая составляет основу для нарушений; систематический, закономерный, структурный характер нарушений; дополнительность теневых явлений по отношению к основной, официальной структуре.

¹ См.: *Московцев А. Ф.* Современные представления о теневой экономике. Волгоград, 1997. С. 11.

Крушение советского общества и радикальное изменение нормативной системы перевело многие теневые процессы в разряд официально признанных. Однако это не стало заметным фактором ослабления теневого формообразования.

Во-первых, размеры современного российского теневого экономического сектора даже в 2–3 раза превышают оценки этого сектора, относящиеся к советскому времени.

Во-вторых, одной из особенностей советской хозяйственной жизни было беспрецедентное развитие неформальной экономики – системы неформальных взаимодействий между экономическими субъектами, базирующихся на личных отношениях и непосредственных контактах между ними и дополняющих или заменяющих установленный порядок организации и реализации экономических связей. Основным регулятором в такой жизни выступали акты индивидуального управления, господство которых создавало ситуацию произвола, «телефонного права», то есть хозяйственного бесправия. Рассматриваемая советская особенность нашла свое закономерное продолжение в современном российском дефиците правосудия или Права с большой буквы¹. Под дефицитом Права понимается господство все тех же «антимодернизаторских практик» использования личных связей для избежания обращения к представителям официальных институтов или обеспечение правосудия в индивидуальном порядке. В результате действия подобных практик совокупность универсальных и общепризнанных норм поведения, зафиксированных официально, не находит своего систематического подтверждения в повседневной жизни граждан.

В-третьих, зафиксированный выше зазор между оценками действительности индивидом, обществом и государством в условиях современности еще более увеличился. Прежде всего, не слишком доверчивое отношение граждан к советскому государству сменилось на почти 90-процентный отказ в доверии современному российскому государству². Кроме того, советская ситуация расхождения позиций государства и общественности может еще более усугубиться с развитием институтов гражданского общества, предполагающих плюрализм мнений.

В-четвертых, теневые практики в российской современности не только расширились, но и приобрели особую, институциональную прочность. Многие исследователи сегодня обращают внимание на институционали-

¹ См.: Олейник А. Дефицит Права (к критике политической экономии частной защиты) // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 23–45.

² См.: Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 38.

зацию теневой экономики – закрепление теневого экономического поведения в организационно устойчивые формы, признаваемые всеми участниками данной деятельности и транслируемые следующим поколением занятых ею субъектов¹. Систематически наблюдаемый факт – обнаружение теневых институциональных форм во всех сферах жизни российского общества – политической, правовой, культурной, моральной и др. Более того, по данным ряда экспертов, теневые институты начинают выполнять здесь системообразующую роль, скрепляя эти сферы в единое целое и способствуя нормальной жизнедеятельности общества.

Очевидно, что в России усиление процессов теневизации произошло в результате распада советского государства и рыночных преобразований. И главным фактором теневизации является переходность и неустойчивость основных общественных институтов.

Аналогичные российской теневизации процессы переживает большинство развивающихся и бывших социалистических стран. В качестве объяснения причины их слаборазвитости и беспрецедентного развития теневого сектора предлагается принять правовую необеспеченность частной собственности и частного предпринимательства, отсутствие надлежащего оформления прав собственности². «В результате большая доля находящихся в частной собственности ресурсов является с финансовой и коммерческой точек зрения несуществующей или недействительной. Никому не известно, что, где и кому принадлежит, кто несет ответственность за выполнение обязательств, кто отвечает за убытки и мошенничество, каким образом можно принудить к оплате поставленных товаров и услуг. Следовательно, в этих странах большая часть потенциала активов пребывает в тени, не используется; объем доступного капитала незначителен, а хозяйственная деятельность отличается вялостью»³.

Если для рассматриваемых стран главные источники теневизации их общественной жизни заключаются в неустойчивости и неопределенности политических, правовых и других институтов, то делая прогноз о развитии девиантного поведения в будущем человеческом обществе, Н. Смелзер устанавливает и более фундаментальные основания, способные инициировать теневые про-

¹ См.: Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социс. 2002. № 4. С. 13–21.

² См.: Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение в остальном мире. М., 2001.

³ Там же. С. 39.

цессы¹. Он замечает действующую «в течение последних десятилетий и, может быть, даже веков ...общую тенденцию к ослаблению многих правил, особенно тех, которые регулируют нравственное и индивидуальное (приватное) поведение». И считает, что подобное будет происходить и в дальнейшем. Истоки же девиации находятся в том, что общество становится все более многообразным, поэтому прежние методы контроля за нравственностью не соответствуют изменяющемуся духу времени.

Гипотетический прогноз Н. Смелзера нашел свое систематическое подтверждение и доказательство в концепции Великого разрыва Ф. Фукуямы, который выявляет и анализирует совокупность феноменов, связанных с быстрым изменением в социальных нормах в большинстве развитых стран мира, начиная с 1965 года².

Эти феномены на поверхности общественной жизни проявляются в росте преступности, разводов, внебрачной рождаемости, наркомании, недоверия и социальной разобщенности, бедности, низком уровне образования и др. Их развитию способствовали разнообразные факторы – демографические, экономические, технологические.

Сущность сдвига ценностей, лежащего в основании Великого разрыва, по Ф. Фукуяме, заключается в росте моральной индивидуализации и вытекающей из нее миниатюризации общества³.

В современных обществах степень свободы выбора для индивидов чрезвычайно возросла, в то время как узы, связывающие их с системой социальных обязательств, заметно ослабли. Принудительные связи и обязательства, основанные на принадлежности к различным социальным группам (религии, полу, расе, нации и др.), заменяются связями, принимаемыми добровольно. Люди стараются поддерживать отношения только с теми, кого они выбирают.

Люди продолжают участвовать в разнообразной групповой и общественной жизни, но авторитет самих групп и связанный с ними радиус доверия уменьшаются. В то же время общих ценностей, которые бы разделялись всеми членами общества, становится меньше, а соперничество среди групп усиливается.

«Проблема большинства современных демократий заключается в том, – пишет Ф. Фукуяма, – что они не могут принять свои предпосылки как нечто незыблемое»¹.

¹ См.: Смелзер Н. Социология. М., 1999. С. 238–239.

² См.: Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.

³ См.: Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 131.

В Великом разрыве особенно отчетливо обнаруживается кризис норм самых широких человеческих обществ – человечества, нации, классов и др., – которые перестали восприниматься как «свои» и воспроизводиться автоматически.

Теоретически закономерность возникновения подобного кризиса предвосхищается в модели «трагедия общего». Модель демонстрирует, что проблема человека, эгоистически пользующегося общественными ресурсами, становится все более острой, по мере того как размеры сообщества все более увеличиваются и становится все труднее вести наблюдение за поведением каждого отдельного индивида и контролировать его поведение.

Эмпирически рассматриваемая закономерность реализуется в интенсивном развитии процессов вторичной теневизации, которые наблюдаются практически во всех странах современного мира. Но если в постсоциалистических и развивающихся странах основным феноменом теневизации является нарушение правовых норм (делинквентность, дефицит Права), то в развитых странах таковым феноменом выступают формы отклоняющегося поведения, имеющие моральную направленность (собственно девиантность).

Таким образом, в современном обществе действует отчетливо выраженная и закономерная тенденция к усилению теневизации общественной жизни. Теневые процессы приобретают масштабность, прочность, выявляют признаки институционализации. Формы и пределы теневой институционализации общественной жизни и подлежат дальнейшему изучению.

В. В. Токарев, Н. В. Дулина

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФОРМИЗМ И АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРУПНОГО ГОРОДА

Процессы коренных социальных изменений побуждают искать новые пути приобщения населения к культуре. Существенную роль в адаптации человека к новым социально-культурным условиям играет конформизм. Видимо, неслучайно западные социологи объявили XX век веком конформизма. Такое пристальное внимание к данному феномену вполне закономерно. Конформизм – явление многоуровневое и полиструктурное, которое дает основания рас-

¹ Там же. С. 24.

смаатривать его в различных аспектах: психологических, философских, этических, социологических, педагогических, правовых, более того, порой интересы различных наук при изучении конформизма пересекаются. Например, в социологии преступности. Некоторые правоведы определяют криминологию как социолого-правовую науку¹. В истории социологии преступности еще в 30-е годы представителем Чикагской школы Э. Сатерлендом была предложена так называемая теория «дифференцированной ассоциации» (связи), согласно которой преступность не форма отклонения, а поведение, усваиваемое индивидом в его непосредственном социальном окружении, то есть конформное поведение. Соответствующие установки, формы поведения, типы восприятия и т. д. заучиваются в процессе социализации и реализуются на практике. В таком случае поиск причин преступности должен идти не только на уровне социально-культурной организации общества в целом, но и на уровне ближайшей социальной среды, которая во многом формирует личность преступника².

В силу различных подходов существует ряд определений конформизма. Наиболее распространенное из них звучит следующим образом: конформизм (от лат. *conformis* – подобный, сходный, сообразный) – некритическое принятие и следование господствующим мнениям и стандартам, стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, принципам, установкам и пропагандистским клише. Социальный конформизм – это приспособление, личностное или групповое, к различным явлениям общественной жизни, исключающее конфронтацию с ними; это поведенческий императив, определяющий пассивную жизненную позицию, принимающий антиобщественное содержание в тех ситуациях, где от человека требуются активные действия и принятие на себя ответственности. Криминальное поведение – одно из проявлений конформизма, но в крайней форме своего проявления. Преступность – это борьба против общества, народа, личности. Отношение к преступности как к неизбежности, примирение с ней какой-то части граждан – опасное проявление социального конформизма. Разве не об этом свидетельствуют стремление криминальных элементов к власти и их поддержка со стороны значительной части населения?

Анализ социального конформизма, а именно в ситуациях, когда многое принимается на веру, когда люди полагаются на мнение

¹ См.: Криминология: Словарь. СПб., 1999. С. 73.

² См.: Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1999. С. 405, 517.

авторитетов, в том числе ложных, когда «внешняя среда подавляет, заставляет, вынуждает подчиняться», дает основание утверждать, что распространение и общественная роль социального конформизма значимо зависят от состояния образования и воспитания. Данные социологических исследований, в том числе проведенных и среди жителей Волгограда, свидетельствуют, что чем шире и глубже образование, чем больше места в нем занимает гуманитарно ориентированная составляющая, тем меньше человек склонен демонстрировать конформное поведение. Однако следует оговориться, что данное обстоятельство в большей степени характерно для стабильного состояния общества.

Имеющиеся эмпирические данные, полученные в ходе прикладных социологических исследований, позволяют утверждать, что в сложных условиях «текущей ситуации», когда «сжимается» и объективное, и субъективно переживаемое время, социальный конформизм не только играет существенную роль в процессе адаптации человека к новым социокультурным условиям, но и выступает своеобразным средством социальной защиты от «внешней» среды, особенно в тех ситуациях, когда конформизмом определяются отдельные несущественные для индивида жизненные моменты для достижения большего. Действительно, возможность занять позицию критического отношения к предлагаемым образцам предполагает стабильность ценностных ориентаций (чего, к сожалению, пока нет; более того, следует напомнить, что демократические преобразования были предложены народу «сверху», и народ принял их, как принял бы и любое другое властное распоряжение), возможность занять иную позицию – позицию, ориентированную на собственные образцы социальной принадлежности, – требует не только готовности нести ответственность за свои действия, но и, как минимум, идентификации себя с группой. Пока, в координатах нашего времени, это сделать также весьма проблематично.

Реальная практика «выживания» дает убедительные примеры того, что население, принявшее господствующие нормы, стереотипы и стандарты социума, то есть, строго говоря, проявляющее конформное поведение, становится адекватным социокультурной среде, а следовательно, адаптированным к новым социально-культурным условиям.

Н. Н. Демидов

СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН НАСИЛИЯ И АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

О причинах преступности, детерминации насилия и преступного поведения написано значительное количество научных трудов. Существует множество различных подходов к объяснению причин преступного насилия и его генезиса. Этой проблематикой издавна интересуются ученые и философы, среди которых А. Аврелий, Ч. Беккариа, И. Бентам, К. Лоренц, Р. Жирар, Э. Дюркгейм, К. Маркс и многие другие.

Согласно современным философским и культурологическим представлениям, насилие сопровождало общество с момента его появления. Цивилизация начинается с запрета – табу на инцест (психоанализ, культурная антропология), последовавшего за актом чрезвычайной агрессии (З. Фрейд), функция табу – сдерживание насилия (Ж. Батай). Формирование индивидуальности также сопровождается насилием по отношению к природе, другим людям и собственному телу.

Продолжаются споры о том, какие факторы являются ключевыми в эволюции, моделях и актах насилия: наследственность, психопатологические или социально-психологические, культурные факторы. Однако каким бы ни был баланс между ними, в конечном счете насилие всегда имеет место в социальном контексте.

С нашей точки зрения, генезис насилия как социального феномена может быть объяснен действиями социально-психологических механизмов подражания (мимесиса), взаимного влияния (эмоционального заражения), подчинения. Проблемами психологического подражания в человеческом поведении (в частности, проявлениями конформности) занимались такие исследователи, как Б. Спиноза, Б. Ф. Поршнев, Р. Жирар¹.

Если насилие проявляется в социальном аспекте, то агрессия является внутренним психологическим состоянием индивида. И. А. Кудрявцев и Н. А. Ратинова под агрессией понимают поведение в форме деструктивного межличностного общения. Следует при этом подчеркнуть, что деструктивностью может характеризоваться как внешняя, предметная сторона активности, составляющая ее элементы, так и внутренние интрапсихические компоненты².

¹ См.: Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произв. Т. 1. М., 1957; Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии. М., 1974; Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000.

² См.: Кудрявцев И. А., Ратинова Н. А. Криминальная агрессия. М., 2000. С. 91.

Существуют различные теории, объясняющие причины агрессивного поведения человека. Общеизвестной является теория, выделяющая агрессию в качестве одной из характерных реакций индивида на фрустрацию. На языке эмоций позитивистская формулировка «гипотезы фрустрации-агрессии» означает не что иное, как гипотезу «огорчения-гнева», то есть переключение эмоции, вызванной неуспехом или лишением, на предполагаемую их причину¹.

Агрессия может выступать в двух видах: как инструментальная, в качестве средства достижения некоей цели (скажем, убийство ради получения наследства или принуждение бизнесмена к выплате долга), и как самоцель.

Наряду с другими факторами возникновению агрессии способствует, на наш взгляд, постоянный рост конфликтов в современном обществе, который вызывает, в свою очередь, перенос агрессии, в частности, на неодушевленные предметы, животных, случайных прохожих.

Согласно нашим исследованиям, насильственные действия сопровождаются в 58,1 % случаев вербальной агрессией на фоне ярко выраженного межличностного конфликта, в то же время 17,2 % насильственных преступников склонны к совершению аутоагрессивных действий. Эти действия выражаются в нанесении себе порезов, попытках суицида, совершении иных действий, деструктивно направленных на причинение вреда своему организму.

В результате, когда человек не способен рационально осознать и разрешить свой внутренний конфликт, он выражает его в инструментальной агрессии.

Насильственное действие представляет собой не только выражение непосредственной ярости, но и защитную ответную реакцию на пониженную самооценку и попытку эту самооценку восстановить. Таким образом, в жестоком насилии проявляется тенденция дегуманизировать свою жертву, допуская патологическую проекцию на нее неприемлемой части себя. Нарциссическая ярость воплощает не только потребность в мести, но и компульсивное желание реализовать ее, что и происходит в садистических фантазиях. Насильственное действие, потеря контроля и садистические фантазии служат для восстановления ощущения всемогущества в попытке исправить представление о себе.

¹ См.: Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990. С. 87.

Помимо внутренних психологических причин агрессии выделяют социокультурные: жестокое физическое обращение, сексуальное насилие, подверженность повторяющемуся жестокому насилию, психическое заболевание родителей, а также участие в криминальных группировках.

Ю. П. Доронин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Происходящие в стране уже второе десятилетие перемены обуславливают повышенный интерес к институту общественного мнения. Ведется активное его изучение по всему спектру проблем деятельности на всех уровнях (федеральном, региональном и местном). Оно осуществляется и в правоохранительной сфере.

В апреле 2003 года социологической группой Волгоградской академии МВД РФ был проведен опрос населения г. Волгограда и области об их отношении к деятельности милиции. Опрос носил выборочный характер. Объем выборки составил 500 человек. В городе было опрошено 375 человек и в сельской местности 125 человек.

Рассчитывать на высокую оценку деятельности ОВД не может в силу многих обстоятельств. Среди них, например, резкое увеличение преступности в ходе рыночных преобразований, вызвавших безработицу и обнищание народа. Да и по характеру своих функций милиция всегда попадает в весьма сложное положение, когда, с одной стороны, должна защищать права граждан, с другой – интересы государства, а также в ряде случаев, поскольку нельзя устранить опасность, грозящую гражданам и обществу, «средствами, не связанными с вторжением в сферу прав и свобод личности и нарушением других благ». Кроме того, к сожалению, есть и безответственное отношение к служебным обязанностям, и должностные преступления.

Важным показателем деятельности органов внутренних дел является отношение к ним населения и их оценка. Одним из показателей доверия граждан к правоохранительным органам является их обращение в ОВД за помощью. В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Если вы подвергались преступным посягательствам, то обращались ли по этому поводу в органы внутренних дел?».

Оказалось, что из числа опрошенных, подвергавшихся преступным посягательствам, в ОВД обратились 51,72 %, что на 1,75 % меньше по сравнению с результатами исследования, проведенного в 2002 году. 48,28 % (+1,75 % – в сравнении с 2002 г.) респондентов, подвергавшихся преступным посягательствам, не обращались в ОВД по этому поводу. В чем причина?

Отвечая на этот вопрос, респонденты указали:

- не верю, что помогут, – 41,07 % (-12,66 %) от числа не обращавшихся в органы внутренних дел, но подвергшихся преступным посягательствам;
- из-за незначительности понесенного ущерба – 42,86 % (+13,01 %);
- из-за боязни потерять время – 19,64 % (-4,24 %);
- не хочу огласки – 1,79 % (-11,64 %).

Следует отметить, что в основном обращаются в ОВД за помощью представители интеллигенции, инженерно-технические работники, рабочие, пенсионеры. В меньшей степени обращались предприниматели, работники сферы управления.

Таким образом, более 2/3 респондентов, подвергшихся преступным посягательствам, не обращались в правоохранительные органы в основном по причинам негативной мотивации.

Одной из задач исследования было выяснить, какие меры предпринимаются со стороны сотрудников ОВД по поводу обращения граждан. 61,67 % (-3,27 %) обратившихся с заявлениями в милицию отметили, что их сообщение было принято и зарегистрировано, 15 % (+4,61 %) указали, что заявление было принято, но не зарегистрировано. Только 5 % (-7,99 %) опрошенных отметили, что заявление не было принято. 6,67 % (+2,27 %) респондентов, обратившихся с заявлениями в милицию, получили официальный ответ, 16,67 % (+4,98 %) – официального сообщения не получили.

В ходе социологического исследования был задан вопрос: «Удовлетворены ли Вы мерами, принятыми по поводу Вашего обращения?». Оказалось, что полностью удовлетворены – 15 % (-4,48 %) обратившихся в органы внутренних дел, частично удовлетворены – 26,67 % (+5,89 %), не удовлетворены – 51,67 % (+2,32 %).

Кроме косвенных вопросов, показывающих уровень доверия граждан к правоохранительным органам, в ходе исследования был поставлен прямой вопрос: «Как Вы оцениваете деятельность органов внутренних дел (милиции)?». 47,4 % (+5 %) опрошенных дали

удовлетворительную оценку, 31,6 % (-0,8 %) – не удовлетворены деятельностью ОВД и 21 % (-4,2 %) – затруднились ответить.

Следует отметить, что оценка деятельности органов внутренних дел, которую дали респонденты в ходе социологического исследования нынешнего года, в основном соответствует результатам прошлого года опроса.

Удовлетворительно оценивает деятельность ОВД значительная часть предпринимателей, военнослужащие, пенсионеры, представители интеллигенции. В меньшей степени удовлетворены деятельностью ОВД работники сферы управления, инженерно-технические работники, работники сферы обслуживания.

В ходе опроса определялся уровень доверия населения к различным государственным и общественным институтам. Органам внутренних дел в основном доверяют 46,6 % (-0,6 %) опрошенных, не доверяют 30 % (+1 %) респондентов, и 23,4 % (+0,4 %) затруднились ответить на этот вопрос.

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень доверия к правоохранительным органам остается невысоким. Треть населения области не удовлетворена деятельностью органов ОВД.

Что снижает авторитет милиции, по мнению респондентов? Прежде всего, равнодушие, низкая культура общения с гражданами, взяточничество, вымогательство, использование служебного положения в личных целях. Снижению авторитета милиции способствуют и такие факторы, как низкий профессионализм, некомпетентность. Респондентам было предложено отметить, приходилось ли им за последний год наблюдать действия сотрудников органов внутренних дел, при которых допускались нарушения прав граждан. 40 % (+2,2 %) опрошенных ответили, что были свидетелями таких нарушений. Причем 51,5 % (-6,17 %) респондентов указали на грубость, бестактность, 35,5 % (-0,48 %) – на вымогательства, поборы, взяточничество, 30 % (+3,54 %) – на использование служебного положения в личных целях.

Создание такого образа не только «заслуга» самих сотрудников. Многие действия милиции, такие как задержания, обыски, выезды на место происшествия и другие следственные акции, происходящие на глазах у граждан, порой воспринимаются неправильно, вызывают отрицательную реакцию, а то и враждебность. Эти настроения при отсутствии объективной информации стимулируются быстро распространяющимися домыслами и слухами о «противоправных» действиях.

Поэтому на формирование оценок оперативной служебной деятельности ОВД оказывают влияние не только опыт непосредственного общения с ними, но и окружающие люди, их суждения, высказываемые как лично, так и через СМИ, которые не всегда объективно ее отражают.

Для определения мнения населения о фактах, способствующих укреплению общественного порядка и усилению борьбы с преступностью, был поставлен соответствующий вопрос. Большинство опрошенных, 44,6 % (-9 %), отметили необходимость повышения качества отбора сотрудников ОВД. 41,8 % (-0,4 %) респондентов считают, что необходимо усилить ответственность за правонарушения. 36,4 % (-1,8 %) опрошенных думают, что важным фактором укрепления общественного порядка является улучшение технического оснащения ОВД, 36,2 % (+0,2 %) – увеличение зарплаты сотрудникам ОВД.

Несмотря на невысокую оценку деятельности милиции, значительная часть населения готова оказать помощь работникам правоохранительных органов в их деятельности. 34,8 % (+3,6 %) респондентов высказали полную готовность содействовать сотрудникам органов внутренних дел в их борьбе с преступностью.

Готовность при определенных условиях высказали 39,4 % (+1 %) опрошенных. Это в основном предприниматели, военнослужащие, работники сферы управления, представители интеллигенции, инженерно-технические работники.

Таким образом, 2/3 опрошенных в большей или меньшей степени готовы оказать помощь правоохранительным органам.

Совершенно не готовы оказывать помощь работникам правоохранительных органов 8,2 % опрошенных.

Результаты исследования показали существование определенной напряженности в отношениях населения и органов внутренних дел. Ее основой является неудовлетворенность значительной части населения деятельностью правоохранительных органов. Эта неудовлетворенность в определенной мере связана с тем, что реально функционирующие органы внутренних дел не соответствуют тому образу стража порядка, который создан воображением населения и который рассматривается в качестве образца для сравнения.

Опрос свидетельствует, что у довольно значительной части населения сложился негативный стереотип милиции. Причем немалую роль в этом играет непосредственное общение с сотрудниками органов внутренних дел.

Вместе с тем исследование дает возможность сделать вывод о том, что имеется достаточный резерв для конструктивного сотрудничества населения и сотрудников органов внутренних дел. Примечательно, что в случае, если будет угроза жизни и безопасности, 63 % (+2,4 %) опрошенных обратятся за помощью в ОВД. Определенным резервом для положительного взаимодействия населения и органов внутренних дел является психологическая готовность оказывать содействие сотрудникам милиции.

Н. В. Дулина, В. В. Токарев

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕГИОНЕ (по материалам социологического исследования)

Преступность как социальная проблема традиционно исследуется в рамках социологии девиантного поведения. Реальность и практическую значимость такого подхода лишний раз подтвердили эмпирические данные, полученные в ходе прикладного социологического исследования, проведенного Центром социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» среди жителей Волгоградской области¹. И хотя исследование не ставило самостоятельной целью изучение оценок населением области состояния преступности в регионе, о ней можно составить представление по восприятию и оценке респондентами актуальности основных социально-экономических проблем региона. Достаточно внимательно проанализировать полученное «проблемное поле», чтобы подтвердить традицию исследовательского подхода при изучении преступности. Так, 25-ти наиболее значимых проблем первую «десятку» замыкают, сразу же после блока экономических (низкий уровень заработной платы, пенсий; рост цен на продукты и товары первой необходимости и т. д.), такие проблемы, как: рост преступности (такого мнения придерживаются 24 % от общего числа опрошенных), пьянство, алкого-

¹ Исследование проводилось по заказу Администрации Волгоградской области летом 2002 года. Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная, квотируемые признаки: пол, возраст, образование, тип населенного пункта, район проживания. N=1230. Максимальная статистическая погрешность выборки при доверительном уровне 0,95 равна 2,8 %. Более подробно результаты см.: Дулина Н. В., Ковалева М. Ю., Токарев В. В. Волгоградская область в социальном измерении (социологическое сопровождение процессов управления в регионе) // Информационный вестник Администрации области. № 5. Волгоград, 2003. С. 76–90.

лизм (21 %), наркомания и наркоторговля (17 %), далее с небольшим отрывом идут: произвол, безвластие властей, коррупция (12 %), увеличение числа нищих, бомжей, бродяг, беспризорных детей (11 %), произвол милиции, ГАИБДД (10 %). То есть с достаточной степенью уверенности можно говорить о том, что проблемы преступности в общественном мнении региона занимают далеко не последнее место.

Если попробовать представить пространство местных социально-экономических проблем в восприятии жителей области в двумерном признаковом пространстве, то оно будет выглядеть следующим образом (см. рис. 1)¹. Под «прагматизмом проблем» в данном случае подразумевается уровень их «материальности», связи с удовлетворением самых насущных потребностей, означающих, в данном случае, возможность собственно существования. Поэтому в центре сосредоточены, преимущественно, проблемы экономического характера. По мере удаления по этой оси от центра мотивация выбора проблем приобретает ценностный характер, связанный с удовлетворением потребностей более высокого уровня.

¹ Одним из наиболее эффективных способов наглядного представления взаимосвязей между различными переменными является анализ соответствий. Этот метод позволяет анализировать таблицы многомерных распределений и выявлять скрытые закономерности. Результатом такого анализа становится возможность максимально точно воспроизвести структуру взаимосвязей данных в наглядной форме – например, в двумерном признаковом пространстве. Основные правила интерпретации диаграммы таковы:

1. Наиболее близкие друг к другу проблемы (например, часто называемые респондентами одновременно) находятся на диаграмме рядом.

2. Проблемы, имеющие малое сходство (например, практически не пересекающиеся в ответах одного респондента), находятся на диаграмме в отдалении друг от друга.

3. Размеры точек данных пропорциональны общей упоминаемости проблем (чем выше число упоминаний проблемы, тем больше размер).

Центр системы координат (пересечение пунктирных линий) диаграммы представляет собой своего рода «центр тяжести», к которому «стремятся» проблемы с наиболее отчетливыми проявлениями признаков, расположенных по осям – «прагматизм проблем» и «личная включенность в проблему». По мере удаления от «центра тяжести» ослабевает и вес данных признаков в проблеме.

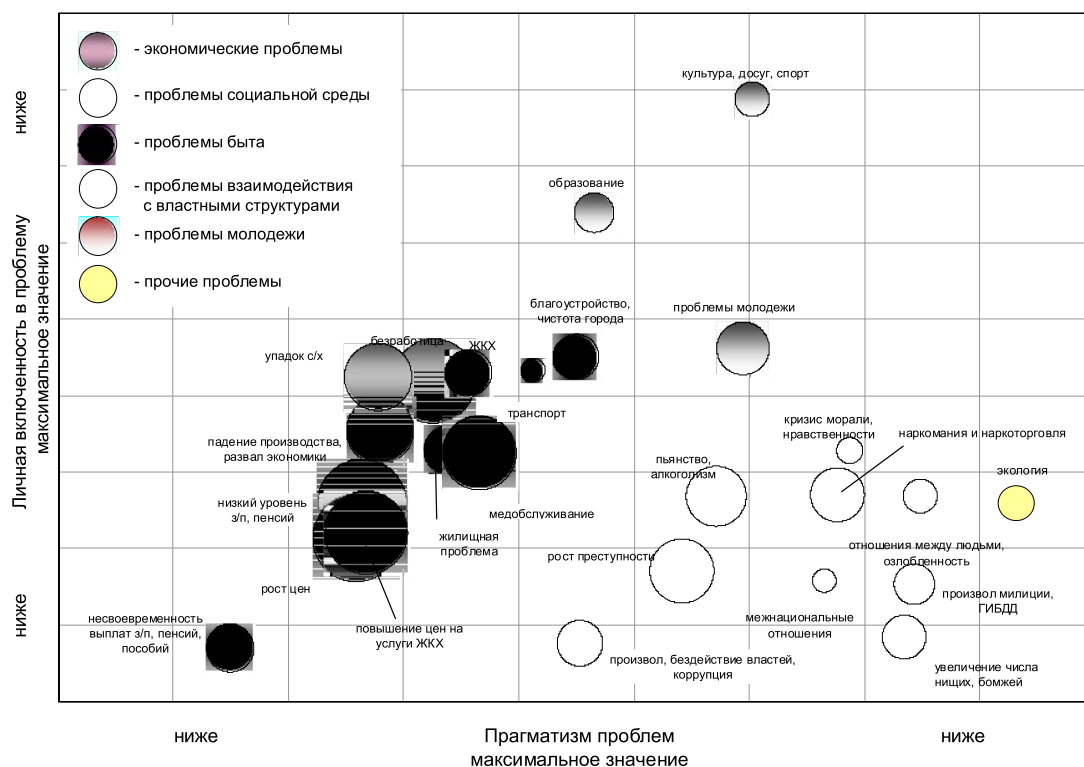

Рис. 1. Пространство социально-экономических проблем в восприятии жителей Волгоградской области

Под «личной включенностью в проблему» подразумевается уровень непосредственного влияния проблемы на жизнь респондента. Ближе к центру находятся проблемы, с которыми население непосредственно сталкивается в повседневной жизни. В отдалении от центра по этой оси находятся проблемы, имеющие скорее общественный статус – респонденты не воспринимают их как личные, но признают их высокую значимость, поскольку могут постоянно наблюдать эти проблемы в окружающей действительности и составлять собственное мнение по этому поводу.

Анализируемые проблемы отчетливо группируются в шесть смысловых блоков. В центре системы координат (высокие «прагматизм» и «личная включенность») находятся наиболее значимые проблемы – блок «бытовые проблемы» и крайне актуальный для населения блок «экономические проблемы». В некотором отдалении от центра находится группа «проблемы социальной среды», к которым можно отнести расположенные рядом друг с другом «рост преступности», «пьянство, алкоголизм», и т. д. Полагаем, что представленная диаграмма дает наглядное представление о «расста-

новке сил на поле» проблем. Хотелось бы только обратить внимание, что сама возможность группировки проблем в смысловые блоки позволяет говорить о том, что среди населения Волгоградской области существуют группы населения, отличающиеся друг от друга восприятием местной проблематики.

И последнее, на что хотелось обратить внимание, это тот факт, что более четверти респондентов (почти 28 %) в качестве наиболее влиятельной в регионе силы назвали криминальные структуры: по мнению граждан, роль мафии в регулировании ситуации в Волгоградской области на сегодняшний день уступает лишь роли местных и областных органов исполнительной власти. Чаще других выбирали эту альтернативу респонденты в возрасте от 45 до 54 лет (34 %), реже других – респонденты в возрасте 65 лет и старше (20 %).

Увеличение числа упоминаний криминальных структур при ответе на вопрос о наиболее влиятельных в регионе силах наблюдается по мере роста образования респондентов. Если малообразованные люди упомянули мафию и криминальные структуры в 23 % случаев, то среди респондентов с высшим образованием доля выбравших этот вариант составляет 36 %. Около половины респондентов, признающих влияние криминала на социально-экономическую ситуацию в области, проживают в г. Волгограде. Каждый третий из них – неработающий пенсионер.

Раздел III. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПРИЧИНЫ, ФОРМЫ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

А. В. Жуланов

АДДИКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

В отечественной социологии до настоящего времени малоисследованной остается проблема аддикции (аддикция – пагубная склонность к чему-либо). Между тем без понимания механизма возникновения и протекания этого явления трудно анализировать алкоголизм, наркоманию и некоторые другие формы деструктивного поведения.

Суть аддиктивного поведения заключается в стремлении изменить свое психическое состояние посредством приема некоторых веществ или фиксации внимания на определенных предметах или видах деятельности. Процесс употребления такого вещества, привязанность к предмету или действию сопровождаются развитием интенсивных эмоций и принимают такие размеры, что начинают управлять жизнью человека, лишают его воли к противодействию аддикции. Такая форма поведения характерна для людей с низкой переносимостью психологических затруднений, плохо адаптирующихся к быстрой смене жизненных обстоятельств, стремящихся в связи с этим быстрее и проще достичь психофизиологического комфорта. Аддикция для них становится универсальным средством бегства от реальной жизни. Для самозащиты люди с аддиктивным типом поведения используют механизм, называемый в психологии «мышлением по желанию»: вопреки логике причинно-следственных связей они считают реальным лишь то, что соответствует их желаниям. В итоге нарушаются межличностные отношения, человек отчуждается от общества.

Какие вещества, предметы или действия могут быть средством для людей с аддиктивной формой поведения? Это наркотики, алкоголь, табак, азартные и компьютерные игры, длительное прослушивание ритмической музыки, а также полное погружение в какой-

либо вид деятельности с отказом от жизненно важных обязанностей человека.

Аддиктивное поведение формируется постепенно. Начало отклонения связано с переживанием интенсивного острого изменения психического состояния человеком в связи с принятием определенных веществ или определенными действиями, возникновением понимания того, что существует определенный способ изменить свое психологическое состояние, испытать чувство подъема, радости, экстаза¹.

Далее формируется устойчивая последовательность прибегания к средствам аддикции. Сложные жизненные ситуации, состояния психологического дискомфорта провоцируют аддиктивную реакцию. Постепенно такое поведение становится привычным типом реагирования на требования реальной жизни. Происходит формирование аддиктивного поведения как интегральной части личности, то есть возникает другая личность, вытесняющая и разрушающая прежнюю. Этот процесс сопровождается борьбой, возникает чувство тревоги. Одновременно включаются защитные механизмы, способствующие сохранению иллюзорного чувства психологического комфорта. Защитные формулы таковы: «я не нуждаюсь в людях», «я поступаю так, как мне нравится», «если я захочу, то все изменится» и т. п.

В итоге аддиктивная часть личности полностью определяет поведение человека. Он отчуждается от общества, затрудняются контакты с людьми не только на психологическом, но и на социальном уровне, нарастает одиночество. Вместе с этим появляется страх перед одиночеством, поэтому аддикт предпочитает стимулировать себя поверхностным общением, находиться в кругу большого числа людей. Но к полноценному общению, к глубоким и долговременным межличностным контактам такой человек не способен, даже если окружающие и стремятся к этому. Главное для него – те предметы и действия, которые являются средствами аддикции.

Проблема аддиктивного поведения включает не только анализ таких известных явлений, как наркомания и алкоголизм, но и гораздо менее исследованных – «работоголизм», проблему взрослых детей алкоголиков (ВДА), проблему «сухого алкоголизма».

Изучение механизма возникновения и развития этих явлений даст возможность понять их реальное место в структуре общест-

¹ См.: Ланцова Л. А., Шурупова М. Ф. Социологическая теория девиантного поведения // Социально-политический журнал. 1993. № 4.

венных отношений и прогнозировать последствия их распространения.

Л. С. Пшеницына, Т. Н. Матвиенко

ПРОФИЛАКТИКА И КОРРЕКЦИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Современный мир чрезвычайно сложен. Он меняется с калейдоскопической быстротой. И в этом мире далеко не всегда просто бывает отличить правду от лжи, благотворное от вредоносного, агрессию от защитной реакции на нее, норму от отклонения. Однако делать это (и учить этому других) абсолютно необходимо, поскольку от правильности нашего выбора, от адекватности наших оценок зависит, в числе прочего, душевное и физическое здоровье наших детей. В связи с этим хотелось бы рассмотреть проблему девиантного поведения, способов и методов его профилактики на примере отдельно взятой школы.

Школа – это общество в миниатюре. Здесь можно найти и будущих гениев, и социально активных индивидов, детей с ослабленным здоровьем, нарушенной психикой, педагогически запущенных детей, детей, склонных к проявлению агрессии и вражды по отношению к окружающим. Как ни парадоксально, большее внимание и участие от педагогов получают дети с так называемыми отрицательными отклонениями от нормы. Например, по имеющейся статистике, в Соединенных Штатах Америки 90 % средств, выделяемых на образование, тратится на детей, не успевающих по отдельным предметам, с низким уровнем IQ (коэффициента интеллектуальности), либо на детей, имеющих поведенческие нарушения. Российские педагоги, так же как и их американские коллеги, уделяют большое внимание работе с категорией детей, проявляющих негативную девиацию.

Причин девиантного поведения много, они достаточно хорошо описаны в специальной социологической литературе. Мы же хотим только очертить наиболее распространенные среди них применительно к школьной среде. Это неполные семьи; негативное влияние внесемейного социального окружения ребенка; неблагополучные семьи (родители злоупотребляют алкоголем или наркотиками, ведут аморальный образ жизни, лишены родительских прав); последствия перенесенных в детстве травм (черепно-мозговые, родовые); неблагоприятная наследственность. Заметим, что в современной школе детей из неполных семей около 35 %; неблагополучных се-

мей около 15 %; детей, перенесших разного рода травмы, более 50 %; лишены родительских прав около 3 % родителей. Довольно внушительная (и неутешительная) статистика. Исходя из таких показателей, в МОУ СОШ № 75 г. Волгограда подбираются определенные методы профилактики и коррекции девиантного поведения школьников. Сложилась и существует определенная методика деятельности педагогического коллектива в этом направлении. Очертим вкратце основные ее составляющие.

В спектре общешкольных мероприятий особое место занимают тематические классные часы, на которых идет проблемный разговор (в зависимости от возраста учащихся) о вреде курения, алкоголя, наркотиков и других социальных болезнях. На классные часы приглашаются сотрудники милиции, наркологического диспансера, психологи и социальный педагог школы. Материал для профилактической и коррекционной работы педагогического коллектива дают (наравне с другими методами) анкеты, проводимые (анонимно) среди учащихся. Обработанные сведения заставили нас задуматься над тем положением и ситуацией, которая сложилась в среде учащихся нашей школы: среди учащихся 5–11-х классов только 20 % не пробовали курить; 35 % – курят регулярно (в 10–11-х классах таких уже 60 %). Все учащиеся знают, что такое наркотики, и сталкивались с ними в своей жизни (опыт родителей, друзей, старших братьев и сестер); больше половины опрошенных употребляли их (причины: интерес, подражание взрослым, кумирам, утверждение в коллективе сверстников). 80 % опрошенных не понимают и не видят вреда и необратимых социальных и личностных трансформаций от курения, употребления алкоголя и наркотиков. Такие показатели, с одной стороны, ошеломляют, с другой – заставляют задуматься и многое переосмыслить.

Помимо классных часов, стали традицией конкурсы плакатов и рисунков на темы: «Мир без наркотиков», «Скажи вредным привычкам «НЕТ!», «НЕТ социальным болезням!». Широко практикуются познавательные мероприятия (в которые вовлекаются дети разных возрастов): «Из истории табака», «Что мы знаем о наркотиках» и т. п. Проводятся «Правовые викторины». Неоценимую помощь в проведении такого рода мероприятий оказывают и сами учащиеся (ученики старших профильных юридических классов). Само наличие таких классов, повышение юридической грамотности и компетентности учащихся позволяют надеяться, что данная категория детей будет в большей степени защищена от вредного влияния и негативных воздействий

девиантного окружения и в меньшей степени склонна к подобному поведению.

Регулярным стало проведение ролевых игр среди учащихся одной параллели или однопрофильных классов, где они могут «примерять» на себя различные социальные роли, разрешать (пусть только и в игровой форме) возникающие жизненные ситуации, проводить анализ принятых решений, выбирать лучшее, обосновывать свой выбор, соотносить его с существующими в обществе традициями и нормами (обычными и закреплёнными в юридических документах). В рамках учебной деятельности широко практикуются интегрированные уроки учителей биологии и литературы, литературы, химии и истории, где также учащиеся знакомятся с внутренним и внешним проявлением различных социальных проблем и болезней, видят их биологическую (генетическую) основу, их историческую трансформацию и ретроспективу, узнают об отношении к ним различных литературных героев и персонажей, а также об общественном отношении в различные эпохи и периоды истории.

Конечно, работа не сводится только к профилактике «детского» девиантного поведения. Определённая специфическая работа ведётся среди родительской аудитории. Это и общешкольные тематические родительские собрания, и классные собрания, участие родителей в подготовке вышеназванных детских мероприятий, беседы с психологом, наркологом, социальным педагогом, представителями органов внутренних дел, медицинскими работниками. По желанию родителей или при необходимости возможны и индивидуальные беседы, «точечная» работа с определёнными категориями родителей. В каждом конкретном случае подбираются соответствующие метод и форма работы.

Такой выглядит постоянная, каждодневная работа педагогического коллектива. Её цель – снизить количество отрицательных девиаций среди школьников. За последние три года работы в этом направлении удалось снизить количество детей, попадающих под категорию «трудных»: стоящих на учёте в милиции, без причин пропускающих учебные занятия, имеющих разного рода поведенческие отклонения, – с 35 человек до четырёх. Конечно же работа с такой категорией не ограничивается одними лишь классными и общешкольными мероприятиями. Активную и направляющую роль в работе с такими подростками играют школьный психолог (анкетирование, индивидуальная психологическая помощь в решении возникающих проблем, работа с учителями, родителями ребёнка и т. д.); социальный педагог (постоянный контакт и, если нуж-

но, пошаговый контроль за времяпрепровождением подростка; тесное взаимодействие с родителями, посещение места жительства, выявление круга знакомых и значимых социальных связей и т. д.); классный руководитель (вовлечение, наблюдение, помощь в рамках классного коллектива); директор, заместители директора (особый персональный контроль за работой всех подразделений школьного детского и взрослого коллектива по принятию и оказанию необходимой помощи и поддержки ребенку, склонному к девиантному поведению); медицинский работник (изучение психофизиологических особенностей и возможностей конкретного ребенка, консультации при необходимости со специалистами-медиками, дача рекомендаций для дальнейшей работы с ним).

Работа с подростками, склонными к девиантному поведению, носит системный характер, задействованы все подразделения школьного коллектива. На каждого ребенка заведено своего рода личное дело, четко отслеживаются мероприятия, проводимые с ним; собраны все его анкеты; акты обследования (медицинские, жилищные и т. д.); документы, прямо или косвенно касающиеся его жизнедеятельности; диаграммы продвижений ребенка, позволяющие судить о его индивидуальном «росте» или «падении», что помогает скорректировать дальнейшую работу с ним. Все это дает положительные результаты, помогает детям с девиантным поведением (в большинстве случаев с первичными отклонениями) понять всю социальную и индивидуальную опасность своих поступков, ощутить поддержку окружающих, получить тепло, внимание и заботу, которых они порой лишены дома.

Многие считают, что нужно уделять особое внимание одаренным, успешным детям, а не подросткам-девиантам, потому что первые «украшают» нашу жизнь, делают ее приятной и полезной, от них мы получаем наибольшую положительную отдачу. Это отчасти верно. Только далеко не все понимают, сколько талантливых, одаренных, по-настоящему достойных людей может спасти, вернуть к нормальной жизни каждодневная работа с так называемыми девиантными подростками. Предпринимаемые в этом направлении усилия всегда окупаются сторицей.

О. В. Лобанова

ТЕНДЕНЦИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня элементами преступности пронизаны все сферы жизнедеятельности российского общества: экономическая, политическая, социальная, духовная. Качественные и количественные характеристики преступности претерпели существенные изменения, предопределив тем самым новые тенденции ее развития. Статистические данные, официальные аналитические отчеты силовых структур наглядно демонстрируют эти изменения. Поэтому представляется необходимым проследить тенденции современной преступности для прогнозирования дальнейшего ее развития.

Тезисно можно обозначить следующие основные тенденции криминализации российского социума: воспроизводство преступности, образование криминального социального слоя, политизация преступности, качественное изменение мотивов преступлений, трансформация структуры преступности.

1. *Воспроизводство преступности.* Преступным сообществом выработана новая стратегия осуществления криминальной деятельности. Если раньше преступные действия характеризовались узконаправленными побуждениями (кража, грабеж), то теперь доминируют мотивы приращения прибыли за счет внедрения и развития нелегального бизнеса в секторе экономики. Мало того что криминальные элементы наносят ущерб экономике страны организацией нелегального бизнеса, они усугубляют ситуацию тем, что привлекают в дело законопослушных граждан в качестве соискателей работы, клиентов, партнеров по делу. Таким образом, теневой сектор вбирает в себя новых членов, осуществляя тем самым воспроизводство преступности.

2. *Образование криминального социального слоя.* Вследствие слияния на основе корыстных интересов криминальных групп разных сфер общественной жизни в российском социуме условно выделяется целая страта, социальный слой – *криминалитет*, характеризующийся специфическими признаками, в первую очередь общностью интересов, духовной сплоченностью.

3. *Политизация преступности.* Как необходимое условие сохранения достигнутого положения в обществе, накопленных материальных благ, влияния возникает необходимость укрепления позиций криминалитета. Наиболее надежный и, что немаловажно, легальный способ – проникновение в политические структуры путем выборов. Как известно, это ведет к смещению целей от обеспечения общественного благосостояния к реализации интересов отдельной группы лиц.

4. *Качественное изменение мотивов преступлений.* Доминантой среди мотивов преступлений становится корысть. Именно корыстные преступления, преступления с целью наживы определяют характер сегодняшней преступности. Возрос удельный вес преступлений, совершенных на фоне межэтнических и религиозных распрей. Среди мотивации преступного поведения особенно важно выделить мотивы абсолютной нужды (преступления ради удовлетворения базовых жизненных потребностей) и мотивы приобретения стартового капитала (ради вхождения в мир криминалитета, обеспечения достойного существования).

5. *Трансформация структуры преступности.* В структуре преступности произошли существенные изменения. Среди делинквентных деяний возросла доля молодежной преступности, в особенности преступности несовершеннолетних, а также женской преступности. Отмечается неуклонный рост преступлений, совершенных в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, что прямо указывает на алкоголизацию, наркотизацию населения и означает физическую деградацию и вырождение нации. Характерным стало постоянное увеличение преступлений, совершенных ранее судимыми лицами. Прирост рецидивной преступности в 1999 г. составил 14–15 % по сравнению с предыдущим годом, в то время как за последнее десятилетие (1966–1995 гг.) прирост составлял 7,5 %. Также необходимо отметить рост противоправных деяний, совершенных мигрантами, в основном из стран бывшего СССР.

В заключение хотелось бы отметить, что только системный подход к решению проблемы криминализации российского общества может быть эффективным методом ее разрешения.

М. В. Романенко

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ В СОЦИОЭНТРОПИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современных условиях трагической трансформации (социоэнтропии) России от социализма к капитализму проблема отклоняющегося, особенно криминального поведения, имеет не столько академический, сколько непосредственно практически-политический интерес по обеспечению национальной безопасности нашей страны.

В докладе «Российская социология в 21 веке» на II Всероссийском социологическом конгрессе академик Г. В. Осипов привел цифры, показывающие, что в сфере экономической, социальной,

демографической, политической, экономической, в области девиантного поведения и обороноспособности страны по 25 показателям (индикаторам) Россия перешла «красную черту», за которой начались в ряде общественных структур необратимые процессы распада и деградации.

Под *отклоняющимся поведением* понимается такая индивидуальная или групповая форма дезорганизационного поведения, в котором обнаруживается несоответствие (дивергенция) деятельности нормам, ценностям, традициям, социальным образцам, общепринятым в данном обществе.

Отклоняющееся поведение существует во всех без исключения сферах жизнедеятельности нашего общества, во всех его «порах», отчетливо набирает силу тенденция тотализации девиантного поведения, в том числе и криминального.

По характеру воздействия на индивида и социум отклоняющееся поведение биполярно (конструктивно и деструктивно). Выделим по этому основанию типы и формы отклоняющегося поведения.

Инновационный тип отклоняющегося поведения – это процесс появления и реализации новых средств, методов производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных ценностей. Сущность инновационного поведения – это преодоление рутинных, традиционных приемов, методов и форм деятельности во всех сферах (экономической, политической, социальной, духовно-нравственной) жизнедеятельности общества. Преодолевая сопротивление консервативных и реакционных сил, инновационное поведение, улучшая (совершенствуя) в рамках природы существующего феномена либо качественно (радикально) меняя материальные и духовные ценности, способствует прогрессивному развитию общества. Для того чтобы инноваторы успешно реализовали социальную потребность в инновациях, требуется создание, институционализация благоприятных социально-экономических, политико-правовых, технико-организационных и социокультурных предпосылок (условий).

Непривычный тип отклоняющегося поведения касается в основном индивидуальных особенностей людей и выражается в чудачествах, странностях, эксцентричности, экспансивности и т. д. Такое поведение не приносит общественного вреда, но в определенных условиях порождает морально-психологический дискомфорт, например при решении острых проблем в трудовом коллективе или организации.

Нетрадиционный тип отклоняющегося поведения связан с нарушением общезначимых ценностей, традиций, ритуалов, обрядов, сложившихся национальных привычек, стереотипов. Учитывая, что названные выше феномены могут быть прогрессивными или консервативными (реакционными), нетрадиционное поведение может быть конструктивным или деструктивным, сыграть позитивную или негативную роль в развитии личности, государства и социума.

Деструктивный тип отклоняющегося поведения заключается в нарушении общепризнанных социальных стандартов, принципов и норм морали, а также общепризнанных, в том числе общечеловеческих, ценностей. Такие нарушения носят антиобщественный характер и вступают в конфликт с институционализированными социальными нормами и ценностями. К наиболее опасным формам девиантного поведения (социальной патологии) относятся наркомания, алкоголизм, самоубийство, бродяжничество, попрошайничество. Эскалация этих и других форм девиантного поведения осуществляется в современной России в геометрической прогрессии. Аморальное поведение в условиях насаждения в нашей стране капитализма становится тотальным.

Криминальный (делинквентный) тип отклоняющегося поведения состоит в нарушении норм уголовного права. Криминальное, антиправовое поведение в той или иной мере, говорилось на секции «Социология девиантного поведения» II Всероссийского социологического конгресса, ныне охватило до 1/3 населения нашей страны (теневая экономика, рэкет, финансовые аферы, теневая юстиция, контрабанда, терроризм и экстремизм, наркобизнес и т. д.). Страна отдана на растерзание криминалу, право граждан на жизнь государство не обеспечивает. Только за 2002 год, по данным МВД, от рук преступников погибли и умерли от полученных в результате насилия ранений, выкрадены и незаконно лишены свободы более 200 тысяч человек, тела 41 тысячи из них не опознаны, 83 тысячи человек пропали без вести. Россия приобрела в мире репутацию криминального общества.

Некоторые слои (страты) населения уже не мыслят своей жизни вне нарушения моральных и правовых норм. Смертельно опасной угрозой для безопасности России, которая обладает ядерным оружием, является реальная опасность прихода к власти в государстве криминальных структур, установление власти «бандократии». «30 % членов Государственной Думы России (прошлого созыва. – М.Р.) являются членами банд организованной преступности», – сообща-

ется в журнале «Национальная безопасность» (2002. № 1–2. С. 12), и подобное явление характерно для многих ветвей власти на всех уровнях – федеральном, региональном, муниципальном. Организованная преступность ныне институционализирована, технологизирована, профессионализирована. В первую очередь это относится к таким регионам, как Северный Кавказ, Красноярский край, Урал; к городам Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород.

Аллохтонный (от греч. – иная земля) *тип отклоняющегося поведения* присущ тем лицам, которые в своем поведении и деятельности руководствуются нормами и правилами культуры другого государства или этноса, противоречащей культуре страны или региона пребывания индивида или группы. Неоднократные столкновения местного населения с эмигрантами лишь подчеркивают сложность проблем этого типа поведения.

Патологический тип отклоняющегося поведения характерен для лиц, которые страдают нервно-психическими расстройствами, различного рода психическими заболеваниями. Этот тип поведения рассматривается в клинической социологии болезни и поведения больного.

Главный путь максимизации инновационного (конструктивного) поведения и минимизации деструктивного, особенно преступного, отклоняющегося поведения – это радикальное изменение вектора социально-политического и экономического курса реформирования страны, находящегося в антагонизме с коренными интересами России и абсолютного большинства народа и ведущего к тотализации отклоняющегося поведения. Бандитизм, грабежи, силовой передел собственности, разрушение систем образования, здравоохранения, деградация культуры, «нравственное помешательство» (А. Минкин), наркотизация и алкоголизация населения, особенно молодежи, замерзание регионов – таковы сегодняшние реалии страны.

Патриотические силы должны предложить народу научно обоснованную стратегию возрождения Отчизны, которая приведет к оздоровлению экономической, политической, социальной и духовно-нравственной сфер жизни общества, к ликвидации нищеты и массовой безработицы. «Величайшей ошибкой или, если угодно, преступлением было то, что реформаторы предали забвению принцип «каждому по труду». От этого в нашей стране обесценился квалифицированный труд. На обочину жизни оказались выброшены носители уникальных знаний – ученые, инженеры, конструкторы,

квалифицированные рабочие», – отмечал Нобелевский лауреат академик Ж. Алферов.

Стратегию и планы, учитывающие отечественный и мировой опыт, менталитет российского народа, разработанные выдающимися учеными РАН и других научных учреждений, имеют патриотические силы страны (КПРФ, блок «Родина», ИСПИ РАН и др.). У нас пока сохраняются все возможности прогрессивного развития с опорой на собственные силы, на национальные ресурсы – это высококвалифицированные кадры, талантливый и трудолюбивый народ, богатейший природно-ресурсный потенциал, уникальное геостратегическое пространство, разработки авангардных технологий по ряду решающих направлений современного производства, опыт мобилизации ресурсов в кризисных ситуациях, ядерная мощь и авторитет в мире. Нужна политическая воля и активные действия.

В число задач возрождения России входит и наступательная борьба с преступностью. Необходимо повести, опираясь на поддержку некриминализованных слоев населения, решительную борьбу прежде всего с организованной преступностью (мафией), использовать весь арсенал социальных санкций, в том числе силу общественного мнения и силу закона (включая и смертную казнь); масштабно активизировать ресоциализацию через особые социальные (пенитенциарные, исправительные) институты; широко развернуть профилактическую и воспитательную работу, создавать благоприятные условия для творческой, продуктивной деятельности людей.

Анализируя проблемы отклоняющегося поведения, надо помнить о его относительном характере. Во-первых, социально-экономические и социокультурные условия, жизнь изменяется динамичнее, быстрее, чем создаются и совершенствуются моральные и правовые нормы. Обычно они (особенно правовые нормы) запаздывают по отношению к изменившимся объективным условиям, и тогда в обществе устанавливается состояние аномии, ведущее к разрастанию отклоняющегося поведения. В нашей стране законотворческая и законоприменительная практика страдает многими изъянами, а лоббирование при принятии законов ведет к тому, что некоторые законы принимаются в интересах кучки богатых, а не в интересах трудового народа. Пример тому – недавно принятые Уголовно-процессуальный и Трудовой кодексы.

Во-вторых, правовые нормы часто подвергаются пересмотру и одна и та же норма поведения в разных странах на различных эта-

пах эволюции может рассматриваться либо как делинквентная (например, проституция, гомосексуализм), либо «нормальная», узаконенная, хотя и может резко осуждаться общественным мнением.

В-третьих, при анализе отклоняющегося поведения мы исходили из того, что в обществе имеются институционализированные общепризнанные ценности и нормы. Если принять для анализа точку зрения плюрализма ценностей и наличие различных корпоративных субкультур, то есть то, что в обществе отсутствует культурное единство и ценностный консенсус, то характеристика отклоняющегося поведения становится весьма проблематичной. В современной России существуют социальные слои, имеющие различные, часто противоречивые интересы, сформировавшиеся или формирующиеся субкультуры: олигархи, «криминальное и легалистское общество» (об этом на II Всероссийском социологическом конгрессе говорила известный криминолог А. И. Долгова), «социальное дно», насчитывающее около 14 миллионов человек (наркоманы, алкоголики, проститутки, потерявшие жилье), огромная масса безработных.

В-четвертых, поскольку ни один человек не может выполнить стопроцентно все институционализированные нормы и ценности общества, то все население любой страны в той или иной мере – носители отклоняющегося поведения, то есть каждый субъект истории включен и в инновационное, и в девиантное, делинквентное, и в нетрадиционное поведение, а отчасти, может быть, и в непривычное отклоняющееся поведение.

В-пятых, необходимо анализировать вновь возникающие формы отклоняющегося поведения. Например, шопинг – постоянное хождение по магазинам с целью только примерки, но не покупки товаров, в основном одежды и обуви, знакомства с косметикой; компьютеромания – болезненное увлечение работой на компьютере или играми в центрах виртуальных услуг. Люди, особенно дети и подростки, начинают жить в ими же созданном виртуальном мире и теряют способность адекватно реагировать на проблемы реального мира, которые ставит перед ними жизнь.

Вопрос о социальной природе отклоняющегося поведения, его истоках, причинах и условиях возникновения и реализации, о динамике распространения в различных социальных слоях (стратах), о путях и формах минимизации девиантных (особенно криминальных) форм поведения и максимизации инновационных (нововведенческих) форм поведения является актуальным для науки и практики.

Проблемы отклоняющегося поведения – предмет изучения многих наук, но социологии и криминологии прежде всего.

В. В. Бганцев

РОЛЬ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ

Девиантное поведение – сложный социальный феномен, который играет важную роль в социальных процессах. На современном этапе социальной эволюции наблюдаются рост динамичности социальной деятельности и, следовательно, повышение неустойчивости социальных систем. Современные общества переживают постоянные перемены, которые служат отражением кризисного состояния существующей формы социального порядка. Индустриальная форма социальной организации исчерпала свой потенциал развития и стремительно деградирует. В связи с этим происходит развитие и обострение социальных патологий, снижается эффективность социальных институтов. Данные условия характеризуют социальный контекст развития девиантного поведения в современном обществе.

Характерное для классической парадигмы социологии представление о социальных отклонениях как об источнике нестабильности социальных систем, имеющем для них отрицательное значение, неадекватно отражает качественную специфику данного явления. В настоящее время более перспективным представляется системно-динамический подход к анализу девиантного поведения, которое рассматривается как форма социальных изменений. Девиантное поведение характеризует вид социальной активности, способствующей преобразованию существующих социальных практик и систем в целом. Поскольку социальные изменения предполагают становление новых социальных структур при деградации существующих, то девиантное поведение выполняет в социальной динамике две функции – дезорганизационную и самоорганизационную.

Далеко не все девиации являются социально-конструктивными. Девиантное поведение приводит к снижению устойчивости социальных систем, поскольку нарушение социальных ценностей и норм способствует снижению организованности социальных связей. В данном случае социальные отклонения продуцируют структурное напряжение в социальных системах, возникающее вследствие несоблюдения институционализированных алгоритмов социальной

деятельности. По этой причине девиантное поведение приобретает дисфункциональный характер, препятствуя реализации и развитию потенциала социальных систем.

Но девиантное поведение также может носить функциональный характер для социальных систем в том случае, если способствует социальной самоорганизации. Самоорганизация характеризует свойство социальных систем спонтанно генерировать формы социального порядка (институты, структуры, организации). Самоорганизационный потенциал социальных систем актуализируется в условиях нарушения их стабильности, поскольку высокая структурная неустойчивость способствует эмерджентному образованию более перспективных социальных форм и связей. В режиме самоорганизации происходит преобразование социальных систем, автономное формирование новых, более устойчивых и эффективных механизмов социальной деятельности. По этой причине самоорганизационные процессы выступают основой социальной эволюции.

Девиантное поведение служит формой социальной самоорганизации. Социальные отклонения актуализируют самоорганизационный потенциал социальных систем, то есть стимулируют непреднамеренное повышение упорядоченности и продуктивности социальных отношений. Процессы самоорганизации предполагают образование новых компонентов и структурных связей в социальных системах, увеличивающих синергетический эффект целого. Таким образом, самоорганизационная функция девиантного поведения в социальной динамике заключается в социальном новаторстве. Социальные отклонения играют роль инноваций в социальных системах, а девиантное поведение характеризует инновационную активность, которая необходима для прогрессивного обновления социальных структур. Инновационная деятельность предполагает замену существующих способов социального взаимодействия, исчерпавших свои возможности, более продуктивными в условиях высокой социальной неустойчивости.

В режиме самоорганизации девиантное поведение генерирует инновационные изменения в социальных системах: отклонения, имеющие высокий социально-продуктивный потенциал, апробируются, институционализируются, а затем тиражируются и рутинизируются. В результате первоначальная девиация становится элементом социальной практики и служит воспроизводству целостности и качественной определенности социальной системы. Учитывая кризисное состояние современной формы социальной организации, следует признать, что приоритетное значение имеют социальные отклонения инновацион-

ного характера, которые способствуют гуманизации общественных отношений, то есть культурному развитию субъектов социальной деятельности.

Для того чтобы использовать инновационные возможности девиантного поведения, нужны соответствующие условия для активизации социальной самоорганизации. Необходима социальная диагностика, которая будет обеспечивать объективную оценку состояния социальных систем и выявление социальных патологий, для устранения которых требуются инновации. Специальные социальные технологии требуются для того, чтобы способствовать развитию социальных акторов – потенциальных агентов инновационных изменений, поскольку для выполнения этой роли необходимы соответствующие установки, знания и способности. Кроме того, повышению социальной продуктивности девиантного поведения способствует стимулирование поиска и применения новых форм и методов социального поведения. Также необходим социальный мониторинг, чтобы систематически оценивать результаты влияния реализуемых социальных отклонений на общество и оперативно их корректировать в случае необходимости.

Е. В. Ковшикова, Е. М. Ковшиков

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Оценка любого поведения всегда подразумевает его сравнение с какой-то нормой, проблемное поведение часто называют девиантным, отклоняющимся.

Девиантное поведение – это система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали.

Девиантное поведение подразделяется на две большие категории. Во-первых, это поведение, отклоняющееся от норм психического здоровья, подразумевающее наличие явной или скрытой психопатологии. Во-вторых, это антисоциальное поведение, нарушающее какие-то культурные и социальные нормы, особенно правовые.

Юношеский возраст вообще и ранняя юность в особенности представляют собой группу повышенного риска. Во-первых, сказываются

внутренние трудности переходного возраста, начиная с психогормональных процессов и кончая перестройкой Я-концепции. В современной литературе широкое распространение получила концепция Эрика Эриксона о кризисе идентичности как главной особенности подросткового возраста (под идентичностью понимается определение себя как личности, как индивидуальности). Эриксон называет этот кризис «идентификация или путаница ролей». Подросток активно «примеряет» на себя различные социальные роли, определяет требования, возможности и права, присущие каждому новому образу. Безусловно, в ролевом веере будут присутствовать и негативные объекты, само существование которых может провоцировать конфликтные ситуации.

Подростковая агрессия – чаще всего следствие общей озлобленности и пониженного самоуважения в результате пережитых жизненных неудач и несправедливостей (бросил отец, плохие отметки в школе, отчислили из спортсекции и т. п.). Изощренную жестокость нередко проявляют также жертвы гиперопеки, избалованные маменькины сынки, не имевшие в детстве возможности свободно экспериментировать и отвечать за свои поступки; жестокость для них – своеобразный сплав мести, самоутверждения и одновременно самопроверки: меня все считают слабым, а я вот что могу!

Кто же в первую очередь попадает в группы с негативным поведением? Разумеется, здесь действуют одновременно очень много факторов, связанных в значительной степени с индивидуальными особенностями молодых людей, и все же некоторые общие закономерности выделить можно.

Во-первых, это злоупотребление алкоголем и наркотиками. Особенность фармакологического воздействия алкоголя на психику заключается в том, что в малых дозах он стимулирует психическую активность, снимая сознательное торможение и тем самым давая выход подавленным желаниям и импульсам. По данным МВД России, за 2002 год около 10 % всех насильственных преступлений совершено несовершеннолетними или при их участии, и каждое пятое (21 %) – в состоянии алкогольного опьянения. Что же касается наркотиков, то в 2002 году выявлено около 20 тыс. преступлений, совершенных молодежью и связанных с незаконным оборотом наркотиков. А многочисленные социальные исследования позволяют утверждать, что большинство молодых людей хотя бы один раз пробовали наркотик (80 % мужчин, 30 % женщин).

Следующий фактор, непосредственно влияющий на попадание молодежи в группы с негативным девиантным поведением, – это пограничность и неопределенность социального положения молодежи. Молодой человек, как правило, хочет соответствовать требованиям общества, но по каким-то причинам (конституциональные факторы, социальные условия, неумение правильно определить свои социальные идентичности и роли, недостаток материальных ресурсов, плохое овладение нормальными способами социальной адаптации и/или преодоления трудностей) он не может этого сделать.

Третий фактор – это противоречия, обусловленные перестройкой механизмов социального контроля: детские формы контроля, основанные на соблюдении внешних норм и послушании взрослым, уже не действуют, а взрослые способы, предполагающие сознательную дисциплину и самоконтроль, еще не сложились или не окрепли.

Также важнейшим фактором является наличие вблизи девиантных сверстников. Вхождение в девиантную группу для молодых людей означает, прежде всего, коллективную самоидентификацию и возможность достаточно быстрого изменения своего социального статуса. Кроме того, наличие девиантной группы: а) облегчает совершение девиантных действий, если личность к ним внутренне готова; б) обеспечивает психологическую поддержку и поощрение за участие в таких действиях и в) уменьшает эффективность личных и социальных контрольных механизмов, которые могли бы затормозить проявление девиантных склонностей.

При этом образуется порочный круг. Девиантные поступки увеличивают привлекательность совершающего их подростка для других, которые принимают такой стиль поведения; совершая анти-нормативные поступки, подросток привлекает к себе внимание, интерес и т. д. Вместе с тем девиантные поступки усиливают потребность подростка в социальном одобрении группы, особенно если он вырос в нормальной среде, где такие действия осуждаются. Наконец, девиантные действия вызывают отрицательное отношение к санкции со стороны «нормальных» других, вплоть до исключения девиантного подростка из общения с ними. Это социальное отчуждение способствует активизации общения подростка с девиантной средой, уменьшает возможности социального контроля и способствует дальнейшему усилению девиантного поведения и склонности к нему.

Также общепризнано, что молодому человеку всегда необходимо ощущать себя частью микросоциума, и этнос – группа, в осознании принадлежности к которой молодой человек зачастую ищет опору в жизни.

Одна из психологических причин роста этнической идентичности в наше время – поиск ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией и нестабильном мире. Вторая психологическая причина – это интенсификация межэтнических контактов, как непосредственных (трудовая миграция, перемещение миллионов эмигрантов и беженцев, туризм), так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации. Повторяющиеся контакты актуализируют этническую идентичность, так как только через сравнение можно наиболее четко воспринять свою «русскость», «еврейство» и т. п. как нечто особое. Психологические причины роста этнической идентичности едины для всего человечества, но особую значимость этнос приобретает в эпоху радикальных социальных преобразований, приводящих к социальной нестабильности. В ситуации социальной конкуренции этносов позитивные различия усугубляются в прямом соревновании. Очень часто такая социальная конкуренция перерастает в ситуации межэтнической напряженности.

Для развития социальной конкуренции и перерастания ее в межэтническую напряженность необходимо несколько факторов:

1. Достаточно большой период близкого территориального нахождения различных этнических групп или их длительное нахождение на одной территории.

2. Недостаточность различных сырьевых, финансовых и других ресурсов, которые не позволяют свободно и автономно развиваться различным этногруппам и вызывают конкуренцию между ними.

3. Наличие в истории развития данных этногрупп различного рода социальных конфликтов.

4. Наличие в регионе экстремистских политических сил, достигающих через активизацию межэтнической напряженности своих политических целей.

Неурегулированные вопросы, вызывающие межэтническую напряженность, как правило, приводят к национально-этническим конфликтам.

Национально-этнические конфликты занимают заметное место в современной жизни. Чаще всего это конфликты, связанные со статусными или территориальными претензиями, конфликты на осно-

ве борьбы за права и интересы этнических и национальных групп. В нашей стране доминирующей идеей таких конфликтов является идея суверенитета территории, народа или этнической группы. В 80–90 годы XX века этот конфликт носил характер борьбы за перераспределение власти между центральными органами государственной законодательной и исполнительной власти, центром и регионами. Однако в национально-этнических конфликтах имеет место много других наслоений. В современной России национально-этнические конфликты чаще всего носят политический характер. В период перестройки в различных республиках и регионах России на волне демократизации и формирования рыночных отношений выросли новые элитарные социальные группы. Местная этнократия, поддерживаемая центром, не подпускала к процессу принятия решения представителей новой элиты. Поэтому последняя была вынуждена облекать свод притязания на власть в форму национально-исторических лозунгов и требований. В результате возникла своего рода «эпидемия суверенитетов». По мере того как укрепляются позиции центра и происходит проникновение новых элит к властным структурам, национально-этнические конфликты в такой форме ослабевают. Однако остается актуальной борьба за обладание властью, материальными и духовными ценностями между коренным населением и мигрантами, между этническим большинством и меньшинством.

Конфликт может возникнуть в любом молодежном сообществе, в любой молодежной социальной группе, где есть господствующие и подчиненные. Причиной конфликта может являться стремление к доминированию: человеческие существа от природы склонны формировать иерархии социального доминирования и бороться за приобретенные позиции в группе, общности и т. д. У молодежи это особенно ярко проявляется в агрессивной, жестокой форме, что связано с особенностями их психофизического развития, недостаточной социализацией во взрослую жизнь. Иерархия социального доминирования, включая в себя определенную степень достижения социального доминирования, при определенных предпосылках может привести к конфликту. А непосредственными причинами возникновения этноконфликтов могут послужить дефицит ресурсов, идеологические различия и т. д.

Как правило, молодежи в этноконфликтах отводится роль агрессивного дестабилизатора существующего порядка, арьергардной ударной первичной группы. Наиболее яркий пример такого явления

– ситуация в Ольстере, когда именно радикально настроенная молодежь составляет основную массу экстремистов. По данным английских социологов, средний возраст ирландских экстремистов составляет от 19 до 23 лет.

Поведение молодежи в этноконфликтах резко отличается от поведения взрослых индивидов.

Конфликтное поведение – это действия, направленные на то, чтобы прямо или косвенно блокировать достижение противостоящей стороной ее целей, намерений, интересов. Здесь необходимы не только осознание своих целей и интересов как противоположных другой стороне, но и формирование установки на борьбу, психологической готовности к ней. И как правило, все это есть у молодежи. В ситуации, когда конфликт интересов принимает форму острых разногласий, молодежные этносоциальные группы не только не стремятся их урегулировать, но и всячески усугубляют, продолжая разрушать прежние структуры нормальных взаимосвязей, взаимодействий и отношений. В эмоциональной сфере эта фаза характеризуется нарастанием агрессивности, переходом от предубежденности и неприязни к откровенной враждебности, которая психически закрепляется в «образе врага».

При этом моральные установки отдельного молодого человека блокируются, и в его сознание и поведение внедряется групповой поведенческий компонент. Ле Бон в своей книге «Психология масс» отмечает: «В психологической массе самое странное следующее: какого бы рода ни были составляющие ее индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, занятия, их характеры и степень интеллигентности, но одним только фактом своего превращения в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они совсем иначе чувствуют, думают и поступают, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы. Есть идеи и чувства, которые проявляются или превращаются в действие только у индивидов, соединенных в массы. Психологическая масса есть... новое существо с качествами совсем иными, чем качества отдельных клеток».

У молодого человека, находящегося в группе, в период развития этноконфликта и в ситуации повышенной эмоциональной напряженности наличествуют качества, которыми он не обладал, и причины этого в следующих трех основных моментах.

Первая из причин состоит в том, что в массе в силу одного только факта своего множества молодой человек испытывает чувство

неодолимой мощи, позволяющее ему предаться первичным позывам, которые он, будучи одним, вынужден был бы подавлять. В группе наличествует анонимность, и тем самым и безответственность масс, то есть совершенно исчезает чувство ответственности, которое всегда индивида сдерживает.

Вторая причина – заражаемость – также способствует проявлению у группы специальных признаков и определению их направленности. Заражаемость – это легко констатируемый, но трудно объяснимый феномен. В группе в период повышенной эмоциональной напряженности заразительно каждое действие, каждое чувство, и притом в такой сильной степени, что молодой человек очень легко жертвует своим личным интересом в пользу интереса общего. Это зачастую противоположное его натуре свойство, на которое молодой человек способен лишь в составе группы.

Третья и, наверное, важнейшая причина обуславливает у объединенных в массу индивидов особые качества, совершенно противоположные качествам индивида изолированного. Имеется в виду внушаемость, причем вышеуказанная заражаемость является лишь ее последствием. Молодой человек, находящийся в продолжение некоторого времени в зоне деятельности активной агрессивной группы, впадает в особое состояние, весьма близкое к состоянию гипноза. При этом теряются воля и способность объективно оценивать свое психоэмоциональное состояние и свои действия, все чувства и мысли ориентированы в общем направлении деятельности группы.

В целом в состоянии молодого человека, находящего в группе в период конфликта, можно выделить: исчезновение сознательной личности и преобладание бессознательного, ориентация мыслей и чувств в общегрупповом направлении вследствие внушения и заражения, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей, зачастую с применением насилия.

Психологи утверждают, что в агрессивной группе стираются индивидуальные достижения отдельных людей и исчезает их своеобразие; бессознательное проступает на первый план, блокируется психическая надстройка, то есть социальные формы контроля, выработанные цивилизацией, и проявляется (приводится в действие) бессознательный компонент (биологическая основа группового поведения).

Л. В. Вершкова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОНИМАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА НЕГАТИВНОЙ ДЕВИАЦИИ В МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Причины девиантного поведения традиционно рассматриваются в контексте взаимообусловленности объективных и субъективных факторов человеческой деятельности, биологических и социальных характеристик личности. В зависимости от идеологии, общепринятой парадигмы, новейших естественнонаучных идей в объяснении главенствует одна из точек зрения. Нет необходимости подробно анализировать достаточно известные дискуссии по данному вопросу. Предметом данного анализа проблемы являются особенности понимания субъективного начала в девиантном поведении с точки зрения философской антропологии, поскольку именно субъективное определяет его специфику. Актуальность подобного рассмотрения связана с необходимостью выявления механизма отклоняющегося поведения в целях регулирования и управления социальными процессами. Следует отметить, что понимание нормы и девиации как отклонения от нормы всегда определяется ценностными установками и традициями, существующими на конкретном этапе развития общества. Общепринятые нормы охраняются системой социального контроля, который приводит в порядок все отклонения. Хаос и порядок как две противоположности составляют внутренний механизм, способ изменчивости, жизнедеятельности и развития каждой системы. Вместе с тем известно, что преобладание негативной девиации приводит к разрушению устоев общества. Возникновение той или иной тенденции в социальных процессах обусловлено взаимовлиянием объективных и субъективных факторов.

Объективно складывающаяся в современном обществе духовная ситуация характеризуется пересмотром традиционных ценностей, а также заимствованием и созданием новых. Неустойчивое экономическое положение определяет приоритеты материальных, витальных потребностей. Духовные интересы остаются нереализованными и второстепенными. Причиной возникновения стандартного типа поведения в массовом обществе является страх быть отторгнутым, который порождает конформную личность¹. Массы населения не могут жить без огромного аппарата, участвуя в его работе в качестве колесиков, чтобы таким образом обеспечить свое существование в рамках общества. К. Ясперс отмечал, что «...масса бездуховна и бесчеловечна... Она способна все растоптать, ей присуща тенден-

¹ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

ция не терпеть величия и самостоятельности, а воспитывать людей так, чтобы они превращались в муравьев»¹. Конформист бессознательно стремится к воспроизведению стереотипа в поведении, одежде, речи, боится проявления собственного «Я», бежит от свободы и, следовательно, от ответственности. Если человек не может проявить себя, постоянно подавляя стремление к самовыражению, то энергия, направленная к жизни, к созиданию, превращается в разрушительную, деструктивную силу. Таким образом, соответствующие условия социума обнажают негативную сторону человеческой субъективности, провоцируют отрицательную девиацию. Сознательная деятельность, осознанная мотивация поступка уступает место бессознательным поведенческим стереотипам, которые, в свою очередь, проявляются в различных формах общественной жизни. Таким образом, бессознательное как субъективная детерминанта возможного девиантного поведения в условиях современного массового общества представляет особый интерес. В контексте различных исследований – социологических, криминологических, социально-психологических, философских – всегда проглядывает очевидная тенденция: сознательные мотивы поступка отождествляются (соотносятся) с социальными характеристиками личности, тогда как бессознательные мотивы представляются порождением биологических, природных основ рода человеческого.

Вопрос о том, что же является определяющим в поведении людей, особенно в отклоняющемся: социальное или биологическое, сознательное или бессознательное – рассматривался по-разному. Все зависело от времени, места и сложившихся представлений о человеке вообще. Философская антропология получила особое развитие и направление после появления эволюционной теории Дарвина и далее меняла свои акценты в зависимости от очередных открытий в естествознании. В частности, в развитии идей по поводу биологической детерминации поведения человека можно выделить три основных этапа.

Во-первых, возможность аргументированно и обоснованно рассуждать об этом феномене возникла благодаря появлению эволюционной теории Ч. Дарвина, а затем позитивистской методологии Г. Спенсера. Возник мощный толчок в развитии прикладного знания, в применении этих идей к юридическим разработкам, в практике. В частности, следует отметить исследования итальянской

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 314.

уголовно-правовой школы (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Гарофало). Еще в конце XIX века известный российский юрист В. Д. Спасович, размышляя об оригинальности их идей, отмечал, что «итальянская школа слишком долго и усидчиво занималась только зоологией, антропометрией, подробностями телосложения, так что ей не хватило времени на психологические наблюдения, а социология... осталась ей на деле чужда»¹. Сожалея по поводу несовершенства исследований итальянцев, В. Д. Спасович подчеркивал значительность именно отрицательных результатов этой школы, потому что в них-то и была обозначена новая область исследования – биологическая обусловленность антиобщественного поведения.

Второй этап, связанный непосредственно с изучением биопсихической детерминации отклоняющегося поведения, стал возможен в связи с появлением и признанием теории психоанализа – как классического фрейдизма, так и неофрейдизма. Однако ни одна из названных теорий не нашла продуктивного распространения и продолжения в нашей стране вплоть до 80-х годов XX века.

Третий этап, определивший новый интерес к проблеме биологического в мотивации деятельности, был связан с развитием генетики во второй половине XX века. Пожалуй, здесь вопрос о соотношении биологического, психического и социального еще более усложнился. Почему, как, что и насколько наследуется генетически? Прежде всего, занимает вопрос о наследовании человеком социальных черт. Все три этапа развития проблемы биологического в контексте философской антропологии как методологии не противоречат друг другу, и их взаимное дополнение позволит еще раз уточнить исследуемую проблему.

Идеологически сориентированная отечественная наука середины XX века предполагала единственно возможные рамки исследования человека и человеческой деятельности, опирающиеся на непререкаемые истины марксизма: «Бытие определяет сознание», «Сущность человека не есть абстракт, она есть совокупность общественных отношений». Отсюда и появлялись размышления о человеке как сознательном социальном существе, поведение которого целиком и полностью зависит от объективных условий его жизни. Однако, находясь в обществе, человек испытывает воздействие не только на сознание, но и на бессознательное. На этом утверждении

¹ Спасович В. Д. Новые направления в науке уголовного права // Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 114.

была построена теория франкфуртских социологов еще в первой половине XX века.

Анализируя особенности девиации как любого отклоняющегося от нормы поведения, следует все же учитывать, что его мотивация не может быть осознаваема человеком полностью. Более того, степень осознания отклонения и его содержание могут быть как иллюзорными, так и ложными для человека.

Осознание поступка, понимание его последствий, ответственность за содеянное свойственны развитой, духовно содержательной личности. Макс Шелер, объясняя специфику психического как реакции на воздействие внешней среды, отмечал, что чувственный порыв, инстинкт, ассоциативная память, практический интеллект являются его примитивными формами. Если отсутствует высшая, духовная ступень развития личности, тогда практический интеллект – единственная доступная (оставшаяся для примитивного существа) реакция на внешнюю среду. Подобная форма проявления психического неслучайна. В рамках философско-антропологической парадигмы человек рассматривается как адаптивно-адаптирующееся существо, реагирующее на все изменения окружающего мира. Речь не идет об эволюции биологического вида, однако особенности проявления психического всегда конкретны в рамках определенных обстоятельств и зависят, кроме того, и от биогенетической основы человека.

В условиях массового производства, массовой культуры, обесценивания духовных ценностей рождается индивид, не способный к рефлексии, к самооценке, не желающий совершать какие-либо активные действия. Уровень практического интеллекта становится верхним «пределом» личности и определяется только витальными потребностями выживания и выплеска неконтролируемых эмоций. Как уже было отмечено, технологизированный мир, стандарты действительности деиндивидуализируют личность, определяют автоматический конформизм как наиболее естественный вид адаптации. Темп жизни, эмоциональные перегрузки «включают» у индивида защитную реакцию, которая выражается в торможении психических процессов. Человек не может усвоить поток информации, успеть за событиями, быть достойным творцом или хотя бы осознанным наблюдателем происходящего. Феномен «разорванного» сознания возникает неизбежно как выражение противоречия между воображаемым переживаемым бытием и реальными событиями. Это приводит к дезориентации личности. Когда притупляется рационально-оценочное отношение к жизни, в силу вступают

эмоционально-психические качества личности. Сознание уступает ведущую роль бессознательному. Человек – элемент общества как самопорождающейся системы. Если система «задает» определенные условия, он начинает адаптироваться в повышенно опасном мире, отыскивая оптимальную форму существования. По выражению Фрейда, у современного человека вместо монастыря – невроз. Бессознательное – это не просто психическая структура, соответствующая современному уровню миропонимания, это основа ценностей. «Бессознательное – наш современный миф, а психоанализ его пророк»¹. Следует подчеркнуть, что теория Фрейда является не только терапией неврозов, но и их культивацией. Средства массовой информации в худших аспектах их деятельности направлены на то, чтобы сформировать дегенеративного невротика. Происходит деструктуризация мировой и отечественной культуры. Человек находится на «пределе» проявления своих возможностей и как социальное существо, и как биологическое. «Нам следует... быть немного алкоголиком, немного сумасшедшим, немного самоубийцей, немного партизаном-террористом»². Появляется масса индивидов, не способных к рефлексии, наделенных мифологизированным сознанием, которое основано на образном, эмоциональном восприятии действительности. Как отмечают медики, физиологи, человечество становится все более правополушарным, что является весьма определенной биопсихической реакцией на воздействие все тех же объективных условий существования.

Человек бессознательно стремится уйти в виртуальную реальность, где не требуется ни затрата, ни воспроизводство духовных сил. Современная техника дает возможность ухода в виртуальность (персональный компьютер, игровые автоматы, Интернет, телевидение). Психологически возврат в актуальность всегда происходит болезненно, тяжело, поскольку в режиме виртуального пребывания снимаются контроль, самооценка, ответственность, исчезает способность различать реальность и ее имитацию. Весьма пессимистические прогнозы в связи с этой тенденцией высказывают и склонные к фантазиям писатели, и строгие мыслители: «...конец света будет абсолютно безопасен – ибо исчезнет тот, кому опасность могла бы угрожать. Конец света будет просто телепередачей»³. Игра становится образом жизни, где «пишется черновик»,

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 258–259.

² Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 190.

³ Пелевин В. О. Generation «П». М., 2000. С. 144–145.

условность которого человек отчасти осознает и не считает возможным что-либо изменить. Стирается грань между восприятием информационной программы и художественным фильмом, где зритель становится виртуальным участником или равнодушным наблюдателем стихийного бедствия, террористического акта или убийства. Проблемы «Постороннего» А. Камю становятся повседневностью современного человека. Весьма показательно, что для многих преступников в процессе совершения антиобщественного деяния, прежде всего, важен не результат, а игра, в которой они себя осознают и посторонними наблюдателями, и участниками. Сотрудники правоохранительных органов отмечают, что девиантное поведение, особенно в молодежной среде, во многом сходно с игровыми сюжетами видеофильмов. Люди с неустоявшимися ценностными ориентирами, с недостаточным уровнем образования, маргиналы и т. п. через средства массовой коммуникации получают информацию, способствующую формированию бессознательных стереотипических реакций, стандартов поведения. Отказ от свободы как индивидуального самовыражения защищает от необходимости принимать решения и отвечать за них. Платой за конформность является выплеск неконтролируемой бессознательной агрессивности. Этот факт особенно явно прослеживается у наиболее психически неустойчивой части населения – у молодежи. Субъективное бессознательное начало человека как бы настроено на негативную девиацию.

Образно выражаясь, человек падает с высот духовных принципов и установок «Сверх-я» и разумного анализа «Я» к собственной преисподней, к «Оно». В этих условиях возникает торможение, исчезают запреты, и среда, подобно качественному проявителю, делает очевидной генетическую предрасположенность к определенному типу поведения, который может оказаться отклоняющимся в тех или иных конкретных ситуациях.

Достоверно установлено, что преимущественно генами определяется множество психологических и интеллектуальных характеристик человека (активность, пассивность, мнительность, тревожность, интровертность, экстравертность, самостоятельность и зависимость, альтруизм и эгоизм, интеллект, агрессивность и сексуальность). Кроме того, генетически детерминируемые считаются социально обусловленные особенности человека, такие как отношение к смертной казни, политические и музыкальные предпочтения, патологическая азартность, алкоголизм, криминальное поведение. Возможно, что в ближайшем будущем будут найде-

ны качественные особенности генов, определяющие характерные поведенческие межэтнические различия¹. Развивающиеся компьютерные методы анализа генетической информации в итоге приведут к появлению нового направления в науке – геномике, то есть созданию генетической карты личности. В связи с этим, безусловно, возникнет масса этических и правовых вопросов по поводу доступа и использования такой информации, однако позволит объяснить многие социальные проблемы.

Как утверждается в материалах Наффилдовского совета по биоэтике, нельзя предсказать антиобщественное поведение на основе одного генетического описания человека. Такая информация не освобождает от ответственности за правонарушение, но может приниматься во внимание судьями при вынесении приговора примерно так же, как они учитывают факторы среды: нищету или тяжелое детство². Таким образом, генетическая предрасположенность проявится в соответствии с тем, что сумеет проявить или, наоборот, затормозить, пригасить среда.

В условиях массового общества, когда подавляется личностно-социальная основа, прежде всего становится очевидной биологическая программа архетипического содержания, сложившаяся в процессе адаптации, эволюции как социально необходимая для существования. В течение многих веков происходил генетический отбор, связанный с выведением психотипа личности, способной не только выжить, но и утвердить для этого оптимальную систему ценностей. Длительный период европейской истории был связан с кочевым образом жизни, когда ничего не производящие скотоводы жили в условиях разбойничьего образа жизни, являвшегося витально необходимым. «Бандитско-героический» стереотип существования на тысячелетия вперед сформировал устойчивый набор базовых ценностей, способа «быть», то есть менталитета. К. Юнг достаточно убедительно показал, что в условиях массового включения бессознательных структур у человека возникает пробуждение коллективного бессознательного, обнажающего исторические древние стандарты поведения. Избыточно активное поведение может быть как героическим, так и преступным, следовательно, среди людей нет антисоциальных психогенетических типов. Все зависит от того, в какой системе ценностей, норм и запретов рассматривается какое-либо деяние, как общество принимает тот или иной поступок. Об-

¹ См.: Вельков В. В. Куда ведет эволюция человечества? // Человек. 2003. № 2. С. 19.

² См.: Борисов Ю. Генетика и поведение человека: этический контекст // Человек. 2003. № 2. С. 31.

щество должно разумно использовать имеющийся духовно-психологический потенциал, в процессе воспитания реализовывать, направлять «избыточную энергию» в соответствии с общезначимыми ценностями и целями, охраняемыми государством и обществом и очевидными для каждого. Субъективное в любом выражении – в сознательном, бессознательном (индивидуальном и коллективном), психогенетическом – так или иначе проявляется в условиях социума и на основе существующего знания о нем может контролироваться социальными институтами. Современная духовная ситуация требует глубокого осмысления. В начале XX века М. Шелер отмечал, что в обществе происходит систематическое восстание влечений человека новой мировой эпохи против чрезмерной интеллектуальности и аскезы предшествующих поколений, возникает заниженная оценка духа. Вместе с тем «то, что идет от духа, идет не автоматически, не само собой. Оно должно быть взято в руки... Человек – это существо, сам способ бытия которого – это все еще не принятое решение о том, чем оно хочет *быть* и *стать*»¹. Для того чтобы быть и стать, существует один путь – формирование самосознания, духовности, воспитание интеллекта, образование. При их переизбытке, возможно, возникнет другой вид девиации – чрезмерное творчество. Однако в противном случае будет культивироваться субъективное как бессознательное во всех его негативных проявлениях и последствиях.

Еще раз следует подчеркнуть, что средства массовой коммуникации как орудие воздействия и на сознание, и на бессознательное являются мощным инструментом социального контроля, от которого во многом зависит, каким будут и отдельный человек, и общество.

Т. Н. Бухтиярова

СВОБОДА ВЫБОРА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

В последнее время в российской социологической науке все чаще на фоне роста преступности, наркомании, алкоголизма, самоубийств и других негативных социальных явлений рассматривается острая проблема нравственно-психологической деградации населения и катастрофического ухудшения морального состояния общества. С изменением политического курса России в последние годы во

¹ Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Шелер М. Избр. произв. М., 1994. С. 105.

все сферы жизнедеятельности пришла так называемая «свобода», которая воспринимается нами как неотъемлемая часть жизни современного «цивилизованного» человека.

Свобода стала трактоваться как возможность удовлетворения любого из своих желаний, а так как потоки информации широки и разнообразны, то каждый волен выбирать свои формы отношения к миру и поведения в нем.

Известно, что, выбирая все, что можно, человек вынужден выбирать из известного ему. К сожалению, предлагаемый набор образцов поведения односторонен – то, что рекламируется в современной культуре, не показывает полного спектра возможностей человека: ценностям добра, красоты, милосердия отводится меньше места, чем ценностям общества потребления, криминального и асоциального образа жизни, которые средства массовой информации, шоу-бизнес, кино пропагандируют и романтизируют. «Результат подобного развращения населения вполне предсказуем: согласно многочисленным социологическим исследованиям подростков и юношество привлекает криминальная и асоциальная деятельность»¹.

Так в чем же, в каких сферах жизни «свободны» выбирать дети и подростки?

В результате негативных социальных процессов и пропаганды, в среде российских подростков упал престиж производительного творческого труда на благо общества. Опросы школьников показывают, что дети стремятся стать банкирами, фотомоделями, бандитами и президентами. При этом никто не называет профессии инженера, не представляют, кто такой хлебороб.

Отсутствие единого источника знаний, множество учебников, переведенных и растиражированных без экспериментальной проверки, невнимательность или попустительство цензуры, возможность выбора системы школьного обучения – эти факторы особенно способствуют разрушению национальной педагогики и менталитета. Не имея программы нравственного воспитания, Министерство образования не выступает с протестом против растления детей СМИ, а наоборот, поощряет введение в базисный учебный план тематики полового воспитания, идеи автономной этики и крайнего индивидуализма, что «вызывает отклонения в здоровом развитии лично-

¹ Добренков В. И. Российское общество: состояние и перспективы. М., 2003. С. 12.

сти подростка с опорой на асоциальные и антисоциальные установки»¹.

Во что предлагают играть детям и взрослым? Ежедневно по телевидению мы наблюдаем образцы поведения, которое нельзя назвать нормальным. Такие передачи, как «Алчность», «Слабое звено», «Бои без правил», «За стеклом», «Последний герой», рекламные ролики и компьютерные игры возбуждают самые низкие, порочные чувства. Результат просмотра агрессивных мультфильмов («Покемоны») и рекламы можно проследить на примере детской и подростковой преступности: в последние годы оно приняло новые формы – дети, играя в жизнь и смерть, подвергаясь опасности, не понимают риска и не отдают себе отчета в реальности происходящего. Дети убивают и калечат сверстников, в полной уверенности, что у тех в запасе несколько жизней.

Итак, предоставляя свободу выбора источника информации, вкладывая порочное знание в морально незащищенную и психологически незрелую личность, закрывая глаза на романтизацию преступления и смерти, попустительствуя распространению «новых ценностей» через СМИ и учебные заведения, мы растим поколение, которому «все позволено». А подобная вседозволенность, разрушая растущего человека, приводит к развитию невротической личности, отклонениям в поведении и психике, и «человек совершает преступление, чтобы не разрушились его представления о самом себе, своем месте в мире, его самоощущение, самооценność, не исчезло его биологическое и социальное бытие»².

¹ Как защитить вашего ребенка? М., 2003.

² Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКА

Подростковый возраст – период жизни человека между детством и юностью (11–15 лет). Это очень важный этап в развитии человека, которое идет через внутренние и внешние конфликты. Данный период характерен, в частности, тем, что подросток через доверительные отношения со сверстниками глубже познает другого и самого себя. Рефлексируя, он открывает глубины своего несовершенства, что нередко ведет к депрессии.

В это время подросток начинает оценивать своих близких. Семья же относится к подростку в соответствии со сложившимися внутри нее традициями.

Семья с высокой рефлексией и ответственностью. Здесь понимают, что ребенок взрослеет, что с этим надо считаться, изменяя стиль взаимоотношений. К подростку начинают относиться с учетом появившегося у него чувства взрослости. Не навязывая своего мнения, родители выражают готовность обсудить его проблемы. Главное у подростка в этот период – сохранение чувства самоуважения.

Семья отчужденная. В этой семье подростком мало интересуются, избегают общения с ним, держатся от него на расстоянии. Подросток в такой семье чувствует себя лишним. Обычно он устремляется на улицу к своим сверстникам, где ищет удовлетворения в общении. Стиль общения со сверстниками дублирует, как правило, стиль его взаимодействия в семье.

Семья авторитарная. В соответствии со сложившимся стереотипом подростку предъявляют те же, что и в детстве, требования. Нередко продолжают применять физические наказания. В этой семье подросток одинок и неуверен в себе.

Семья с попустительским отношением. В этой семье продолжает господствовать принцип вседозволенности. Подросток умеет манипулировать родителями. Эгоизм и сопутствующая ему конфликтность – основные характеристики подростков из подобных семей. Такой подросток обычно не усваивает позитивных форм общения.

Семья гиперопекающая. Ребенок вырос под пристальным вниманием и заботой родителей. Родители по-прежнему не расстаются с ним. Такой подросток неуверен в себе, инфантилен по своим социальным реакциям.

Кроме того, существуют деградирующая, неполная, приемная семья, где растет подросток. Велика вероятность принадлежности его к группе риска.

В этом возрасте сфера общения подростка начинает выходить за пределы семьи. У него появляется необходимость дифференцированного отношения к собеседнику. В связи с этим ускоряется формирование планирующей функции. Заметно развивается и экспрессивная функция, выражаемая через пара-экстра-лингвистику. Нередко подросток начинает оказывать сопротивление в отношении ранее выполняемых требований взрослых, активнее отстаивает свои права на самостоятельность. Тем не менее он испытывает потребность в поддержке взрослых, особенно в незнакомых, экстрамальных ситуациях.

Большое значение имеют единые требования, предъявляемые к подростку в семье. Сам он больше притязает на определенные права, чем стремится к принятию на себя обязанностей. Если подросток почувствует, что от него много ожидают, он может пытаться уклониться от выполнения обязанностей под прикрытием наиболее доброго взрослого члена семьи. Поэтому для освоения подростком новой системы отношений важна аргументация требований, исходящих от взрослого. Простое навязывание требований, как правило, отвергается.

Общение подростка во многом обуславливается изменчивостью его настроения. На протяжении небольшого промежутка времени оно может меняться на прямо противоположное. Изменчивость настроения ведет к неадекватности реакций подростка. Так, реакция эмансипации, проявляющаяся в стремлении высвободиться из-под опеки старших, может принимать под влиянием момента такие крайние формы выражения, как побеги из дома.

Характерным для подросткового возраста являются имитации чьего-либо поведения. Чаще имитируется поведение значимого успешного взрослого, причем в первую очередь обращается внимание на внешнюю сторону успешности.

Неудачливость в какой-либо одной области подросток стремится компенсировать успехами в другой. Часто встречаются формы гиперкомпенсации, когда для самореализации выбирается область деятельности, представляющая наибольшие трудности.

Сленг в подростковых объединениях – это языковая игра, отход от языковой нормы, карнавал, маска. Таким образом подросток пытается уйти от социального контроля, обособиться не только терри-

ториально, но и знаковыми системами. В подростковой культуре помимо сленга появляется мат. Использование матерных слов для подростка – это способ преодолеть социальные запреты, он в поисках пределов допустимого.

Важнейшей особенностью личности подросткового возраста является быстрое развитие самосознания. Он углубленно изучает себя. Изучая свои особенности, размышляя о себе в прошлом, настоящем и будущем, анализируя свои притязания в деятельности, в общении, подросток реализует свою потребность в адекватной самоидентификации.

В подростковом возрасте могут очень быстро происходить изменения, связанные с ростом организма. Многие подростки в этой связи начинают сильно нервничать, выявляя у себя элементы не состоятельности. Обычно это не осознается, но подспудно формирует напряженность, с которой трудно справиться.

Подросток достаточно легко относится к человеческим порокам и слабостям и в результате быстро приобщается к алкоголю и наркотикам.

Наиважнейшим фактором, влияющим на возникновение подросткового кризиса, является глубокая неудовлетворенность собой. Многие подростки переживают кризис в форме проявления негативизма – бессмысленном противодействии другому, немотивированном противостоянии.

Всех подростков нельзя рассматривать как единую однородную среду. Они имеют не только различное этническое и культурное происхождение, но и воспитываются в разных условиях. К негативным условиям воспитания относятся низкий уровень образования родителей, нестабильность в семье, возглавляемые женщинами семьи, работающие матери, бездомность подростков и т. п.

На развитие подростка в значительной степени влияет общество, в котором он растет. Именно в обществе подростки учатся налаживать отношения с окружающими, приспосабливаться к различным ситуациям и бороться с возникающими трудностями. Формирование личности, ее роль и будущее во многом зависят от ожиданий общества. Общественные структуры и управление развитием подростка способны как помочь им удовлетворить свои потребности, так и создать новые проблемы, стимулируя рост напряжения и разочарования. Поскольку подростки – часть общества, его будущее, обществу необходимо знать психологические особенности этого возраста, его уязвимые места, уметь эффективно управлять социализацией личности, знать, как избежать формирования

качеств личности, которые могут стать основой противоправного поведения человека.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Нестабильность социально-экономической и политической ситуации в России значительно расширяет спектр факторов, активно стимулирующих социальное сиротство. Эта категории детей нередко демонстрирует девиантное поведение.

Замедленное интеллектуальное развитие, психическая надломленность, позднее формирование навыков саморегуляции и правильного поведения детей-сирот существенно ухудшают их жизненное самочувствие. Эти явления возникают в результате эмоциональной, психической депривации.

Отсутствие основного агента социализации ребенка – семьи, образующей в нормальных условиях первичную среду общения, развития, обучения и эмоциональной поддержки, – является неустранимой особенностью развития детей-сирот.

Дети, которые попадают в детский дом не сразу после рождения, имеют негативный опыт и глубоко искаженные представления о жизни, основанные на первичной адаптации к ее «ненормальным» формам. Семьи алкоголиков, правонарушителей, наркоманов, не сумевших приспособиться к социальным требованиям, ведут образ жизни, подрывающий общественный порядок. Только по выпускникам детских домов и интернатов статистика приводит следующие данные:

- 40 % – зарегистрированные правонарушители;
- 30 % – алкоголики и наркоманы;
- 10 % – суициденты.

Но даже те, кто не входит в эти статистические показатели, как правило, с трудом могут, покинув стены сиротских учреждений, самостоятельно адаптироваться к жизни в обществе, найти в ней свое место, устроить быт, создать семью.

Сама структура сиротских учреждений, их деление по возрастным признакам, особенности проживания в них детей-сирот способствуют разрушению родственных связей, усугублению чувства одиночества, незащищенности. Это, в свою очередь, приводит к девиантному образу жизни. Необходимо принять к сведению тот факт, что для большинства выпускников сиротских учреждений характерно: неумение общаться с людьми вне учреждения, отчужденность, недоверие к людям; непонимание общественных норм, пра-

вил; слабое развитие ответственности за свои поступки; потребительское отношение к судьбе, государству, обществу; неуверенность в себе, низкая самооценка; отсутствие целеустремленности, жизненных планов; желание быть незаметным; злоупотребление алкоголем, наркотиками, но без зависимости. Это в основном ведет к формированию иждивенческой позиции по отношению ко всем окружающим. Она проявляется в следующих высказываниях: «Вы нам должны, вы нам обязаны». В результате, дети легко поддаются дурному влиянию. Все это в дальнейшем определяет их круг общения – социальную среду повышенного риска.

Именно эта категория детей становится податливым «материалом» для использования криминальными структурами. По статистическим данным, среди осужденных несовершеннолетних почти половина дети-сироты, у которых нет родственников, которым негде жить, не на что существовать.

Особую опасность приобретает тенденция распространения в детской и подростковой среде наркотиков и различных психотропных препаратов, алкоголя. Происходит увеличение числа правонарушений среди несовершеннолетних. По официальной статистике, за 5 лет в девять раз увеличилось количество подростков-наркоманов. Все чаще подростки участвуют в преступной деятельности взрослых. Криминологические исследования свидетельствуют, что более трети преступлений подростки совершают под непосредственным руководством взрослых. С участием взрослых в 2000 году совершено 45 612 преступлений, а в 1999 году – 44 041.

Затрудняющим фактором социальной адаптации воспитанников сиротских учреждений является их неконкурентоспособность на современном рынке труда, так как полученные профессии сиротами являются невостребованными. Это происходит потому, что дети-сироты вынуждены учиться и работать там, где предоставляется жилплощадь, так как ограничения с получением специальности и работы связаны с жилищной проблемой. Свыше 80 % сирот детских учреждений ориентируются на реальную ситуацию, ожидают направление в ПТУ, на работу, только 10 % мечтают о среднем специальном и высшем образовании.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что большинство сирот, являясь выходцами из люмпенизированной среды, впоследствии пополняют ее. Воспитание в государственном учреждении, изъятие ребенка из асоциальной среды, предполагающее предоставление ему возможности повышения своего статуса относительно родителей (алкоголиков, нарко-

манов, преступников), требующее огромных материальных средств, в итоге готовит «контингент» для криминальных структур.

Это свидетельствует о том, что вся система помощи данной категории детей требует качественных изменений, совершенствования методов, технологий работы с детьми, оказавшимися вне семьи.

И. В. Василенко, Е. Н. Михеева

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Деструктивными формами поведения называются формы поведения, связанные с нарушением норм, предписаний, дисциплинарных рамок.

Бытует мнение, что внедрение рыночных отношений вместо директивных приводит к снижению доли деструктивного поведения в организациях, за счет увеличения мотивированности труда сотрудников, соединения интересов и целей работников с интересами и целями предпринимателей и руководителей предприятий. Вместе с тем это идеальная модель, в реальной жизни совместимость целей работников и организации имеет различную степень, и именно с ней связано явление возникновения деструктивного поведения.

Для успешного функционирования своего бизнеса или предприятия предприниматели и руководители разрабатывают нормы организационного поведения и транслируют их на нижние уровни управления с помощью формализации в определенных документах: стандартах, положениях, должностных инструкциях и процедурах. Однако большинство норм, которыми руководствуются сотрудники, объединенные в коллективы, носят неформальный характер. От того, насколько формальные и неформальные нормы совместимы, зависят эффективность коллективной работы, потенциал совместной деятельности.

Деструктивные формы поведения возникают в следующих вариантах: неконформизм в коллективе; афункциональные формы; консервативное поведение; имитационное поведение; девиантное поведение; индивидуальный и групповой эгоизм; деградивные коллективные формы поведения; административно-управленческое злоупотребление; дезорганизационные формы управленческого поведения; криминологические формы предпринимательского поведения.

Нонконформизм в коллективе в условиях рынка часто возникает в связи с необходимостью для работника «держаться» за данную работу всеми возможными способами ради получения зарплаты. Такая ситуация порождает «мимикрию», состояние, когда работник, внутренне не соглашаясь с принятыми в организации и коллективе нормами, внешне демонстрирует подчинение им. Такое поведение характеризуется непредсказуемостью, скрытой агрессией и отсутствием мотивации на труд и преданность организации.

Афункциональные формы поведения возникают в случае, когда сотрудник находится не на своем месте, является некомпетентным работником. Такое поведение приводит к снижению эффективности работы коллектива и организации, препятствует использованию преимуществ совместной работы. Появление этой формы деструктивного поведения является логическим следствием использования «неформальных связей» (родственных, по звонку административных лиц и т. д.) при отборе и оценке персонала.

Консервативное поведение является антиподом инновационному поведению и возникает в случае использования традиционных форм управления и организации на предприятии, а также в результате недостаточно эффективной политики в сфере подбора и развития персонала.

Имитационное поведение демонстрируется тогда, когда истинные эгоистические цели камуфлируются псевдоактивностью. Причиной является отсутствие целенаправленной стратегии и тактики управления персоналом, отсутствие научно обоснованной системы оценки кадров.

Девииантные формы поведения проявляются в преступлениях, алкоголизме, наркомании, мошенничестве. Они порождаются перечисленными выше причинами.

Индивидуальный и групповой эгоизм. Деструктивные формы поведения работников в организации, базирующиеся на принципе эгоизма, характеризуются заботой человека или группы о себе самом, постановкой своих интересов выше интересов других людей, коллективов, организаций. Появление этой формы поведения объясняется характером сформировавшейся в организации культуры, которую зачастую порождают сами руководители. Изменение связано с конструированием соответствующих целей и миссии организации целей, ценностей и норм.

Дегривные формы поведения – есть результат создания определенного коллективного образца поведения, не способствующе-

го продуктивной деятельности, а приводящего к девиантному поведению сотрудников организации.

Административно-управленческое деструктивное поведение – злоупотребление руководителями и менеджерами в личных целях своими правами и полномочиями, их превышение, невыполнение своих обязанностей.

Дезорганизационные формы управленческого поведения проявляются в его несоответствии ожиданиям, моральным и правовым требованиям общества. Эти формы поведения связаны с отсутствием контроля со стороны государства над деятельностью предпринимателей и частных собственников, а также с низким уровнем предпринимательской культуры, с отсутствием этических оснований при конструировании поведенческих образцов.

Криминологические формы предпринимательского поведения характеризуются мошенничеством, хищением ценностей, разграблением предприятия и т. д. Мошенничество порождено теми же причинами, что и дезорганизованные формы управленческого поведения.

Для управления организационным поведением и снижением уровня деструктивного поведения должна быть создана система специальных контрольных органов в фирме, а также сформирована специальная организационная культура, в основу которой необходимо заложить ценности, нормы и этические принципы, способные обеспечить проявление конструктивных форм поведения взамен деструктивных.

К. А. Радовицкий

ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

В настоящее время уже мало кто не согласится с тем фактом, что Россия переживает в последние годы едва ли не самую драматичную эпоху в своей тысячелетней истории.

В 2003 году исполняется 12 лет, как Российская Федерация встала на путь проведения либеральных социально-экономических и политических реформ. Результаты такого рода реформирования – системный кризис нашего общества: криминализация общественных отношений, депопуляция, духовная деградация, бедственное положение подавляющей части населения. В силу непонимания объекта реформирования, поверхностного его анализа, механический перенос

западных принципов общественного устройства оказался для России, специфичной по своим социокультурным и природно-географическим характеристикам, не просто не эффективен – курс реформ завел российское общество в тупик. Их разрушительный характер отмечают не только российские, но и многие зарубежные эксперты, например М. Тэтчер, которая, анализируя нынешнее состояние нашей страны, отмечает, что «Россия больна и в настоящее время, без преувеличения, умирает»¹.

К сожалению, в свете этого остается еще раз убедиться в мудрости величайшего французского мыслителя М. Монтеня, который 400 с лишним лет назад отмечал: «Если хочешь завалить свой дом – начни его перестраивать»².

Объективными результатами таких реформ стали рождение классового противостояния предпринимателей, в основной своей массе криминализированных, и многомиллионного населения бедных и нищих, духовный кризис, вызванный повальной переоценкой ценностей, психологический и идеологический вакуум. Все это с неизбежностью рождает озлобленность и отчаяние, которые в свою очередь приводят к росту преступности до уровня, позволяющего констатировать, что нынешняя криминальная ситуация в России – качественно новое явление и по масштабу, и по степени разрушительного влияния на жизнедеятельность граждан, функционирование и безопасность государства.

Проблема преступности на сегодняшний день является одной из главных проблем, стоящих перед нашим обществом. Фактический ее уровень мешает не только нормальному функционированию всех социальных институтов. «Масштабы и темпы роста преступности сделали ее одним из основных факторов, препятствующих осуществлению социальных реформ, порождающих у граждан чувство тревоги за свою жизнь и благополучие, снижающих доверие к органам власти и управления, к проводимой государственной политике»³.

Проводя реформы, государство не создало механизма, препятствующего распространению преступного образа жизни и его последствий на население, с одной стороны, и не создало защитного механизма от опаснейшей тенденции проникновения криминала во власть – с другой. Эти два просчета реформ на практике создали

¹ Тэтчер М. Искусство управления государством. М., 2003. С. 112.

² Монтень М. Опыты. М., 1999.

³ Криминогенная ситуация в России на рубеже 21 века / Под общ. ред. А. И. Гурова. М., 2000. С. 72.

следующую объективную картину нашего общества. Обратимся к статистике.

Жертвы криминального террора ежегодно исчисляются многими десятками тысяч. Характерна и определенная динамика роста преступности. Так, например, число убийств в России в 1990 году составило 14,3 тыс. человек, в 1998 году – 23 тыс., а в 2001 году – 29,8 тыс. человек. В 2001 году число пропавших без вести при криминальных обстоятельствах превысило отметку в 100 тыс. человек¹. Если в 1999 году убийства составляли 1,04 % всех преступлений, а преступления, связанные с причинением тяжкого вреда здоровью, – 1,59 %, то в 2000 году убийства составили уже 1,28 % всех преступлений, а преступления, связанные с причинением тяжкого вреда здоровью, – 2,31 % всех преступлений. Почти каждое третье преступление (30,1 %) совершается лицами, ранее совершавшими преступления². По данным МВД РФ, только за период с января по октябрь 2003 года зарегистрировано 821 141 тяжкое и особо тяжкое преступление.

На деле государство не может гарантировать своим гражданам безопасность. В свою очередь, согласно исследованиям аналитического центра ИСПИ РАН, доля респондентов, считающих, что государство не обеспечивает их личной безопасности, в 1995–2002 годах колебалась в пределах 89–92 %³.

Что касается тенденции проникновения криминала во власть, то многие эксперты⁴ склонны говорить об объективной опасности прихода к власти в государстве криминальных структур. Для страны, обладающей огромным, в том числе и ядерным, потенциалом, это не просто смертельно опасно для населения, это – реальная угроза национальной безопасности. К сожалению, приходится констатировать, что данный губительный процесс уже начался: в журнале «Национальная безопасность» отмечается, что «30 % членов Государственной Думы РФ являются членами банд организованной преступности»⁵.

Объективно оценивая политические реалии нашего времени, приходится в полной мере солидаризироваться и с мнением, что

¹ См.: Реформирование России: реальность и перспективы. М., 2002. С. 94.

² См.: Изменяющаяся Россия: вызовы и возможности. Т. 2. М., 2003. С. 219, 529.

³ См.: Там же. С. 219.

⁴ См.: Романенко М. В. Отклоняющееся поведение: социологические проблемы // Ломоносовские чтения – 2003: Сб. науч. докл. / Редкол.: В. И. Добренев и др. М., 2003. С. 361.

⁵ Национальная безопасность. 2002. № 1–2. С. 12.

«некоторые из законов, вносимых на обсуждение законодательных органов разного уровня, в частности законопроекты, направленные на смягчение системы уголовных наказаний, явно инспирированы криминальной средой»¹. Это поднимает, в свою очередь, еще одну немаловажную проблему – адекватности наказания преступлению. Усилению этого несоответствия способствует в отрицательном смысле политика подражания многим странам Европы в части смягчения системы наказания за уголовные преступления, так называемая гуманизация уголовного законодательства и правоохранительной системы в целом. Это происходит на фоне фактического отсутствия принципа неотвратимости наказания, а тот факт, что Россия занимает первое место в мире по количеству умышленных убийств, делает такое смягчение просто недопустимым.

Важным и актуальным является вопрос и о предельных масштабах, величинах преступности, перейдя которые ни государство, ни общество уже не могут противодействовать этому социальному явлению, контролировать его. Если солидаризироваться с расчетами академика Г. В. Осипова², то Россия этот предел уже перешла: количество преступлений на 100 тыс. населения в 2002 году составило 6–6,5 тысяч (с учетом латентной преступности) при предельно-критическом значении в мировой практике в 5–6 тысяч. Социально-политические и экономические последствия этого – тотальная криминализация общественных отношений.

Подводя итог, отметим, что государство оказалось не готово к такой эскалации преступности всех видов. Предпринять на данном этапе какие-либо конструктивные меры, направленные против этого явления оно по ряду причин не в состоянии. В связи с этим уместно напомнить слова одного заключенного, участвовавшего в дискуссии вокруг нашумевшего интервью А. И. Гурова, тогда полковника милиции и начальника 6 управления МВД СССР, в «Литературной газете»: «Да, лев прыгнул, но на этот раз ваша обойма оказалась пустая...».

¹ Добренков В. И. Российское общество: современное состояние и перспективы (от социологии кризиса к социологии надежды). М., 2003. С. 10.

² См.: Осипов Г. В. Российская социология в 21 веке. М., 2003. С. 129.

Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. В. Купряхин

СУД И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

В правовом государстве важен независимый, свободный от политической и идеологической предубежденности суд, выступающий гарантом законности и справедливости. В последние годы достигнуты серьезные успехи в развитии судебной системы. Однако проблем немало. Это и дальнейшее совершенствование судебной системы, сам судейский корпус, его квалификация и профессионализм, организационные вопросы и др. В настоящее время суды общей юрисдикции выполняют огромный объем работы в неблагоприятных условиях.

Из года в год возрастает число дел, жалоб и материалов, поступающих для судебного рассмотрения. Этот объем работы выполняет относительно небольшое число судей. Служебная нагрузка многих из них более чем в два раза превышает нормы. Опубликованные итоги рассмотрения обращений граждан в суды свидетельствуют о том, что при рассмотрении в судах трудовых, жилищных дел, вопросов, связанных с неприкосновенностью личности, социальным обеспечением и предоставлением установленных законом льгот, не в полной мере гарантируется судебная защита прав человека.

По данным Главного управления организационно-правового обеспечения деятельности судов Судебного департамента при Верховном Суде России, в районных судах с нарушением процессуальных сроков разрешается каждое четвертое уголовное дело. В верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов с нарушениями процессуальных сроков разрешается по

первой инстанции каждое четвертое уголовное дело. Нарушение судами процессуальных сроков носит распространенный характер. На начало 2003 года ожидали судебного производства от одного до трех месяцев 23,2 тыс. человек, более семи месяцев – 3,3 тыс. лиц, содержащихся по стражей. В следственных изоляторах содержатся лица, расследование дел в отношении которых давно закончено. Многие из них привлекаются к ответственности за преступления небольшой тяжести. Ведомственный контроль за сроками рассмотрения дел судами первой и второй инстанции ослаблен. Такая ситуация противоречит ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым каждому гарантируется судебное разбирательство дела в разумные сроки.

Немало жалоб поступает на нарушение судами сроков рассмотрения трудовых споров. По действующему законодательству дела по требованиям, вытекающим из трудовых правоотношений, должны рассматриваться судом не позднее чем через 10 дней, однако этот срок часто не соблюдается, нарушая права человека.

Для успешного продолжения судебной реформы необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, необходимо решить вопрос о надлежащем финансировании, одновременно качественно улучшая состав судейского корпуса. Назрел вопрос о целесообразности изменения состава квалификационных коллегий судей. В их состав возможно введение представителей юридической общественности, правозащитников.

Необходимо принять меры по повышению уровня профессиональной культуры и профессиональной подготовки судей и судебного персонала, судебных приставов. Для обеспечения доступа граждан к правосудию необходимо поднять роль мировых судей, наиболее приближенного к населению звена судебной системы. В настоящее время почти во всех субъектах России созданы необходимые условия для работы мировых судей, которые способны более оперативно решать проблемы защиты прав человека.

К усилению судебной защиты прав граждан должно привести введение судопроизводства с участием присяжных заседателей на всей территории России. Последовательное учреждение суда присяжных во всех субъектах Федерации вместе с введением института мировых судей и повышения качества правосудия в целом позволит преодолеть имеющееся недоверие населения к судам, станет еще одним шагом на пути формирования правового государства. В на-

чале XXI века должна стоять задача создания нового образа судов. К сожалению, многими россиянами суды воспринимаются как репрессивные органы. Необходимо показать, что суд – главный, надежный правовой гарант прав и свобод человека и гражданина. Во всех цивилизованных странах суд – это орган, куда люди идут, зная, что он рассмотрит возникший спор, защитит честь, достоинство, имущество, поможет людям. Перед государством в настоящее время стоит большая проблема, связанная с правовым воспитанием нашего общества.

Многие правозащитники обращаются к Президенту России с просьбой о целесообразности разработки федеральной целевой программы правового просвещения общества в области прав и свобод человека и гражданина.

Важным инструментом повышения качества правосудия могло бы служить создание кафедр прав человека и включение в программу высших юридических учебных заведений, осуществляющих подготовку и переподготовку кадров судебных, прокурорских и следовательских работников, специализации «Права человека».

Я. С. Помещикова

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ (социологический анализ)

XXI век – «век информации». Происходит становление и развитие информационных обществ.

Что представляет из себя информационное общество?

Мир можно представить разделенным на три типа социальной организации.

Первый из них – доиндустриальный. Это, прежде всего, добывающие виды хозяйственной деятельности: земледелие, извлечение полезных ископаемых, рыболовство, заготовка леса. Д. Белл определял стадию развития человечества как «взаимодействие человека с природой».

Второй тип социальной организации – индустриальный. Это фабричное хозяйство, основанное на приложении энергии к машинам для массового производства товаров. Труд, на этой стадии, представляет собой взаимодействие с искусственной природой: соединение людей с машинами.

Третий тип – постиндустриальное общество. Это деятельность, связанная в первую очередь с обработкой данных управлением информацией. Эту стадию развития человека Д. Белл определил как «взаимодействие людей друг с другом».

Д. Белл отмечал: «... если индустриальное общество основано на машинной технологии, то постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной. И если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знание – основа общества постиндустриального»¹.

С точки зрения Д. Белла, роль сельского хозяйства и промышленности будет неуклонно падать при возрастании значения и расширения сферы информационной индустрии. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, разворачивается одновременно со становлением постиндустриального общества. Три аспекта постиндустриального общества особенно важны для понимания телекоммуникационной революции: переход от индустриального к сервисному обществу; решающее значение кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических инноваций; превращение новой «IQ технологии» в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений².

Другой исследователь современности Г. М. Макклюзен при рассмотрении информационного общества акцентировал свое внимание на абсолютизации роли информационно-технических средств в социокультурном процессе. Все революционные сдвиги в обществе, культуре, психологии человека детерминируются техническими средствами, организующими информационные связи. Одно из главных технических средств в информационном обществе – телекоммуникация, которая выступает как способ организации реальности социальной или культурной.

М. Кастельс в книге «Информационная эпоха» выделяет следующие черты информационного общества:

1. Источник производительности и роста находится в знании, распространяемом через обработку информации.
2. Главный акцент делается на представлении услуг населению (а не на производстве товаров).

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. 253.

² См.: Там же. С. 335.

3. В информационном обществе растет значение профессий, связанных с информацией¹.

В качестве важной черты информационного творчества он определял доминирование не информации и знания, а изменение направления их использования. «Новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общества организуют свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения»². То есть центрами власти становятся умы людей. Анализ имеющихся концепций позволяет сделать следующие выводы.

Итак, информационному обществу присущи следующие признаки.

1. Информация становится наиболее значимым стратегическим ресурсом³.

2. Основу инфраструктуры государства формирует телекоммуникационная структура (информационный фетишизм (Г. М. Макклун); теория информационного общества (Д. Белл); концепция общества сетевых структур (М. Кастельс).

3. Существует высокоразвитая информационная сфера⁴.

Информационные процессы лежат в основе эволюционных изменений в мире. Информация играет ключевую роль в формировании общественных и государственных институтов и в жизни каждого человека.

В период перехода стран и континентов к условиям информационного общества огромное значение имеют вопросы его правового регулирования.

В настоящее время в России право как механизм регулирования общественных отношений в информационной сфере отстает от темпов наступления новых информационных технологий на государство и общество. А современные реалии перехода к условиям информационного общества требуют скорейшего регулирования таких отношений и уско-

¹ См.: Кастельс М. Информационная эпоха, общество и культура. М., 2000. С. 201.

² Там же. С. 322.

³ См.: Информационное общество. Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность. СПб., 1999.

⁴ См.: Грабеньников А. А. О российской государственной идеологии и государственной политике // Вестник Московского ун-та. Сер.10. Журналистика. 1998. № 6; Демократия России и информационная безопасность // Проблемы информатизации. М., 1995. Вып. 2–3; Скворцов Л. В. Информационная культура и национальная безопасность // Организация и методика информационной работы. 1997. № 9; Семенюк Э. Л. Развитие информационного пространства и прогресс общества // Научно-техническая информация. 1997. № 1.

ренного формирования отрасли информационного права как правового фундамента информационного общества.

В отечественной литературе применяются разные термины: «программное право», «правовая информатика», «право информатики», «компьютерное право», «информационно-компьютерное право» и, наконец, «информационное право» (см. работы А. Б. Агапова, Ю. М. Батурина, И. Л. Бачило, А. Б. Венгерова, В. А. Копылова, М. М. Рассолова и др.).

Анализируя работы авторов, предлагающих эти термины, можно прийти к выводу, что они выбираются, исходя из объектов, по отношению к которым или в связи с которыми возникают общественные отношения, подлежащие правовому регулированию. То есть в программном праве в основе лежит объект – программные средства для обработки информации на ЭВМ, в компьютерном праве – компьютер, в праве информатики – наука информатика, в информационно-компьютерном праве – два объекта – информация и компьютер и, наконец, в информационном праве основным объектом правоотношений выступает информация.

Думается, что наиболее полным и соответствующим существу отношений, возникающих в связи с производством, обработкой, передачей, распространением, поиском, получением, потреблением информации, следует считать термин «информационное право». Основным объектом, по поводу которого возникают общественные отношения, подлежащие правовому регулированию в рассматриваемой области, является именно информация, а не средства ее обработки и изучения.

Наиболее полным с этой точки зрения можно считать следующее определение информационного права: «Под информационным правом будем понимать комплексную отрасль права, представляемую системой охраняемых силой государства социальных норм и отношений (информационных отношений), возникающих в информационной сфере – сфере производства, преобразования и потребления информации»¹.

В настоящее время наша страна строит сильное правовое государство. Немаловажную роль в этом играет становление и развитие информационного законодательства, обеспечивающее защиту личности, общества, государства в новом информационном веке. Необходимо помнить, что там, где нет закона, нет и самого государства.

¹ Нестеров А. В. Некоторые соображения по поводу «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Научно-техническая информация. 2001. № 4.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

С целью разрешения вопроса о существовании информационного права как отрасли права обратимся к общим положениям теории права.

Отрасль права является структурным элементом системы права (наряду с подотраслью права, институтом права, субинститутом права).

Отрасль права представляет собой обособившуюся внутри системы права совокупность однородных правовых норм, регулирующих определенную область (сферу) общественных отношений определенным методом.

По мнению Н. И. Матузова, для образования самостоятельной отрасли права имеют значение следующие условия:

- степень своеобразия тех или иных отношений;
- их удельный вес в общей массе социальных отношений;
- невозможность урегулировать возникшие отношения с помощью норм других отраслей права;
- необходимость применения особого метода регулирования¹.

Системообразующими факторами отрасли права выступают предмет и метод правового регулирования.

Н. И. Матузов в структуру предмета включает следующие элементы: субъекты – индивидуальные и коллективные; их поведение, поступки, действия; объекты (предметы, явления) окружающего мира, по поводу которых люди вступают во взаимоотношения друг с другом и к которым проявляют свой интерес; социальные факты (события, обстоятельства), выступающие непосредственными причинами возникновения или прекращения соответствующих отношений².

С учетом названных элементов предметом отрасли права следует считать весь круг отношений, подпадающих под действие совокупности однородных правовых норм.

Под методом правового регулирования понимают определенные приемы, способы, средства воздействия права на общественные отношения.

¹ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 396.

² См.: Там же. С. 399.

Мы присоединяемся к утверждению Н. И. Матузова, что метод правового регулирования произведен от предмета правового регулирования и не имеет самостоятельного значения¹.

Все отрасли права регулируют общественные отношения посредством сочетания императивного и диспозитивного метода, с преобладанием того или иного в зависимости от предмета правового регулирования.

В настоящее время существует тенденция выделения комплексных отраслей права и создания кодифицированных актов по соответствующим отраслям. Так, некоторые авторы выделяют медицинское, информационное и другие отрасли права.

По мнению О. Ю. Сидоровой, идея создания информационного права как комплексной отрасли права лишена обоснованности, поскольку эта отрасль не имеет основных элементов теоретической конструкции: предмета и метода правового регулирования.

Информационное право не имеет своего предмета правового регулирования, поскольку различные информационные отношения, т. е. отношения по поводу создания, распространения и потребления информации, включены в предметы правового регулирования отдельных отраслей публичного и частного права: конституционного, административного, уголовного, трудового, гражданского права.

В этом смысле информационные отношения ничем не отличаются от имущественных или, например, отношений по поводу объектов авторских и патентных прав, которые также выступают частью предмета правового регулирования отдельных отраслей права и не претендуют на формирование «собственной» отрасли.

Формирование информационного права нарушит сложившуюся систему отраслей права, их согласованность между собой, а также внутреннюю структуру каждой отрасли².

Исходя из подхода О. Ю. Сидоровой к пониманию критериев выделения отдельных отраслей права, следует исключить из перечня отраслей права многие комплексные отрасли права (экологическое, земельное право и др.), предметом правового регулирования которых являются как административные, так и гражданско-правовые отношения.

¹ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 399.

² См. об этом: Сидорова О. Ю. Информация как объект абсолютных и относительных гражданских правоотношений: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 63.

В. А. Копылов придерживается несколько иной точки зрения и считает, что «информационное право» так именуется исходя из основного объекта, в связи с которым возникают общественные отношения, подлежащие правовому регулированию (по аналогии с такими отраслями права, как, например, лесное, водное, аграрное, предпринимательское, экологическое право и т. п.). В основе наименования данных отраслей также лежат объекты правоотношений – лес, водоемы, аграрное производство, предпринимательство и т. п.¹

Предметом информационного права, по мнению В. А. Копылова, являются информационные отношения, т. е. отношения, возникающие при осуществлении информационных процессов – процессов производства, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, передачи, распространения и потребления информации².

Спорным представляется мнение Ю. А. Тихомирова, который относит информационное право к публичному праву³, таким образом исключая значительный круг информационных отношений, урегулированных гражданским правом.

М. М. Рассолов⁴ и И. Л. Бачило⁵ также рассматривают «информационное право» как отраслевую юридическую науку.

Так, по мнению М. М. Рассолова, информационное право, несмотря на то что некоторые его нормы применяются в других отраслевых юридических науках, широко использует эти нормы в ходе правового воздействия на информационные отношения и одновременно является самостоятельной отраслевой правовой наукой и наукой о нормативно-правовой информации⁶.

Мы считаем, что любая комплексная отрасль права, включая информационное право, не является отраслью права в «чистом» виде, но имеет право на существование как отрасль законодательства и как учебная дисциплина по ряду причин:

– позволяет подвергнуть упорядочению действующие правовые нормы, регулирующие отношения, возникающие при осуществлении информационных процессов;

¹ См.: Копылов В. А. Информационное право: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 83.

² См.: Там же. С. 87.

³ См.: Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. С. 339.

⁴ См.: Рассолов М. М. Информационное право. М., 1999. С. 10.

⁵ См.: Бачило И. Л. Информационное право. Роль и место в системе права Российской Федерации // Государство и право. 2001. № 2. С. 14.

⁶ См.: Рассолов М. М. Указ. соч. С. 16.

- в связи со спецификой информации как объекта правовых отношений;
- в связи с развитием информационного общества, увеличением значимости и усложнением информационных отношений;
- облегчает изучение соответствующего законодательства в образовательных учреждениях юридического профиля.

Я. С. Матковская

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПАТЕНТОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Организация институтов защиты интеллектуальной собственности осуществляется на основе патентной системы. Действие патентной системы представляет собой реализацию прав собственности на инновационную технологию и означает монопольные преимущества ее владельца в краткосрочном периоде. Антимонopolное регулирование обращения инновационных технологий со стороны государства требует адекватных стимулов для сферы ее создания. Поэтому целью патентной системы является достижение рыночного равновесия, которая функционирует посредством наделения временными правами собственности на инновационную технологию. По окончании этого периода собственность на нее обобществляется. Таким образом достигается компромисс между стимулированием процесса воспроизводства инновационных технологий и справедливым ценообразованием (общественным требованием общедоступности по ценам, не превышающим затраты на ее передачу¹).

Известно, что основными задачами патентной системы являются:

- 1) обеспечение отдачи от созданной инновационной технологии;
- 2) закрепление прав собственности, а также защита создателей и потребителей инновационной технологии;
- 3) обеспечение общественной функции интеллектуального развития;
- 4) стимулирование экономических агентов к экономическому росту и развитию;
- 5) обеспечение стратегической безопасности государства и его производителей.

¹ См.: Хэй Д., Моррис Д. Теория организации промышленности: В 2 т. / Пер. с англ.; Под ред. А. Г. Слуцкого. СПб., 1999. Т. 2. С. 547.

С появлением так называемой новой экономики в обществе возникла полемика по поводу соответствия существующей патентной системы технологиям Интернета. Основными причинами возникшей проблемы стало следующее:

Во-первых, большое количество нарушений в использовании торговых марок и распространения технологий (только за первую половину 2000 г. объем обращений в судебные органы вырос в семь раз¹).

Во-вторых, возникает несоответствие, связанное с патентованием традиционных экономических процессов, осуществляемых при помощи Интернета (например, покупка в Интернете принципиально не отличается от покупки в магазине, однако она была запатентована). Таким образом, усиление тенденций патентования традиционных процессов, обладающих определенной степенью новизны, только в пределах Интернета ведет к ограничению прав активных участников, – это вызывает «лицензионную гонку», что препятствует конкуренции.

В-третьих, появилась позиция, состоящая в том, что Интернет является зоной свободного обращения информации, а патенты препятствуют этому.

В связи с вышеуказанным, в обществе возникли две основные позиции.

Первая состоит в том, чтобы исключить распространение действия патентной системы на Интернет-технологии. Она обосновывается тем, что патентное законодательство препятствует технологическому прогрессу. Безусловно, патентная система создает временную технологическую монополию, однако нельзя не учитывать тот факт, что при беспрепятственном тиражировании технологий у их производителей теряется мотивация к созданию, следовательно, нарушаются основополагающие условия функционирования рынка инновационных технологий.

Другая позиция занята радикальными представителями защиты прав на интеллектуальную собственность.

Мы полагаем, что, несмотря на достаточную обоснованность взглядов, обе позиции не способны решить ключевой вопрос: обеспечение инновационного и инновационно-технологического развития экономической системы. На самом деле оптимальное решение должно находиться между этими позициями, должно урегулировать отношения между оппонирующими сторонами. Поэтому вопросы о

¹ См.: Хорошавина Н., Осокин А. Технологическое право // Эксперт. Приложение Эксперт-Интернет. 2000. № 28. С. 2.

реформировании системы защиты интеллектуальной собственности становятся актуальными. Одним из возможных механизмов новой системы, ориентированной на Интернет, на наш взгляд, должны стать:

1) более глубокая экспертиза и формирование законодательно оформленных критериев инновационности;

2) сокращение сроков патентовладения;

3) формирование отдельной системы требований к патентованию. Как, например, отмечает Дж. Безос, владелец одного из крупнейших магазинов в Интернете Amazon.com, «реформа позволит повысить качество выдаваемых патентов, уменьшится поток желающих их получать»¹.

Указанные механизмы позволят более четко структуризировать поступающие заявки, защищать права собственности тех агентов, которые запатентовали технологии, действующие за пределами сети Интернет, а также дать возможность развиваться Интернет-технологиям.

В. П. Попов

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СТАЛИНГРАДСКИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В 1930 – 1941 ГОДАХ

Коренные перемены в организации и деятельности органов борьбы с преступностью, происходящие сегодня в России, поднимают ряд актуальных вопросов, связанных с необходимостью оптимизации всех структур, связанных с обеспечением законности и прав человека в демократическом государстве.

До настоящего времени опыт по организации и деятельности органов внутренних дел, а также структур, осуществлявших их функции как в центре, так и на местах, достаточно полному и объективному обобщению в науке подвергнут не был. Это является существенным пробелом в изучении истории государства и права России советского периода. Прошлый опыт может быть использован в практических целях сейчас и в будущем (в том числе в условиях реформирования нынешних органов МВД России). Изложенные обстоятельства придают рассматриваемой проблеме особую

¹ См.: www.amazon.com.

актуальность, поскольку ее разработка направлена на то, чтобы избежать ошибок, имевших место в прошлом, и вместе с тем использовать позитивный опыт.

15 декабря 1930 года НКВД союзных и автономных республик были ликвидированы. 31 декабря того же года ВЦИК и СНК приняли постановление «О мероприятиях, вытекающих из ликвидации Наркомвнудела РСФСР и Наркомвнуделов автономных республик», которым на созданное при СНК РСФСР Главное управление милиции и уголовного розыска были возложены:

- 1) руководство и управление органами милиции и уголовного розыска;
- 2) охрана общественного порядка и безопасности;
- 3) охрана личной безопасности граждан, их прав и имущества;
- 4) охраны государственного и общественного имущества, специальная охрана имущества учреждений и предприятий, имеющих государственное значение;
- 5) борьба с преступностью и производство расследований преступлений в пределах, указанных УПК РСФСР;
- 6) руководство приведением в исполнение судебных приговоров, организация ссылки без принудительных работ, учет высылаемых и ссылаемых;
- 7) оказание содействия государственным органам в проведении установленных законом повинностей;
- 8) подготовка кадров милиции и уголовного розыска.

Согласно этому постановлению местные административные отделы (управления) реорганизовывались в управления милиции и уголовного розыска, действовавшие на правах отделов исполкомов соответствующих Советов.

Одновременно с названным Постановлением от 15 декабря 1930 года ЦИК и СНК СССР приняли секретное постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска». На основании этого постановления ОГПУ СССР и его местные органы получили право не только назначения, перемещения и увольнения руководящих работников органов уголовного розыска и милиции, их инспектирования и контроля, но и использования в своих целях гласного состава и негласной сети милиции и уголовного розыска, их возможностей в области дактилоскопии и фотографии.

В конце 1931 года подобные взаимоотношения милиции и органов ОГПУ были легализованы путем создания в составе ОГПУ СССР Главной инспекции по милиции и уголовному розыску. Таким

образом, была обеспечена строгая централизация руководства милицией, ослабление ее связей с органами власти различного уровня.

Столь существенные изменения в системе органов милиции позволили подвести под строительство милиции единую правовую базу в масштабе всей страны. 25 мая 1931 года СНК СССР утвердил первое общесоюзное Положение о рабоче-крестьянской милиции. Оно установило, что ее центральными органами являлись главные управления милиции союзных республик, созданные при совнаркомах, а местными – районные, городские, краевые и областные управления милиции, а также управления милиции автономных республик.

Подобное Управление рабоче-крестьянской милиции вначале было организовано в Саратове, являвшемся к тому времени административным центром Нижне-Волжского края, включавшего помимо прочих и Сталинградский округ. 10 января 1932 года центр Нижне-Волжского края был перенесен из Саратова в Сталинград¹. На 15 июля 1934 года в крае насчитывалось 35 районов.

Главная задача рабоче-крестьянской милиции, согласно названному Положению, состояла в том, чтобы охранять революционный порядок и общественную безопасность. «Рабоче-крестьянская милиция, – говорилось в Положении, – наблюдает за проведением в жизнь законов и распоряжений центральных и местных органов власти, регулирующих революционный порядок и общественную безопасность, ведет борьбу с преступностью и расследует дела о преступлениях, охраняет государственное и общественное имущество, а также личную безопасность граждан и их имущество».

4 октября 1931 года Совнарком РСФСР утвердил положение о Главном управлении рабоче-крестьянской милиции при СНК РСФСР. В этих правовых актах организационная связь милиции с ОГПУ еще не легализовывалась. Однако уже 27 декабря 1932 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при Объединенном Государственном Политическом управлении (ОГПУ) Союза ССР». Тем самым впервые был создан общесоюзный центральный орган отраслевого управления, на который возлагалось общее руководство милицией всей страны. Одновременно ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о Главном управлении рабоче-крестьянской

¹ См.: Государственный архив Волгоградской обл. (ГАВО). Ф. 313. Оп. 1. Д. 68. Л. 258.

милиции при ОГПУ СССР. В нем подробно регламентировались права и основные обязанности общесоюзного милицейского главка.

10 июля 1934 года согласно постановлению ЦИК СССР был создан союзно-республиканский Народный комиссариат внутренних дел. В подчинение ему передавались органы государственной безопасности и милиции. На НКВД СССР были возложены следующие обязанности:

- 1) обеспечение революционного порядка и государственной безопасности;
- 2) охрана социалистической собственности;
- 3) запись актов гражданского состояния;
- 4) пограничная охрана.

Согласно Постановлению Правительства и приказам Наркомата внутренних дел СССР во всех союзных республиках, кроме РСФСР, были образованы республиканские НКВД. В РСФСР республиканский Наркомат внутренних дел не создавался, а был учрежден институт уполномоченного НКВД СССР. В автономных республиках, краях и областях были образованы Управления НКВД.

10 января 1934 года ЦИК СССР принял постановление «О разделении Нижне-Волжского края на Саратовский и Сталинградский края». В 1936 году, после принятия Конституции СССР, Сталинградский край был преобразован в Сталинградскую область. Согласно этим преобразованиям, было организовано Управление НКВД сначала Сталинградского края, а затем области.

В заключение необходимо отметить, что ряд важных аспектов организационных и правовых основ деятельности органов внутренних дел на территории Нижнего Поволжья и Сталинградской области до настоящего времени остаются неисследованными. Их изучение позволит объяснить многие казусы юридической практики Советского государства, которые не утратили своего значения и поныне. Научная разработка данной темы имеет большое значение как для воссоздания объективной истории отечественного государства и права, так и для деятельности органов МВД России нашего времени.

А. И. Бортенев, Т. К. Сацкевич

**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАЗДЕЛЕНИЯ
ВЛАСТЕЙ**

Сравнительно-правовой анализ действующих конституционных актов современных демократических государств позволяет обнаружить в их содержании нормативно закреплённую сложную теоретико-юридическую конструкцию, которую в науке принято обозначать как правовое государство.

Ее появление в теории было вызвано необходимостью определить существенные признаки облика «государства будущего», фиксирующие изменения в содержании его деятельности.

Продолжая играть доминирующую роль в позитивном урегулировании общественных отношений, по-прежнему оставаясь «относительно централизованным правопорядком»¹, государство в то же время должно было утратить характер самодостаточной корпорации, подчинить свою деятельность интересам общества и личности в рамках строго регламентированных законом процедур, соблюдение которых находится под контролем гражданского общества.

Таким образом, категория «правовое государство» – не плеоназм, она может быть использована, по выражению Г. Кельзена, для обозначения «особого типа государства, а именно такого, который отвечает требованиям демократии и правовой безопасности»².

Иными словами, государство из назойливого опекуна постепенно превращается в равноправного партнера, как для общества, так и для личности, изменяя приоритеты в своем развитии в их пользу. Такие изменения в содержании деятельности государства зависят не от произвольного усмотрения каких-либо должностных лиц, а происходят в силу объективных социальных закономерностей, подкреплённых действием демократических правовых институтов и механизмов.

Важнейшим критерием, указывающим на наличие процессов формирования правового государства, является конституционное возложение на государство обязанностей по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

Однако недостаточно просто закрепить такие нормы в конституции, необходимо решить еще более сложную проблему – обеспечения их действия в юридической практике. Эту проблему достаточно четко обозначил Ш. Монтескье. Он писал: «Когда я приезжаю в страну, я интересуюсь не тем, есть ли там хорошие законы, а тем,

¹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. переводов / Под ред. В. Н. Кудрявцева, Н. Н. Разумовича. Вып. 2. М., 1988. С. 112.

² Там же. С. 146.

исполняются ли те, которые есть, так как хорошие законы имеются везде»¹.

Непременным условием реального соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина со стороны государства является наличие детально сконструированных и нормативно обеспеченных юридических процедур и механизмов.

В правовой науке к их числу вполне обоснованно относят разделение властей как один из механизмов ограничения государственной власти в связи с необходимостью соблюдения этих прав и свобод. О важности таких механизмов писал еще Б. А. Кистяковский. Он утверждал: «Основной принцип правового или конституционного государства состоит в том, что государственная власть в нем ограничена. В правовом государстве власти положены определенные пределы, которые она не должна и не может преступить. Ограничение власти в правовом государстве создается признанием за человеком неотъемлемых, ненарушаемых, неприкосновенных и неотчуждаемых прав»².

Возникновение принципа, в соответствии с которым закон должен защищать права человека от злоупотреблений правительств, относят к работе Д. Локка «Два трактата о правлении», опубликованной в 1690 году. В дальнейшем Ш. Монтескье, в 1748 году, говоря о преимуществах неписаной конституции Англии в своем произведении «О духе законов», показал, что достижения Англии в области обеспечения прав и свобод человека тесно связаны с разделением и сбалансированностью полномочий между законодательной, исполнительной и судебной властью.

Идеи Г. Гроция, Д. Локка, Ш. Монтескье, Т. Джефферсона в рамках теории естественного права о неотчуждаемых, неотъемлемых от личности правах человека, увязанные с учением о разделении властей, нашли свое проявление в практике формирования конституционного законодательства большинства демократических государств, в частности таких как, США, Франция.

Наиболее четко значение разделения властей как правовой предпосылки, основополагающей юридической гарантии соблюдения прав и свобод человека оказалось отражено во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года: «Любое обще-

¹ Цит. по: Дженис М., Кэй Р., Бредли Э. Европейское право в области прав человека (практика и комментарии). М., 1997. С. 3.

² Лекции по государственному праву (общее и особенное): Прочитаны в Московском коммерческом институте в 1908/1909 г. М., 1909. С. 7.

ство, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции»¹.

В современной научной литературе существуют различные точки зрения относительно практической значимости теории разделения властей, в том числе и в области обеспечения прав и свобод человека.

Одни исследователи говорят о теории разделения властей как о «формальной теории», практика применения которой в различных государствах носит весьма противоречивый характер. Это связывают с тем, что реального, установившегося баланса в разделении властей нет, и, следовательно, речь может идти лишь о научной концепции.

Другие ученые, напротив, воспринимают разделение властей в качестве вполне устоявшегося конституционно-правового принципа организации государственной власти, который выступает в роли надежного инструмента обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Иными словами, разделение властей воспринимается и как доктрина, и как принцип, связанный с постоянным «перераспределением и изменением баланса власти между ее различными ветвями»².

Таким образом, вполне справедливо указывает Б. Н. Топорнин, что «...разделение властей одновременно выступает как следствие, порождение правового государства, так и как предпосылка, условие его успешного функционирования и развития»³.

К сожалению, в России полнота реализации прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации 1993 года, с теорией и практикой разделения властей, как правило, не увязывается, остается за рамками научных исследований.

При отсутствии сбалансированных отношений ветвей власти, сбоев в использовании системы «сдержек и противовесов» поле демократических преобразований постепенно сужается, а приоритет в обеспечении

¹ Дженис М., Кэй Р., Бредли Э. Европейское право в области прав человека (практика и комментарии). М., 1997. С. 12.

² Марченко М. Н. Современные интерпретации теории разделения властей на Западе // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 1994. № 4. С. 18–19.

³ Топорнин Б. Н. Права человека и разделение властей // Права человека: время трудных решений. М., 1991. С. 5.

прав и свобод человека и гражданина по-прежнему остается одним из декларативных положений Конституции.

В контексте изложенного следует отметить, что теория разделения властей одинаково важна для разработки любых юридических моделей и конструкций, способствующих реализации всех основных принципов правового государства, в том числе реальному соблюдению прав и свобод человека и гражданина.

Например, уже в ближайшие пять лет можно было бы осуществить несколько важных практических шагов.

Во-первых, необходимо законодательно зафиксировать содержание и принципы гражданского контроля над соблюдением со стороны государства конституционно установленных прав и свобод человека и гражданина.

Во-вторых, подготовить на основе фундаментальных научных исследований и внести соответствующие поправки в действующую конституционную модель разделения властей.

В-третьих, разработать механизм ответственности должностных лиц за нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, права и свободы человека и гражданина могут быть надежно реализованы в государственно-правовой действительности только с учетом имеющихся в теории и практике разработок, в которых разделение властей выступает как сбалансированный организационно-правовой механизм.

А. Н. Садков

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Влияние религии на правосознание общества огромно. Это влияние прослеживается через участие религиозных организаций в различных благотворительных программах. Велика роль религиозных лидеров и в деле обеспечения мирного урегулирования локальных конфликтов. Не следует забывать, что понятие «национальная безопасность» напрямую связано с состоянием духовно-нравственной, политической, экономической, научно-технической, экологической сферы жизнедеятельности нашего общества, с его военно-оборонительным потенциалом. Оно опирается на всю систему национально-государственных ценностей и интересов. Рели-

гиозный фактор как бы смыкается с идеологией и мировоззрением и поэтому заслуживает самого пристального внимания¹.

Реализация продекларированного ст. 28 Конституции Российской Федерации права на свободу совести и свободу вероисповедания в основном осуществляется через религиозные объединения, среди которых выделяются религиозные организации и религиозные группы. В соответствии с действующим законодательством² религиозные организации являются юридическими лицами, а религиозные группы нет.

ГК РФ относит религиозные организации к некоммерческим организациям, для которых основной целью является удовлетворение нематериальных потребностей человека, имеющих значение для развития его внутреннего духовного мира. На примере Русской Православной Церкви В. Э. Гефенидер отмечает, что конечная цель деятельности Церкви Христовой находится за гранью видимого мира, в то время как право оперирует мирскими, а не духовными категориями³. При этом следует учитывать, что описание цели деятельности религиозных организаций с использованием юридической терминологии представляет определенную сложность, и во избежание возникающей при определении церковных целей терминологической путаницы необходимо сосредоточить внимание на видимых и, так сказать, осязаемых средствах достижения Церковью своих, по существу, духовных целей. Указание пути к достижению Царства Божия, стяжание Святого Духа, спасение душ верующих не вписываются в рамки земного права, так как это не связано с юридическими фактами и, соответственно, не может породить правовых последствий. В то же время удовлетворение духовных потребностей невозможно без создания надлежащих материальных условий. Снижение имущественного бремени отправления культа, реставрация храмов, приобретение предметов религиозного назначения, решение других, стоящих перед религиозными организациями задач, требуют активного участия их в хозяйственном обороте в качестве субъекта гражданских правоотношений.

¹ См.: *Хвыля-Олинтер А.* Деструктивные религиозные секты России // Профессинал. 1999. № 2–3. С. 49.

² Ст. 7, 8 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. от 26 марта 2000 г., 21 марта 2002 г., 25 июля 2002 г.) // Собрание законодательства. 1997. № 39. Ст. 4465; 2002. № 12. Ст. 1093; 2000. № 14. Ст. 1430; 2002. № 30. Ст. 3029.

³ См.: *Русская Православная Церковь и право: Комментарий / Отв. ред. М. В. Ильичев.* М., 1999. С. 101.

Вопрос о правовом положении религиозных организаций в современной России привлекает к себе внимание широких кругов, как в нашей стране, так и за ее пределами, ибо влияние религии на общественное сознание трудно переоценить. За последнее десятилетие коренным образом изменилась религиозная ситуация, на новый этап развития вышли государственно-религиозные отношения, при этом число зарегистрированных конфессиональных направлений возросло с 20 до 60¹. Таким образом, можно обоснованно утверждать, что Россия является особым, многоконфессиональным государством.

В Конституции Российской Федерации закреплён принцип отделения религии от государства, невмешательства государства во внутренние дела религиозных объединений, закреплено право гражданина и человека на свободу совести и свободу вероисповедания. В то же время Федеральный закон от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» выделяет в качестве концептуальной идею культурно-исторической избирательности, суть которой проявляется в предоставлении определенных преимуществ тем конфессиям, которые, по мнению законодателя, обладают особой культурной и исторической значимостью.

Именно этим и объясняется тот факт, что хотя формально-юридические признаки религиозной группы соответствуют признакам религиозной организации, тем не менее законодатель вводит дополнительный признак неюридического характера для признания религиозной группы субъектом гражданских правоотношений. На наш взгляд, это происходит исключительно в интересах традиционных религий и создает необоснованные препятствия для осуществления деятельности новых религиозных движений в России, так как при отсутствии пятнадцатилетнего стажа существования или подтверждения вхождения в состав ранее зарегистрированной централизованной религиозной организации религиозная группа не признается субъектом гражданского права.

Такой подход является следствием лоббирования своих интересов представителями так называемых традиционных конфессий, что является одним из проявлений дискриминации по отношению к новым религиям. Ссылки на исключительно негативное влияние этих религий на массовое сознание, подчеркивание деструктивности новых культов являются большей частью одной из форм борь-

¹ См.: Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / Сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский. М., 2001. С. 3.

бы за выживаемость тех конфессий, которые существуют тысячами и в последнее время все более и более уступают свои позиции новым религиозным движениям. Ибо последние порой более адаптированы к современным требованиям по способам и формам богослужений, по образности и доступности религиозных обрядов и пр.

Однако, хотя основания для ликвидации религиозной организации и запрета на ее деятельность достаточно четко прописаны в ст. 14 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», рассматривая особенности правового положения религиозных организаций, мы обратили внимание, что данные организации не могут подвергаться процедуре банкротства. Гражданский кодекс РФ (ст. 64) и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»¹ не предполагают распространение норм о банкротстве на религиозные организации. Это создает прецедент, при котором религиозная организация-должник может продолжать действовать в гражданском обороте и не расплачиваться по своим долгам неопределенно длительное время. Данное правило опирается на норму, согласно которой среди имущества религиозных организаций выделяется имущество богослужебного назначения, на которое не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов².

На наш взгляд, такое привилегированное положение религиозных организаций среди других субъектов предпринимательской деятельности нарушает один из основных принципов гражданского права – принцип равенства участников гражданского оборота, причем какого-либо обоснования для такого нарушения законодатель не выделяет. Мы считаем, что участие религиозных организаций в гражданских правоотношениях должно регулироваться, исходя из общих начал гражданского законодательства, закрепленных в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Религиозные организации как участники гражданского оборота должны находиться в равном положении с другими лицами. В целях обеспечения исполнения обязательств нельзя отказывать кредиторам в праве требовать наложения взыскания на богослужебное имущество религиозных организаций, особенно если предметы культа сделаны из

¹ Статья 1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² См.: П. 5 ст. 21 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

драгоценных камней и металлов, либо имеют высокую потребительскую стоимость (например, здания). Однако, учитывая значение культового имущества для проведения богослужений, на наш взгляд, необходимо установить особый порядок реализации данного имущества с публичных торгов и предусмотреть право преимущественной покупки для религиозных организаций того же вероисповедания, что и ликвидируемая религиозная организация. Мы считаем, что религиозные организации должны подвергаться процедуре банкротства, если они не способны удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. Распространение процедуры банкротства на религиозные организации будет способствовать упорядочению правоотношений (гражданских, трудовых, административных, налоговых и пр.), в которых одним из субъектов является религиозная организация.

Е. В. Ковшикова

КОНФЛИКТ В ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКЕ «ГРАЖДАНИН – ОРГАНИЗАЦИЯ»

Письменные обращения граждан (далее – ДП) в различные инстанции преследуют цель – разрешить ту или иную проблему, которая носит зачастую конфликтный характер. Исходя из этой цели возникает ряд ограничений, оптимизирующих данные коммуникации. Официальные условия общения «Гражданин – ДП – Должностное лицо» отличаются тем, что регламентируют обнаружение личностного начала и соответственное качество вербального отбора. Так, нарушение речевого этикета в устоявшихся официальных отношениях вызывает определенные осложнения психологического свойства, меняющие интенции отправителя текста и реакции получателя. Таким образом, выбранная коммуникативная стратегия может существенно отразиться на результате: вместо разрешения конфликт может усугубиться.

Существует зависимость: параметры разговорной речи таковы, что способствуют неосознанному слиянию языкового стереотипа, стандарта с индивидуальной активностью в речевой деятельности, и это определяет облик разговорного речевого поведения. Параметры специальной речи таковы, что сохраняют противопоставле-

ние этих ролей, потому что в ее пределах говорящие и слушающие, с одной стороны, имеют право намеренно ограничивать вторую роль групповым содержанием («говорю так, как принято говорить на эту тему и с этой целью»), а с другой – намеренно преодолевать это ограничение («говорю на эту тему и с этой целью не так, как принято, а по-своему»), и это определяет стратегический облик «специального речевого поведения».

То обстоятельство, что языковое варьирование не «свободно», ибо цель «усугубить конфликт» деструктивна в деловой коммуникации, не подвергается нами сомнению. Анализ ситуации речевого взаимодействия вплотную подводит нас к проблеме «переключения стилистического кода». При статусно-ситуативном «переключении кода» социальные нормы выбора связывают языковое стилистическое варьирование с ролевыми установками; контактностью участников общения; темой коммуникации; другими дополнительными ситуативными факторами.

Анализируя ситуацию коммуникации «Гражданин – Должностное лицо», мы пришли к выводу, что она диктует участникам в первую очередь необходимость следования нормам общения, соответствующим официально-деловому стилю языка, который максимально адаптирован для обеспечения эффективности такой коммуникации.

Нейтральный тон изложения – это норма делового этикета. Коммуникация может быть эффективна и конструктивна, если используются логические, а не эмоциональные средства убеждения, поэтому тексты деловой коммуникации в своем большинстве нейтральны с точки зрения эмоционально-экспрессивной окраски. Неспособность к полному ситуативно-ролевому переключению речевого кода является характерной чертой речевого поведения весьма обширного класса людей, участвующих в деловых коммуникациях, что дает квазиэффект – экспрессию, не рассчитанную на данного адресата.

Найти общий язык – значит преуспеть в совершении такого языкового отбора для текста, который свидетельствует о способности говорящего актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего, в соответствии с ожиданиями последнего. Если говорящий не задается данной проблемой, возникает квазикаммуникация с циркулирующей в ней квазиинформацией.

Противоположный эффект – снижение стилистического тона – достигается автором при реализации в тексте ДП помимо функции сообщения, функции воздействия. Автор, заинтересованный в по-

ложительном решении своего дела, помимо логических средств, аргументирующих проблему и направленных на чиновника как лицо, наделенное определенными полномочиями, использует эмоциональные языковые средства, которые, согласно стратегии автора, воздействуют на человеческие чувства должностного лица. Результатом такой коммуникативной стратегии являются отклонения от функциональной тональности текста в разговорный стиль со сниженной грубо-просторечной, разговорно-бытовой экспрессивной лексикой.

Использование слов данного лексического пласта, содержащего отрицательную оценочность, в условиях деловой коммуникации является неуместным, так как это нарушает принцип кооперации, необходимый для достижения согласия между участниками коммуникации. Например:

ЖАЛОБА

Пишу Вам второй раз и прилагаю документы, хотя нам пишут, как дуракам, какую-то ахинею.

Имею ли я свои права на то, что хочу знать: в каком месяце будет отопление? Три года у нас отопление начинается за 3 дня до Нового года, и то подадут тепло, то отключат. Проходит октябрь месяц, и ни у кого не узнаешь: когда будет отопление?

Я обогреваюсь и газом и электроприборами. Кто заплатит мне за свет? И имею ли я право подавать в суд? Смотрите... У нас ЖЭУ, Райкомхоз, ЖЭР, где сидят Ярошенко, Тонконогов, Теплосети, Райисполком. И никто не знает об отоплении. Делают замкнутый круг, а ты по нему бегай с высунутым языком. Даже врут друг другу, что промыли батареи или нет. В конце 3-го квартала после моей беготни только промыли батареи, а обещали когда – я прилагаю документы. Вы будете нас считать за людей или за скот? Ведь три года мука! Звонишь, трубки бросают. Великие начальники дерьма и пара и имеют такие своих секретарей и бросают трубки. Ярошенко делает ремонт здания все под полировку, где он берет деньги? А купить трубу или кран денег нет; и сидят эти чиновники, к ним не пройдешь и ничего не найдешь.

Можно ли их считать за людей? Ведь это же не первый год. Значит, я не имею права грубить, хамить, ударить, на меня подадут в суд, а что с этими людьми делать, которые нас не считают ни во что. На них нет закона. И зачем держать столько

предприятий и начальников? Неужели нельзя слить во что-то одно с одним начальником? На сегодняшний день в батареях нет даже воды.

20 октября 1993 г.

Подпись

Данное письмо обращено к губернатору области, статус которого достаточно высок, что диктует необходимость создания стилистически однородного текста, в котором соблюдены нормы делового этикета. Однако автор, игнорируя данные характеристики адресата, использует в тексте обороты, которые переводят его в разряд текстов со стилистически сниженной грубо-оскорбительной тональностью. К таким оборотам относятся:

«пишут нам, как дуракам, какую-то ахинею»; «делают замкнутый круг, а ты бегай по нему с высунутым языком»; «вы будете нас считать за людей или за скот?»; «великие начальники дерьма и пара»; «можно ли их считать за людей?».

Использование подобной лексики, по нашим наблюдениям, резко снижает эффективность коммуникации и приводит к рассогласованию. В исследованном нами текстовом массиве выделены такие недопустимые в деловой коммуникации элементы рассогласования:

«вранье», «большущий блат», «дай бог, чтобы и вам так», «о вашей человеческой совести говорить не приходится», «против вас надо идти на баррикады», «кругом одни дураки», «к нам наплевательское отношение», «когда же в Вас совесть заговорит», «кругом бездушие, ложь, хамство», «благодетели из руководства», «я же вам не пацан», «таких надо гнать чистить скотные дворы», «не заткнете нам рты, господа! Не выйдет», «они что, родня или единовверцы кому-то в администрации», «истязатель, армян, нахал», «ваши лживые отписки», «мы поражены бездушием администрации», «опомнитесь, вы, администрация», «не рехнулась ли эта администрация», «мэр, не позорь своего однофамильца», «мы проклинаяем всех»... и т. д.

Для официального варианта речеповедения оскорбление связано с нарушением социального конвента – делового этикета, что серьезно снижает эффективность коммуникации, так как увеличивает социальную дистанцию между участниками, превращая их позиции в оппозиции вплоть до враждебных.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1. В условиях коммуникации «Гражданин – Должностное лицо» языковой отбор регулируется двумя противоположными началами:

«как все» и «от себя», соотношение которых в тексте позволяет говорить о коммуникативной стратегии автора обращения.

2. Отдельные виды коммуникативной стратегии авторов ДП – личных обращений приводят к созданию потенциально конфликтных текстов, что снижает эффективность коммуникации и приводит к усугублению конфликта. К ним, в частности, относятся:

а) отклонение от этикетных норм деловой коммуникации (автор преимущественно реализует функцию воздействия (угрозы, оскорбления);

б) использование неформальной лексики.

С. В. Петров

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОТИВОПРАВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАСТИКОВЫХ ДЕНЕГ

Появление новых направлений деятельности кредитных учреждений и расширение спектра предоставляемых услуг обусловили определенные изменения и в структуре экономических преступлений. Отмечается уменьшение доли преступлений, которые не требуют специальной квалификации, знаний или навыков, и увеличение удельного веса более сложных в исполнении, изощренных по замыслу преступных деяний, использующих недостатки новых технологических банковских операций и пробелы в нормативной базе.

Российская банковская система почти семьдесят лет находилась в состоянии стагнации. Данный факт повлиял на то, что изменения, происходящие в современный период в финансово-кредитной системе России, повлекли за собой ряд диспропорций и перекосов. Эти негативные явления наиболее выражены в отставании технической и нормативной базы, а также в недостаточном уровне квалификации многих сотрудников учреждений сферы экономики, в частности банков. Такие обстоятельства создают возможность для криминальных злоупотреблений в финансово-кредитной сфере экономики.

Криминальную обстановку в банковской сфере без преувеличения можно назвать напряженной. Среди основных факторов, оказывающих негативное влияние на криминальную обстановку в кредитно-финансовой сфере, хотелось бы выделить следующие:

– недостатки в нормативной базе регулирования взаимоотношений между хозяйствующими субъектами, в том числе между банками и их клиентами. Некоторые области банковской деятельности до последнего времени не имели нормативной базы, необходимой для их регулирования. Положение усугубляется тем, что многие

законы, положения и инструкции противоречат друг другу, данные факты свидетельствуют о недопустимой поспешности их принятия, которой не предшествовала глубокая проработка и понимание сути проблемы;

- незащищенность банковской системы России от проникновения в оборот поддельных расчетных документов. Данная проблема в первую очередь касается несовершенства системы безналичных расчетов, что дает возможность преступникам совершать мошеннические операции с использованием подложных платежных документов. Хочется отметить, что в настоящее время введением Центральным банком России новых правил документооборота в сфере безналичных расчетов остроту данной проблемы удалось существенно снизить. Это стало возможным благодаря учреждению ряда обязательных дополнительных мероприятий по контролю за прохождением платежей;

- замкнутость банковской системы. Данное обстоятельство позволяет должностным лицам кредитных учреждений совершать крупные злоупотребления. Руководители банковских структур практически никому не подконтрольны, кроме учредителей. Ссылаясь на коммерческую тайну и нормативные документы (в том числе локальные), они нередко препятствуют правоохранительным и контрольным органам в проведении проверок и ревизий. Поэтому представляется закономерным тот факт, что многие хищения в банковской сфере совершаются преступниками с использованием своего служебного положения. Например, из числа лиц, совершивших хищения с использованием пластиковых карт, более 70 % были тем или иным образом связаны с банковской деятельностью;

- появление на рынке и быстрое развитие технически сложных банковских услуг и внедрение в практику новых банковских операций. Функционирование банковской системы СССР происходило по крайне примитивным схемам. В связи с этим даже в настоящее время вызывает определенные сложности внедрение давно известных во всем мире банковских продуктов (например, расчеты международными дорожными чеками). Это касается депозитивных, форвардных операций на фондовом и валютном рынках, а также оборота пластиковых карт;

- доступность ПЭВМ и другой электронно-вычислительной техники широкому кругу населения, что способствует ее использованию при подготовке и осуществлении преступных посягательств на объекты финансово-кредитной системы. Наличие современных

ПЭВМ дает возможность потенциальным преступникам добывать финансово-экономическую информацию, не предназначенную для посторонних лиц, а также вносить изменения в такую информацию в целях осуществления преступных деяний. Нередко ПЭВМ используется для изготовления поддельных векселей, чеков, облигаций и других ценных бумаг, с дальнейшим их использованием ради незаконного обогащения.

Одним из характерных признаков зрелости рынка экономически развитых стран является распространенность и функциональность системы безналичных расчетов, причем в первую очередь – электронных.

Пластиковые карточки, особенно их технически совершенные виды, выступают в качестве одного из важнейших элементов технологической революции в банковском деле. Современные банки являются собой нервные узлы экономики, без их развития и совершенствования немыслим экономический прогресс. В этой связи можно сделать однозначный вывод о том, что стабильно функционирующая, динамично развивающаяся в русле мирового прогресса банковская система является необходимой составляющей процветания России. Следовательно, одной из приоритетных задач правоохранительных органов является обеспечение безопасности экономики России в целом и финансово-кредитных отношений в частности.

М. П. Толстопятая

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛИЗИНГА

Лизинг в настоящее время является действенным средством финансирования приобретения техники производителями.

Отношения, складывающиеся по поводу лизинга, регулируются значительным количеством законодательных и иных нормативных правовых актов. Каждый из документов описывает ту или иную сторону лизинговой деятельности. Обеспечить их взаимосвязь, взаимодействие – важнейшая задача законодателя.

ГК РФ и новая редакция Закона РФ «О лизинге» дают одинаковые определения лизинговой сделке (лизинговому договору). Однако эти два документа неодинаково отражают механизм лизинговой операции. Ныне действующий Закон РФ «О лизинге» в какой-то мере устраняет неполноту параграфа 6 «Финансовая аренда (лизинг)» гл. 34 «Аренда» ГК РФ и

опосредованно касается экономического признака лизинга – периодические платежи, подлежащие выплате по договору лизинга, рассчитываются, в частности, с учетом амортизации всей или существенной части стоимости оборудования. Так, при определении финансового и оперативного лизинга (п. 3 ст. 7) косвенно просматривается отражение этого основополагающего признака. В определении финансового лизинга указано, что «при этом срок, на который предмет лизинга передается лизингополучателю, соизмерим по продолжительности со сроком полной амортизации предмета лизинга или превышает его». Но это определение срока лизинга, а не структуры лизингового платежа, источника возмещения инвестиционных затрат лизингодателя. В ст. 31 участникам договора лизинга предоставлено право применять метод ускоренной амортизации предмета лизинга, но опять-таки это не указание на источник возмещения лизингодателю его инвестиционных затрат. В ст. 27 и 29 говорится о возмещении лизингодателю его инвестиционных затрат через лизинговые платежи, которые должны содержать амортизацию предмета лизинга, но не указано, что «всю или существенную часть».

Однако правила амортизации по сути являются ключевым звеном лизинга. То, что этот момент осознан законодателем и Правительство намерено его использовать как экономический механизм инвестиционной политики, говорит гл. 25 «Налог на прибыль организаций» НК РФ.

Новые правила амортизации предполагают следующее:

- при лизинге имущество амортизируется быстрее, чем без применения лизинга;
- сокращается количество факторов экономической эффективности. Из бывшего перечня остаются только два – экономия налога на прибыль и ускорение оборачиваемости капитала.

Практика показывает, что при введении новых правил амортизации лизинг остается для лизингополучателей привлекательным способом обновления своего производства.

То есть НК РФ подготовил основу для развития лизинга, определил достаточно прогрессивную амортизационную политику лизинга. Но амортизация – всего лишь звено, которое должно быть увязано в цепочку. А в новой редакции Закона «О лизинге» взаимосвязь между амортизацией и лизинговым платежом полностью отсутствует. Таким образом, отсутствует взаимосвязь между различными нормативными правовыми актами, регулирующими одну и ту же область общественных отношений.

Для исправления ситуации необходимо было бы отразить в Законе «О лизинге» все отличительные характеристики лизинга, которые состоят из следующих элементов:

- лизинговые платежи должны быть периодическими;
- платежи рассчитываются с учетом амортизации предмета лизинга;
- в платежах может учитываться амортизация предмета лизинга, вся или ее существенная часть.

В новой редакции Закона «О лизинге» нашел отражение только первый элемент характеристики лизинга.

Последствия отсутствия второго элемента экономической характеристики лизинга в основном проявляются на макроуровне:

- лизинг смыкается с иными отношениями и на законном основании может переходить в псевдолизинг;
- лизинг теряет амортизационный источник, он может финансироваться как из собственных средств предприятия, так и за счет фонда амортизации, – достоинства лизинга в масштабах государства работают в ограниченном размере;
- урезаются возможности государства управлять инвестиционным процессом посредством лизинга.

Последствия отсутствия третьего элемента экономической отличительной характеристики лизинга, в первую очередь, будут ощущаться на микроуровне:

- запрет определенным видам лизинга с неполной амортизацией (многообразие форм лизинга урезается до лизинга с полной амортизацией, осложняется проведение международных лизинговых сделок, в том числе и со странами СНГ);
- нет возможности после вынужденного прерывания лизингового договора передать предмет лизинга другому лизингополучателю (дополнительные искусственные риски несет лизингодатель).

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие дополнения к лизинговому законодательству РФ:

Дополнить Закон «О лизинге» экономической отличительной характеристикой лизинга: «периодические платежи, подлежащие выплате по договору лизинга, рассчитываются, в частности, с учетом амортизации всей или существенной части стоимости оборудования».

Установить в Законе «О лизинге», какая доля амортизации предмета лизинга понимается под «существенной частью стоимости оборудования».

Указать, что после вынужденного прерывания лизинговой сделки лизингодатель имеет право повторно сдать предмет лизинга новому лизингополучателю.

Установить максимально возможный размер кредитования лизинговой сделки со стороны лизингополучателя, допустим, 25–30 % от стоимости предмета лизинга в форме авансового платежа.

Кроме того, следует помнить, что Закон «О лизинге» является методологической базой построения Методики ведения лизинговых операций. Эти два документа неразрывно связаны. В силу этого, необходимо одновременно с подготовкой новой редакции Закона «О лизинге» разработать Методику ведения лизинговых операций и до принятия Закона «О лизинге» связать эти два важнейших документа.

Другим правовым фактором, ограничивающим применение лизинга, является неразвитость Арбитражного процессуального кодекса РФ в отношении норм защиты прав собственности. Практически невозможно изъять лизинговое имущество при нарушении обязательств лизингополучателем. По этой причине лизингодатели не считают предмет лизинга достаточным обеспечением лизинговой сделки и требуют предоставления дополнительных гарантий.

С февраля 2002 года отменен порядок лицензирования лизинговой деятельности. С одной стороны, резкое сокращение числа лицензируемых видов деятельности положительно сказалось на открытости отечественного рынка, на его динамичном развитии, с другой стороны, лизинговая деятельность требует высокого профессионализма и добросовестности участников – лизинговых компаний. Четкость исполнения лизинговых проектов в законодательном плане и эффективность и использование этих ресурсов во многом зависят от профессиональной квалификации персонала лизинговой компании и, в первую очередь, ее руководства. Существующая практика аттестации специалистов в банковской сфере, в сфере страхования, работы с ценными бумагами, оценочной деятельности может и должна быть распространена на лизинговую деятельность.

Необходимо проработать вопрос о создании такой аттестационной комиссии при Российской ассоциации лизинговых компаний.

Как известно, существенным элементом, затрудняющим развитие лизинга, является большой уровень риска. Его можно уменьшить, развивая страховую деятельность. Для этого органами власти и управления должен быть предусмотрен ряд мер, направленных на развитие деятельно-

сти страховых компаний, на включение в сферу их деятельности страхования в лизинговых сделках не только имущества, но и других видов риска.

К проблеме, требующей неотложного решения, относится также процедура информационного обеспечения лизинга. В связи с этим на государственном уровне следует предусмотреть порядок структурного информационного обеспечения лизинговых сделок, а также процедуру выдачи гарантий под эти сделки. Вместе с тем необходимо создание базы данных, содержащей доступную для производителей информацию, на основе которой укреплялись и совершенствовались бы хозяйственные связи между участниками лизинговых сделок. Целесообразно также проведение на региональном уровне периодических семинаров, конференций с участием всех представителей потенциальных субъектов лизинговой сделки, выпуск методических, каталожных, рекламных, нормативных материалов.

Одним из основных вопросов проведения лизинговых операций является начисление лизинговых платежей, увязанных с финансовыми возможностями своевременной их выплаты лизингополучателем и получения прибыли лизинговой компанией. Методы расчета лизинговых платежей, содержащиеся в Методических рекомендациях лизинговых платежей, утвержденных 16 апреля 1996 года, не предусматривают учет дополнительных издержек, возникающих по вине изготовителей техники в случае отказа в работе машин и оборудования и возмещаемых лизингополучателями, что уменьшает их заинтересованность в сделке.

Рыночные условия и разработанные правовые документы дают достаточную самостоятельность собственникам объекта лизинга для выбора методики начисления лизинговых платежей и способа амортизационных отчислений. В период плановой экономики широко применялся метод равномерного начисления амортизации средств производства по балансовой стоимости или пропорционально выполненной работе. В настоящее время возможность применения различных способов амортизации расширила самостоятельность предприятий. Однако обоснование выбора способа начисления амортизации методически не разработано.

Лизинг – реальный инструмент, который может решить проблему обновления основных фондов предприятий. Для повышения эффективности лизинга необходима работа по следующим направлениям:

- совершенствование лизингового законодательства;

- учреждение для лизинговых компаний аттестационной инстанции;
- формирование системы информационного обеспечения лизинга;
- содействие развитию страховой деятельности в рамках лизинговых отношений;
- разработка эффективной гибкой методики расчета лизинговых платежей.

О. А. Бортенева

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПОНИМАНИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

...Право есть вообще свобода как идея.

Г. Гегель «Философия права»

В рамках философского подхода к правопониманию, которое в среде правоведов в последние годы находит все больше сторонников, активно обсуждаются уже не столько проблемы формально-юридического закрепления гражданско-правовых свобод, сколько необходимость разработки и внедрения в юридическую практику действенных правовых конструкций, выступающих в качестве гарантий реализации таких свобод.

Принцип свободы договора проистекает из положений, изложенных в Конституции РФ. В частности, ст. 8 Конституции Российской Федерации провозглашает свободу экономической деятельности, ст. 34 и 35 говорят о праве каждого лица на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом деятельности.

В то же время в тексте Конституции принцип свободы договора прямо не закреплен. Несмотря на это, многие ученые-правоведы, подчеркивая важность принципа свободы договора для эффективного развития экономики, построенной на рыночных отношениях, считают, что принцип свободы договора следует относить к разряду конституционных. Предлагается даже внести соответствующие изменения в Конституцию Российской Федерации¹.

Свобода договора означает, что:

¹ См.: Ершов Ю. Л. Принцип свободы договора и его реализация в гражданском праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 16.

- граждане и юридические лица свободны в выборе: заключать или не заключать договор, а также по своему усмотрению выбирать вид договора и формировать его условия (ст. 421 ГК РФ);
- стороны свободны в выборе контрагента по договору;
- стороны имеют возможность изменить договор или расторгнуть его в любое время, не нарушая при этом прав контрагентов. Причем расторжение договора в одностороннем порядке возможно только в случаях, оговоренных либо в законе, либо в договоре, иначе договор теряет свой смысл и значение как частноправовой инструмент регулирования общественных отношений.

Последние два положения прямо в ГК РФ не закреплены, однако непосредственно вытекают из смысла принципа свободы договора.

Таким образом, свобода договора «состоит в возможности для субъектов гражданского оборота самостоятельно определять необходимость заключения договора, вид и содержание договора, выбирать контрагентов»¹, изменять или расторгать договор в любое время.

При внимательном анализе содержания такой категории, как «свобода договора», обращает на себя внимание то обстоятельство, что субъекты договорных отношений в публичных договорах и договорах присоединения, выбирая в соответствии со ст. 421 ГК РФ вид договора и формируя его условия, находятся в неравном положении. Возможности одного из контрагентов, в силу их презюмируемого неравенства в данных отношениях, значительно ограничены.

Например, в типовом договоре об оказании услуг телефонной связи, с одной стороны, реализуется возможность «присоединяющегося» субъекта выбирать вид договора, однако, с другой стороны, ограничивается его право формировать условия данного договора. Это становится возможным в силу требований п. 1 ст. 428 ГК РФ, который гласит, что условия такого договора «могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом».

«Слабым» контрагентом в публичных договорах и договорах присоединения следует признать не только граждан-потребителей, но и юридические лица, граждан-предпринимателей, нуждающихся в соответствующих товарах (услугах, работах).

Не в полной мере на практике реализуется и такой элемент свободы договора, как возможность выбора контрагента, поскольку в

¹ Козлова М. Ю. К вопросу о содержании понятий «договор» и «свобода договора» // Вестник СГАП. 2001. № 6 (29). С. 41.

каждом из сегментов рынка неизбежно формируются доминирующие субъекты. Это может быть вызвано, в частности, участием в договорных отношениях естественных монополий, отсутствием должного контроля над функционированием рынков со стороны антимонопольных органов.

Таким образом, принцип свободы договора в публичных договорах и договорах присоединения находит свое реальное воплощение только в действиях контрагента, предлагающего заключить договор. Именно этот субъект диктует условия договора. Другая же сторона заключает договор в силу необходимости.

Законодатель, учитывая неравенство субъектов в публичных договорах и договорах присоединения, вводит систему гарантий, обеспечивающих защиту интересов "слабого" субъекта отношений, устанавливая контроль над действиями экономически более сильной стороны.

Однако равновесие возможностей сторон при этом не достигается.

В частности, хозяйствующему субъекту, даже если он занимает доминирующее положение в определенном сегменте рынка, ст. 450 ГК РФ предоставляет возможность отказаться от заключения договора или расторгнуть уже существующий договор в случае неплатежеспособности контрагента, а также в иных случаях несоблюдения контрагентом условий договора. Однако некоторые потребители услуг естественных монополистов пользуются ситуацией, когда в силу закона или других обстоятельств невозможно прекратить их оказание, и не оплачивают такие услуги.

К сожалению, в гражданском законодательстве пока отсутствуют правовые механизмы, детально регламентирующие права и обязанности всех субъектов договорных отношений в публичных договорах и договорах присоединения, предусматривающие своеобразную систему «сдержек и противовесов» в договорах, в которых субъекты изначально неравны. Думается, что только разработка подобных, уравнивающих субъектов права в их отношениях, правовых механизмов позволит устранить и правовую неурегулированность в этой проблемной сфере гражданского законодательства.

Е. А. Гончаров

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Свобода и личная неприкосновенность – неизменные атрибуты гражданского общества, позволяющие личности существовать в условиях отсутствия диктата со стороны кого бы то ни было (в первую очередь – государства), препятствующего свободе действий, поступков, возможности самовыражения и т. п.

Сама природа человека предопределяет закономерность обладания указанными благами, поэтому в юриспруденции указанное состояние обеспечивается реализацией права на свободу и личную неприкосновенность, традиционно относимого к естественным правам человека. «Мать естественного права есть сама природа человека»¹. Можно сказать, что данное право образует сущность человеческой личности – то, что дает ей ощущение подлинного «Я», и отчего она не может отказаться, не переставая быть самой собой.

Свобода и личная неприкосновенность – это нематериальные блага, которые, тем не менее, могут рассматриваться как гарантии осуществления большинства прав человека, нацеленных на обладание благами материальными.

В международных соглашениях указанное право традиционно ассоциируется с возможностью не подвергаться произвольным арестам или содержанию под стражей (ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не может быть лишен свободы иначе как на основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом»².

Думается, что это слишком узкое толкование содержания данного права. Этой же позиции придерживается и Европейский суд по правам человека, который, будучи ограничен указанной узкой трактовкой понятий, вынужден рассматривать в качестве задержаний и арестов действия, не укладывающиеся в рамки понятий «свобода» и «неприкосновенность»³. Закрепляя указанное право в Основном Законе государства, российский законодатель принял за основу формулировку, используемую в международно-правовых актах в

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1957. С. 45.

² Статья 5 Международного пакта о гражданских и политических правах // Международные акты о правах человека: Сб. документов. М., 2000.

³ Например, взятие проб крови, поскольку это связано с принудительным доставлением лица к следователю или в суд и в необходимости – подчинением их законным требованиям.

области прав человека. Примечательно, что в них право на свободу и личную неприкосновенность рассматривается как единое гражданское право человека, хотя, на наш взгляд, это два самостоятельных, хотя и взаимосвязанных между собой права.

Категория «свобода» в контексте данного права означает возможность человека осуществлять свою жизнедеятельность в условиях самостоятельного распоряжения собой: это возможность совершения тех или иных поступков (разумеется, правомерных), возможность распоряжаться своим временем, возможность свободно передвигаться. Последний аспект категории «свободы» по смыслу близок к свободе передвижения, которая осуществляется в пределах территории, на которой лицо находится на законных основаниях (ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах). Физическая свобода человека дает ему возможность реализовать свои потребности и стремления, не причиняя при этом вреда правам и свободам других лиц.

Содержание «личной неприкосновенности» более обширно. Полагаю, что данное понятие объединяет три вида неприкосновенности: моральную, физическую и психическую.

Моральная неприкосновенность охватывает область духовных ценностей, имеющих приоритетное значение в сознании конкретного индивида: представления о личном достоинстве, моральные убеждения, постулаты исповедуемого религиозного учения и т. п. Признание права на моральную неприкосновенность означает недопустимость вмешательства как государства, так и частных лиц в сферу духовных ценностей личности путем принуждения к отказу от них, либо путем их оскорбления, высмеивания и т. п. Разумеется, объектом защиты данного права не могут быть убеждения, основанные на признании неполноценности, второсортности человека по признаку его национальности, расы, религии и других признаков.

Физическая неприкосновенность – это состояние человека, которое характеризуется отсутствием посягательств на его здоровье, телесную неприкосновенность и половую свободу. Таким образом, лицо не должно подвергаться не только неправомерному воздействию, способному нарушить анатомическую целостность и естественное протекание физиологических процессов его организма, но и воздействию, может и не влекущему причинение физического вреда, но осуществляемому вопреки его воле (сексуальное насилие). Кроме того, недопустимо неправомерное принуждение в ходе осуществления действий, связанных с расследованием преступлений.

Многие ученые отмечают, что для России остается актуальной проблема ограничения свободы и неприкосновенности личности при проведении следственных и судебных действий, сопровождающихся принуждением¹. Это обусловлено, во-первых, тем обстоятельством, что форма реализации принуждения сама по себе приводит к унижению личного достоинства и во многих случаях порождает чувство стыдливости; во-вторых, спецификой самих действий, которые могут сопровождаться обнажением тела человека, необходимостью осмотра и обследования его полостей, а подчас и внутренних органов.

Дискуссионным остается вопрос о включении в понятие физической неприкосновенности возможности принятия автономного решения по вопросам распоряжения своим телом, отделенными от организма органами и тканями². Наибольшие споры вызывает определение статуса органов и тканей человеческого организма с момента их отчуждения от него. К ним относят: донорские органы и ткани, изъятые для последующей трансплантации, абортированные плоды, эмбриональный материал (плацента), ампутированные при операции части тела пациентов и т. д.

Одни авторы полагают, что органы и ткани, образующиеся в результате естественного биологического процесса, являются частью организма и не могут обладать статусом самостоятельного объекта материального мира, в частности объекта гражданско-правовых сделок³. Другие считают, что органы и ткани, будучи отделенными от организма человека, следует считать объектами, ограниченными в обороте⁴.

Конечно же это не понимание собственности в том смысле слова, как принято оценивать объект собственности в гражданском праве. Однако высказываемые в литературе аргументы относительно признания человека субъектом правомочий пользования и распоряжения своим телом и своими органами можно считать довольно убедительными. Если законодатель воспримет эту позицию, то к числу правомерных должны быть отнесены все деяния, потен-

¹ См., например: *Петрухин И. Л.* Человек и власть. М., 1999. С. 252.

² См.: *Малеина М. Н.* Личные неимущественные права граждан. М., 2000. С. 87.

³ См., например: *Красновский Г. Н.* Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в Законе РФ о трансплантации органов и (или) тканей человека // Государство и право. 1993. № 12. С. 74–75.

⁴ См.: *Маргацкая Н.* Гражданско-правовые вопросы трансплантации и донорства // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 1980. № 2. С. 84–85; *Малеина М. Н.* Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. С. 87.

циально вредные для здоровья человека, но осуществляемые с его согласия: проституция (не связанная с принуждением); продажа собственных донорских органов для последующей трансплантации (Законом РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» купля-продажа органов запрещена); согласие на причинение своему здоровью вреда той или иной степени тяжести и т. д.

Психическая неприкосновенность может быть рассмотрена как состояние психики человека, характеризующееся двумя особенностями: во-первых, отсутствием внешнего воздействия любого характера, направленного на подавление воли личности с целью принуждения ее к совершению определенного деяния в интересах принуждающего лица (лиц); во-вторых, отсутствием принудительной помощи психиатрического характера, не обусловленной медицинскими показаниями.

Первый из указанных аспектов права на психическую неприкосновенность предполагает отсутствие принуждения личности к совершению какого-либо деяния посредством угроз, шантажа, издевательств и т. п. Подобный способ воздействия, безусловно, является неправомерным, но, к сожалению, присутствует в арсенале средств, зачастую применяемых сотрудниками правоохранительных органов для получения показаний в процессе раскрытия и расследования преступлений. При этом моральная обусловленность цели, преследуемой применением психического принуждения, не может служить оправданием средств, которые нельзя признать приемлемыми ни с моральной, ни с правовой точек зрения.

Что же касается второго элемента психической неприкосновенности, то он базируется на двух правовых институтах. В уголовном праве это институт принудительных мер медицинского характера – особая уголовно-правовая форма государственного принуждения, которая заключается в принудительном лечении невменяемых лиц, а также вменяемых лиц, совершивших преступления и признанных нуждающимися по своему психическому состоянию в принудительном лечении.

Кроме того, Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» предусматривает возможность психиатрического стационарного обследования или лечения лица без его согласия или без согласия его законного представителя в случаях, когда по имеющимся данным оно совершает действия, дающие основания предполагать наличие у него тяжелого психиатрического расстройства, которое обуславливает:

- его непосредственную опасность для себя и окружающих;
- его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности;
- существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

Замечу также, что принудительное психиатрическое медикаментозное лечение, проводимое без надлежащих медицинских показаний, способно причинить вред здоровью человека. Эта проблема часто фигурирует в жалобах, направляемых пациентами психиатрических клиник Уполномоченному по правам человека в РФ.

Думается, что в условиях формирования гражданского общества и правового государства все права и свободы человека должны быть не только декларированы, но и реально защищены. И конечно же первостепенное внимание государство должно уделить праву на жизнь и праву на свободу и личную неприкосновенность, без которых невозможна не только полноценная жизнь, но и само существование человека.

ОТ ДЕМОКРАТИИ БОЛЬШИНСТВА – К ДЕМОКРАТИИ МЕНЬШИНСТВА

Принцип демократии, сложившийся в индустриальную эпоху, – это принцип власти большинства. Как отмечает Э. Тоффлер, элиты этой эпохи всегда претендуют на то, что говорят от имени большинства. Правительство США было «представляющим народ...созданным народом и ради народа»¹. Президент Никсон заявлял, что представляет «молчаливое большинство».

Вместо высокостратифицированного общества, в котором несколько крупных блоков объединяются, чтобы сформировать большинство, постиндустриальная эпоха сформировала конфигуративное общество (в другом аспекте его называют сетевым обществом) – общество, где тысячи меньшинств, многие из которых временны, кружатся в водовороте и образуют абсолютно новые преходящие модели². Возникает необходимость модели демократии, которая могла бы выразить не только волю большинства, но и волю меньшинства. Эта модель получила название «дискурсивной» или «делиберативной».

Делиберативная демократия является наследницей той традиции в истолковании политики, которая была заложена Аристотелем: политика должна быть свободным от принуждения и предрассудков взаимодействием равных граждан, которые, взаимно формируя и просвещая друг друга, обретают в этом общении знание, позволяющее им выработать решения относительно совместной жизни. В дальнейшем эти представления были надолго вытеснены из политической философии концепцией «реальной политики», берущей начало от Макиавелли. Политика рассматривается исключительно как борьба за власть, а власть как навязывание своей воли.

Возрождение аристотелевской традиции в понимании власти связано с именем Ханны Арендт, которая рассматривает власть как потенциал общей воли, сформированной в свободной, не принудительной (будь это даже воля большинства) коммуникации равных граждан. Она противопоставляет власть и насилие: «Насилие может лишь разрушить власть, оно не способно занять ее место»³. Коммуникативной властью, по

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 650.

² См.: Там же. С. 652.

³ Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000. С. 268.

Арендт, никто не может владеть: «...Властью же, собственно, никто не обладает, она возникает среди людей, когда они действуют вместе, и исчезает, как только они снова рассеиваются»¹. Политическую власть нельзя накапливать, чтобы потом пустить в ход для утверждения своих интересов, она существует лишь в той мере, в какой реализуется, порождая легитимные законы и институты. «С реализованной властью мы имеем дело всякий раз тогда, когда слова и дела выступают неразрывно сплетенными друг с другом, где речи, стало быть, не пусты, и дела не превращаются в немое насилие; где словами не злоупотребляют в целях сокрытия намерений, но говорят их, чтобы раскрыть действительность, и деяниями не злоупотребляют в целях насилия и разрушения, но учреждают и упрочивают ими новые связи, создавая тем самым новые реальности. Власть есть то, что зовет к существованию и вообще удерживает в бытии публичную сферу»². Применяя свою нормативную модель коммуникативного порождения легитимной власти к осмыслению современной политики, Арендт считает, что для осуществления демократического идеала самоуправления необходимо подлинное возрождение политической публичной сферы, где граждане могут вновь обрести власть, отчужденную от них бюрократическим государственным аппаратом. Первые статьи по делиберативной демократии написаны философами, которые придерживаются возрожденной Ханной Арендт традиции гражданского республиканизма права, традиции гражданского республиканизма (Н. Луман, Д. Миллер, В. Н. Рикер и др.).

Хабермас называет свой подход дискурсивной или делиберативной теорией демократии, делая акцент на обсуждении. Он подчеркивает: «...содержание решения, полученного в соответствии с надлежащей процедурой, должно быть таковым, чтобы оно могло рассматриваться как рационально мотивированный, но не застрахованный от ошибок результат дискуссии, временно прекращенной под давлением ограниченного срока обсуждения. Поэтому не следует путать дискурс как процедуру вынесения моральных или этических суждений с юридически институционализированными процедурами формирования политической воли (как бы ни были последние опосредованы дискурсом)»³.

¹ Там же. С. 265.

² Там же.

³ См.: *Habermas. I. Morality, Society and Ethics: An Interview with Torben Hviid Nielsen* // *Habermas. I. Justification and Application: Remarks on Discourse Ethics*. Cambridge, Mass., 1993. P. 159.

Таким образом, демократия меньшинства (дискурсивная или делиберативная модель) является способом достижения консенсуса, предполагающего согласие всех участников обсуждения.

Сведения об авторах

Бганцев В. В. – преподаватель кафедры социологии управления Волгоградской академии государственной службы.

Бортенев А. И. – профессор кафедры теории и истории государства и права Волгоградского филиала Московского университета потребительской кооперации, кандидат юридических наук, доцент.

Бортенева О. А. – студентка юридического факультета Волгоградского государственного университета.

Бухтиярова Т. Н. – аспирант социологического факультета Московского государственного университета.

Василенко И. В. – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета.

Вершкова Л. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России.

Ветютнев Ю. Ю. – преподаватель кафедры теории государства и права Волгоградского государственного университета.

Гончаров Е. А. – заместитель начальника отдела воспитательной работы Волгоградской академии МВД России.

Гуляихин В. Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической философии Волгоградского государственного университета.

Демидов Н. Н. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России.

Доронин Ю. П. – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России.

Дулина Н. В. – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой истории, культуры и социологии Волгоградского государственного технического университета.

Евдокимцев Д. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Волгоградской академии государственной службы.

Жуланов А. В. – преподаватель кафедры юридической психологии Волгоградской академии МВД России.

Иванов С. М. – кандидат философских наук, докторант кафедры социальной философии Волгоградского государственного университета.

Калашников А. Н. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридической психологии Волгоградской академии МВД России.

Калачев В. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России.

Ковшиков Е. М. – старший научный сотрудник отдела научной информации и координации научных исследований Волгоградской академии МВД России.

Ковшикова Е. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии управления Волгоградской академии государственной службы.

Кони́на О. В. – заместитель декана факультета экономики и управления, старший преподаватель кафедры маркетинга, менеджмента и организации производства Волгоградского государственного технического университета.

Копеля́н М. М. – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории права и государства Волгоградской академии государственной службы.

Купря́хин В. В. – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института (филиал) ВолгГТУ.

Лавре́нтьев С. В. – адъюнкт кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, ст. лейтенант юстиции.

Лебеде́в Н. И. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России.

Лебеде́ва С. О. – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института (филиал) ВолгГТУ.

Лобано́ва О. В. – аспирант социологического факультета Московского государственного университета.

Матви́енко Е. А. – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Волгоградской академии МВД России.

Матви́енко Т. Н. – заместитель директора МОУ СОШ № 75 по учебно-воспитательной работе.

Матковская Я. С. – кандидат экономических наук, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России.

Медведи́цкова Л. В. – адъюнкт кафедры теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России.

Михее́ва Е. Н. – соискатель кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета.

Мкртчя́н Е. Р. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления Волгоградской академии государственной службы.

Моро́думов Р. Н. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Волгоградской академии МВД России.

Моро́зова Т. А. – преподаватель кафедры юридической психологии Волгоградской академии МВД России.

Московце́в А. Ф. – доктор экономических наук, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России.

Нижегоро́дова Ю. В. – консультант информационно-аналитического отдела аппарата главы Администрации Волгоградской области.

Парамо́нова В. А. – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета.

Петров С. В. – адъюнкт кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Нижегородской академии МВД России.

Помещикова Я. С. – аспирант кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета.

Попов А. А. – аспирант кафедры философии Волгоградского государственного технического университета.

Попов В. П. – аспирант кафедры теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России.

Попович А. Н. – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии Волгоградской Академии МВД России.

Попович Г. В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России.

Пшеницына Л. С. – директор МОУ СОШ № 75.

Радовицкий К. А. – аспирант социологического факультета Московского государственного университета.

Романенко М. В. – доктор философских наук, профессор социологического факультета Московского государственного университета.

Садков А. Н. – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России.

Сацкевич Т. К. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Волгоградского филиала Московского университета потребительской кооперации.

Сухоруков В. А. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России.

Тимошенко Е. Ю. – соискатель кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета.

Тихонов А. А. – редактор редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.

Токарев В. В. – кандидат технических наук, доцент Волгоградского государственного технического университета.

Толстомятая М. П. – заместитель управляющего Волгоградским филиалом банка «Возрождение».

Фалалеева И. Н. – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Волгоградского государственного университета.

Шевченко В. В. – старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории Волгоградского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Раздел I. ПРАВО КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ.....	6
<i>Попович А. Н., Попович Г. В.</i> Логика норм.....	6
<i>Гуляихин В. Н.</i> Особенности русского менталитета и правовой нигилизм.....	14
<i>Калачев В. А. Л. Н. Толстой</i> о сущности права.....	16
<i>Матвиенко Е. А.</i> Совершенствование ценностных аспектов правосознания как средство обеспечения безопасности в условиях современного мегаполиса.....	22
<i>Медведицкова Л. В.</i> Права и свободы человека и гражданина как высшая ценность общества и государства.....	25
<i>Сухоруков В. А.</i> Педагогика и право.....	28
<i>Шевченко В. В.</i> О возможности учета исторического опыта в процессе правовой реформы в России.....	32
<i>Ветютнев Ю. Ю.</i> Использование государственно- правовых закономерностей в федеральном и региональном правотворчестве (теоретические и философско-правовые аспекты).....	37
<i>Евдокимцев Д. В.</i> Методы культивирования профессиональной этики в рамках корпоративной культуры.....	39
<i>Фалалеева И. Н.</i> Псевдоправовые порядки в ракурсе юридической антропологии.....	42
<i>Копелян М. М.</i> Особенности становления философии права в России.....	45
<i>Иванов С. М.</i> Религиозные нормативные системы – от прошлого к настоящему.....	47
<i>Лебедев Н. И., Лебедева С. О.</i> Западноевропейские и русские традиции философии права.....	52
<i>Попов А. А.</i> Информационная собственность и свобода в постиндустриальную эпоху.....	55
<i>Лаврентьев С. В.</i> Принципы права и принципы конституционного статуса личности.....	58
Раздел II. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА.....	58
<i>Парамонова В. А.</i> К вопросу о дисциплинарном статусе социологии права.....	60

Нижегородова Ю. В., Дулина Н. В., Токарев В. В. Миграционная мобильность и ее влияние на адаптацию населения (на примере Волгограда).....	63
Калашников А. Н., Морозова Т. А. Дефекты социализации личности и аффективные состояния.....	66
Кони́на О. В., Дулина Н. В., Токарев В. В. Конституционные права и свободы в оценках и мнениях жителей Волгограда (по материалам конкретного социологического исследования).....	69
Мкртчян Е. Р. Социологическая подготовка юридических кадров.....	74
Московцев А. Ф. Теневизация общественной жизни как закономерность современного общественного развития.....	86
Токарев В. В., Дулина Н. В. Социальный конформизм и адаптация личности в условиях современного крупного города.....	88
Демидов Н. Н. Социальный феномен насилия и агрессивное поведение личности.....	90
Доронин Ю. П. Деятельность органов внутренних дел в зеркале общественного мнения.....	94
Дулина Н. В., Токарев В. В. Общественное мнение о состоянии преступности в регионе (по материалам социологического исследования).....	98
Раздел III. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПРИЧИНЫ, ФОРМЫ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ.....	98
Жуланов А. В. Аддиктивные формы отклоняющегося поведения.....	100
Пшеницына Л. С., Матвиенко Т. Н. Профилактика и коррекция девиантного поведения школьников.....	103
Лобанова О. В. Тенденции криминализации российского общества.....	105
Романенко М. В. Отклоняющееся поведение в социозентропии современной России.....	111
Бганцев В. В. Роль девиантного поведения в социальной динамике.....	113
Ковшикова Е. В., Ковшиков Е. М. Социально- психологическая характеристика девиантного поведения молодежи в условиях межэтнических конфликтов.....	119
Вершкова Л. В. Об особенностях понимания субъективного фактора негативной девиации в массовом обществе.....	127

Бухтиярова Т. Н. Свобода выбора как предпосылка формирования отклоняющегося поведения.....	129
Морозова Т. А. Социально-психологические предпосылки делинквентного поведения подростков.....	132
Тимошенко Е. Ю. Девиантное поведение детей-сирот: социологические аспекты.....	134
Василенко И. В., Михеева Е. Н. Основные формы деструктивного поведения на предприятиях в условиях рынка.....	136
Радовицкий К. А. Преступность в России и безопасность государства.....	140

Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....

	140
Купряхин В. В. Суд и права человека.....	142
Помещикова Я. С. Информационное общество и становление информационного законодательства в России (социологический анализ).....	145
Мородумов Р. Н. Информационное право.....	149
Матковская Я. С. Экономико-правовые вопросы патентования Интернет-технологий.....	151
Попов В. П. Организационно-правовые основы развития сталинградских органов внутренних дел в 1930 – 1941 гг.....	154
Бортенев А. И., Сацкевич Т. К. Права и свободы человека и гражданина в формировании теории и практики разделения властей.....	158
Садков А. Н. Свобода личности и религиозные организации.....	162
Ковшикова Е. В. Конфликт в деловой переписке «гражданин – организация».....	165
Петров С. В. Криминологический анализ противоправного использования пластиковых денег.....	168
Толстомятая М. П. Правовые проблемы повышения эффективности лизинга.....	172
Бортенева О. А. Принцип свободы договора в современном правопонимании и правоприменении.....	175
Гончаров Е. А. К вопросу о содержании права человека на свободу и личную неприкосновенность.....	180
Тихонов А. А. От демократии большинства – к демократии меньшинства.....	182
Сведения об авторах.....	

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ ПРАВА**

Сборник научных статей

Издано в авторской редакции
Технический редактор *Е. Н. Полоскова*
Корректор *М. С. Емельяненко*
Компьютерная верстка *О. Л. Ходуновой*

ПД № 9-0024 от 25.05.2001

Подписано в печать Формат 60X84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Физ. печ. л. 11,75.
Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 12,32. Заказ Тираж 150.

Волгоградская академия МВД России.
Редакционно-издательский отдел.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

ООП ВА МВД России.
400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.